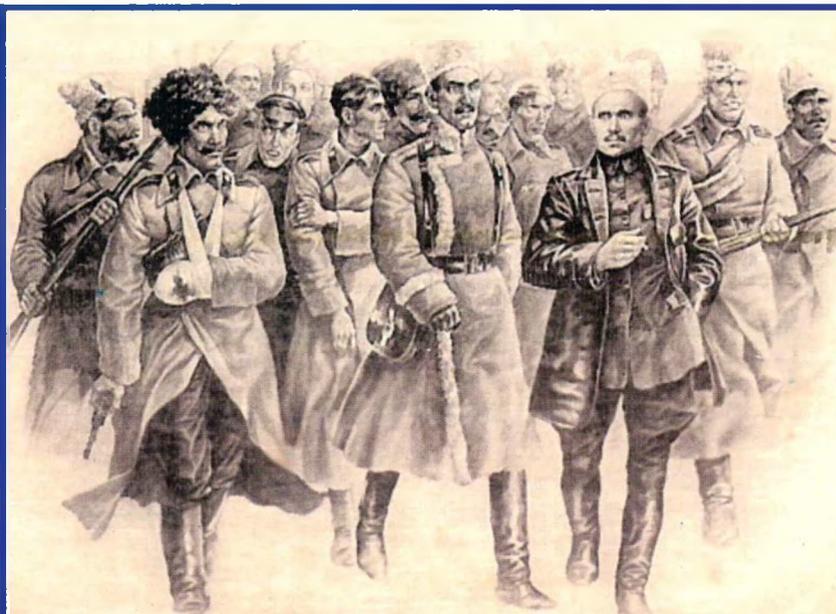

СТАНИЦА

общеказачья газета

издается в России с января 1992 г.

№ 1 (47) июнь 2006 г.

В 2005 году исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного донского художника - **Сергея Королькова**, лучшего иллюстратора "Тихого Дона" и автора известной картины, "Гибель казаков в Лиенце, в 1945 году".
О творчестве С.Г. Королькова - стр. 30 - 34

В номере:

* 17 лет "возрождения"

Казачьи общества сегодня на весьма низком уровне экономического и культурного развития

* Вернутся ли реликвии?..

Кто и как пытается сделать себе имя на решении вопроса о возвращении Кубанских реликвий

* Прощай, Тамань?..

Исполнилось 70 лет певцу казачьей Кубани Виктору Ивановичу Лихоносову

* Джигитовка по Белу Свету

Изданы новые книги воспоминаний полковника Фёдора Ивановича Елисеева

* "Парагуай"

Русские имена на карте Южной Америки

* Казачий архив

Новая историческая рубрика "Станицы"

* "Байки деда Игната"

Живое народное творчество Кубани

Подлинная Казачья Идея

проистекает из образа жизни, традиций, культуры и системы общественного самоуправления.

Не стали ли нынешние казаки заложниками увлечения военной формой?..

стр. 2 - 5

Сибирский казак со скрипкой, 1911 г. Фото с прошедшей в Санкт-Петербурге выставки "Часовые Отечества", посвященной казакам (стр. 44).

Казачья Идея - 2 : современная практика

В 41-м номере "Станицы" (2004 год) была опубликована статья "Казачья Идея" с обзором точек зрения казаков-эмигрантов на эту тему. Наши читатели продолжили обсуждение ее, высказывая свое понимание - и казачьей идеи, и, шире, **казачьей идеологии**.

Та статья заканчивалась так: все рассмотренные авторы в характеристике Казачьей Идеи называют в основном одни и те же нормы и качества казака, пусть и с небольшими вариациями: воля (вольность), личная свобода, полное равноправие, народоправство, нетерпимость к рабству и служение правде и справедливости. Вот именно эти характеристики и составляют идеологические основы казачества. То есть, **Казачья Идея - это жизненные нормы личной свободы, вольности и равноправия, воспитанные у казака образом жизни и всей системой общественного самоуправления.**

Обратим внимание: ни один автор не поставил **военную службу** в ряд с основными нормами и качествами казака! Я не раз писал, что для казака приоритетными ценностями никогда не были ни военная служба, ни, тем более, земельный надел. Эти глупости утверждали российские историки после Николая I, когда он назвал казачество военным служилым сословием; советские подхватили с удовольствием эту байку. На самом деле высшими ценностями казака изначально были **воля, вера и народовластие** - это не ценность, а суровая необходимость по защите своей воли-свободы, веры, жизни своей общины, своей земли (как написано на наградном яйцком кресте - Родины и Яика). Казаки всегда жили по границам Руси Великой и ежесекундно должны были быть готовы к отпору нападения врага. Так, Яицкие (уральские) казаки вплоть до смуты 1917 года жили по границе Яика, за которой кочевали киргизские орды, всегда жаждущие захватить пленников, скот, имущество. Поэтому казак был всегда вооружен и только поэтому с малых лет учился военному мастерству.

В связи с этим возникает острая необходимость осмысления нынешнего движения за возрождение казачества: надо признать, что **сами казаки оказались заложниками увлечения военной формой**, военными смотрами, чинами и прочей красивой мишуры. Посмотрите на наши Круги - сплошь офицеры, да еще все полковники и есаулы, редко увидишь сотника или хорунжего, а уж увидеть урядника или рядового казак - большая случайность. На первых кругах 90-91 годов подавляющая часть делегатов была еще в гражданском - видно, не успели пошить мундиры.

Между тем увлечение военной формой - далеко не безобидная игрушка, ибо тянет за собой серьезные последствия. Хотя бы потому, что погоны, особенно членов правлений всех уровней, вызывают не только у обывателей, но и, что гораздо печальнее, у властей представление о казачьих организациях как о **военных структурах**.

Почти все нормативные акты, изданные за последние 15 лет, имеют военную направленность. Так, ельцинский указ 1993 года о господдержке казачества имел название "О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества". Я не говорю о том, что все благие якобы намерения указа (предполагалось по нему сделать далее проекты закона о казачьем самоуправлении, устава казачества, создать межведомственную комиссию по делам казачества при Правительстве РФ и т.д.) никто не собирался исполнять: они так и остались благими намерениями (которые известно куда ведут...). А мы наивно надеялись...

Затем появился указ о создании реестра, который готовили, в том числе, и многие очарованные казаки. Он окончательно закрепил убеждение власти в том, что казаки согласны быть служивым **сословием**. И, наконец, последний по времени путинский закон (уже не указ, но федеральный закон!) "О государственной службе российских казачества" тоже посвящен военизированному вопросу.

Этот документ поставил жирную точку в процессе **векового рассказывания**: теперь любой гражданин может записаться в реестровую команду - и он уже казак. А старики, казачки и дети казачьи - нет!?

Само увлечение военной формой имеет давние корни: еще в конце XIX века молодые служивые казаки демонстративно щеголяли в ней, вызывая на Яике бурное недовольство стариков. Мои предки, оказывается, хорошо понимали последствия таких увлечений. Поэтому вплоть до конца XIX века активно боролись против "регулярства и штата", не желая превращаться из казаков в солдат.

Последние крупные волнения на Яике случились в 1874 году - казаки протестовали против введения "Положения об общественном управлении станиц казачьих войск" и проиграла. Однако вековая традиция пока еще давала себе

знать. Вот фото **Войскового Яицкого Круга** - выборов от станиц 1915 года. Из 50-ти членов Круга только несколько человек в форме с погонами - в том числе в центре Войсковой Наказной Атаман генерал-лейтенант Н.Н. Шишов. Большинство - только в казачьих фуражках или тагарских шапках. Не думаю, что из всех депутатов не было военных казачьих чинов; конечно, были - но, тем не менее, они в гражданской одежде. Видно на снимке: за спиной Атамана стоит казак с двумя крестами, может быть, и Георгиевскими...

Серьезные последствия приходят совершенно неожиданно: вот казахстанские власти запрещают казачьи общины именно под тем предлогом, что в Казахстане запрещены военизированные организации! Конечно, *эти* власти по любому запретили бы "колонизаторов исконной киргизской земли", но уж очень хороший повод дали сами казаки, щеголяя в военной форме (да еще другого государства).

Ответственный секретарь "Национального Совета Донских Казаков" В. Попов в 2002 году пытался разъяснить В. Путину: "Мы понимаем, что в сознании многих **некомпетентных людей** слово "Войско" ассоциируется с военным образованием (что СМИ часто и разыгрывают), но менять наименование, нашими славными предками данное, не имеем права. Казаки всегда слово "Войско" понимали как **национально-государственное образование (государство или республика)**..." (Сборник НСДК, Ростов на Дону, 2005 г.).

Конечно, можно пытаться и дальше разъяснить всем "некомпетентным людям" (особенно СМИ), что слова "казачье войско" обозначают гражданское общество с его гражданскими членами. Но как объяснить, особенно власти, почему почти все члены этой республики одеты в военную форму, имеют высокие офицерские чины без соответствующего военного образования?

Видимо, дело не только в одном слове, а во всей **идеологии** казачьего движения!

Конечно, прав член того же НСДК В. Бутко: "У нас в руках есть ключ к свободе и истинному народоправству. Выше воинской доблести и его бессмертной славы следует **ценить выработанные принципы идеального самоуправления. Это общенародное законодательное собрание - Круг...**" Если я правильно понял автора, отсюда следует вывод: пора отказаться от военных игр и обратиться к восстановлению станичного самоуправления. А нормальное самоуправление **невозможно без хозяйственно-экономической самостоятельности** - и станиц, и войска в целом.

Кстати, еще в 1921 году председатель Донского круга В.А. Харламов отмечал: "Петербургские бюрократы, и военные, и штатские, искренне недоумевали - как это казаки выбирают оппозиционных депутатов. Они знали казака в строю, казака-воина, но совершенно не знали казака-гражданина, не знали, как дома живет и хозяйничает казак. А, между тем, казак строго различает службу, строй, дисциплину от своего гражданского положения".

П. Косов в сборнике написал: "станица - хозяин жизни и быта". Согласен, но с добавлением: станица - это центр казачьих обычаев (в старину на Дону говорили - обыкновенный), традиций, культуры и хозяйственного уклада. Из

всего этого вытекает естественный вывод: начинать возрождение казачества надо было с возрождения самоуправляющихся станиц и хуторов, а не с военизированного якобы Войска, раз в год собирающегося на торжественную говорильню. Пока еще есть время повернуть казачье движение в эту сторону.

Правда, как отметил В.Севрюков, не все зависит от самогo казачества: *"в наше время государство не готово к решительным шагам по возрождению казачества"*. Следует уточнить: "не готово" как? - объективно не может, или просто не готово потому, что не хочет? Думаю - второе вернее, ибо государственная власть в лице теперешних правителей на генетическом уровне панически боится казачьей самостоятельности. В.Севрюков прав, говоря, что *"идея казачества и казачья идея могут сопрягаться в являющиеся казачества при участии не всякого государства, заключившего договор с казаками. Если демократия всего лишь внешняя оболочка или ширма, и в основу построения общества и государства заложены иные идеи и принципы, то возрождение казачества невозможно"*.

Итак, наше движение оказалось на тушиковом направлении: вместо возрождения народоправства (самоуправления) и свободы-воли мы упорно возрождаем военное сословие с военными играми. Якобы безобидное увлечение военной формой выливается в соннице ряженных генералов и полковников, в безоружные якобы войска, в забвение хозяйственной жизни казаков, их быта (обычаев) и семьи. Отсюда и все нормативные акты: о военной службе, о реестре - без казачьей семьи, без хозяйства, без хутора и станицы.

А.Лудов пишет в сборнике, что мы много говорим о возрождении казачества, а *"на самом деле активно идет процесс перерождения и вырождения. Все дело в том, что движение казачьего возрождения по сей день не обрело своей идеологической основы"*. Автор полагает, что в основании казачьей идеологической платформы должны быть включены исторические знания о славном древнем казачьем бытии.

А уровень этих знаний, даже у ученых-историков, порой просто поражает! В том же сборнике приведен отчет по конференции "Восстановление в правах казачьего народа". Чего стоит публикация "Заключения по вопросу о донских казаках" (31.10.2000 г.) директора Института этнографии и антропологии РАН В.Тишкова. В нем - "научное открытие": оказывается, в 1640 году царское стрелцкое войско освободило от турок донскую землю и осталось жить на этой земле! *"Эти стрельцы, - заключает доктор исторических наук (!), - стали родоначальниками оседлого населения на Дону"*. Т.е. вообще казаков на Дону не было!

Но простого знания истории слишком мало без осмысления именно новейшей казачьей истории, без понимания нынешних казачьих (или псевдоказачьих) идеологичес-

ких течений. А это, к сожалению, очень разные (и даже взаимоисключающие) идейные течения.

Так, мартьяновско-наумовская идеология суть советски-гебистская, с большей долей сергианства: эти якобы казаки причащаются в православных храмах и одновременно глубоко почитают Сталина и все советское. Казалось бы, фантастическое сочетание! Однако все это имеет глубокие корни в идеологии сергианства, в основу которой в 30-х годах прошлого века был положен противоестественный союз христианства с коммунизмом, т.е. жертвы и палача. Вот вам основа перерождения и вырождения. А ведь исповедуют эту идеологию не маргинальные одиночки, но большие массы "казаков", объединенных далеко не только в одном "Союзе казаков"!

И о каком же, в таком случае, *"всеобщем объединении на основе этнических, духовных и исторических ценностей"* (А.Лудов) можно говорить? Именно с духовными ценностями здесь и не получается.

В этой связи более прав В.Кузьмин: *"Казачье движение, по сути дела, отказалось от реанимации тех староказачьих ценностей, которые... могли бы стать составной частью гражданского общества. Это, прежде всего, ценности демократии, свободы, равенства, дистанции от государственных институтов... В правовых актах видна тенденция к возрождению казачества как сословия... Отсутствие национальной казачьей идеи грозит донскому казачеству новыми бедами и поражениями"*. В подкрепление своей позиции и он тоже обращается к далекой истории. Невольно вспоминается окончание ироничной исторической поэмы А.К.Толстого: *Ходить бывает склизко \ По камешкам иным. \ О том, что очень близко, \ Мы лучше помолчим"*.

Между прочим, Г.Ковыкин прошел по "камешкам иным" - и поскользнулся: в докладе перечисляет казачьих героев и - в один ряд: Каледин, Корнилов, Семенов и... Миронов, Думенко, Буденный! Такое вот единение - первые трое боролись действительно "за староказачьи ценности", а последние - за полную их ликвидацию.

Интересно, что цитируемый мною здесь сборник в целом выступает против сословного понимания казачества, между тем в членах НСДК - главный реестровик-сословник, один из авторов последнего закона "О государственной службе российского казачества" атаман В.Водолацкий.

Как это понять? Может быть, как свидетельство того, что в теоретических наших размышлениях мы все ближе подходим к пониманию истинного "Духа Казачества"?.. Но вот в практической жизни у нас как-то не сходятся концы с концами. И потому все отчетливее видно не только перерождение нынешних потомков казаков, но и устремление их в итоговый тупик на пути "возрождения".

В. Шукров

"Казак в законе"

Единственно, что получили казаки от закона, это то, что *"дети из семей казаков получают преимущественное право проходить срочную воинскую службу и служить по контракту в частях российской армии, имеющих наименование "казачьи"*. Выходит, нынешний закон - это "ломаный грош", который дали власти искалеченному большевиками казачеству. Власть приравняла нынешних казаков к простым пенсионерам и ветеранам войны (мол *"ваше время прошло, если что-то случится, вы нам скажите, мы без вас разберемся..."*). Она всё ещё боится вернуть казакам отобранные большевиками землю и волю, так как понимает, что казаки всегда служили не за деньги (в отличие от нынешних правоохранительных и прочих госслужб), а за ВЕРУ и ВОЛЮ!..

С. Кувайцев

Заходите на наш сайт - <http://penzakazak.narod.ru>

"Казачий Дон" На протяжении практически всего времени издания "Станицы" одним из ее постоянных авторов остается К.Н.Хохульников - человек, посвятивший себя изучению казачьего зарубежья, возвращению на Родину неизвестных нынешним поколениям потомков казаков их произведений. Сегодня Константин Николаевич - директор некоммерческого фонда "Казачье зарубежье", им выпущена целая серия сборников из серии "Казачье зарубежье", о выпуске которых мы неоднократно сообщали. Редакция стало известно о создании в древней исторической столице Донского казачества - станице Старочеркасской - культурно-исторического комплекса "Казачий Дон" с храмом Покрова Пресвятой Богородицы. Комплекс этот создается по инициативе К.Н.Хохульникова в память казаков, упокоившихся на чужбине, и музеем казачьего зарубежья. 18 ноября 2005 года Войсковой Круг, придавая большое значение возвращению в Отечество богатейшего культурного и духовного наследия казачьего зарубежья, решил учредить в Ростове на Дону культурно-исторический центр "Казачье зарубежье" (библиотека, архив, читальный зал, фондохранилище).

”Да только воз и ныне там...”

14 лет уже, как вышел первый после октябрьского переворота нормативный акт о казачестве - Постановление Верховного Совета России от 16 июля 1992 г. №332 “О реабилитации казачества”.

Но, увы, у государства до сих пор нет ни понимания, ни сил, ни воли для возрождения казачества. Уместно вспомнить, каким было казачество до насильственного прекращения естественного развития нашей страны.

Сушность казачьих войск в Российской Империи.

Из членов казачьих общин формировался особый вид войск (обычно говорят - “иррегулярный”), получивший всемирную известность. Экономическую основу общин составляли закрепленные государством за казачьими войсками земли, эксплуатация которых позволяла казакам не только обеспечивать свои семьи, но и частично возмещать государственные расходы на военную службу казачества.

Социальную основу казачьих общин составляли бережно хранимые традиции (религиозность, самоуправление, взаимопомощь, семейные традиции, военное воспитание юношества, уникальный фольклор). Эта система была полностью разрушена после 1917 года.

Краткий обзор современного положения.

Внесенные в госреестр казачьи общества имеют статус общественных объединений, нередко с фиктивной численностью, случайным составом, значительным влиянием преступных элементов. Большинство потомков казаков, состоявших в современной жизни, оказались в стороне от движения. Подлинному возрождению общин, традиций и уникальной культуры уделяется мало внимания.

Общества имеют свои небольшие бизнес-структуры, охранные предприятия, в ряде случаев “крышуют” бизнесменов на местах. Атаманы, благодаря принятым в 1993-96 гг. указам Президента о казачестве, получили определенный административный ресурс, который служит им инструментом лоббирования своих интересов в органах власти.

Одна из главных причин плачевного состояния казачьих обществ - неуверенная и неумелая политика заинтересованных органов власти. Вопрос о возрождении особого казачьего вида войск игнорируется. Чиновниками высказываются опасения, что создание вооруженных казачьих формирований приведет к ответной реакции горских народов и новому витку противостояния на Северном Кавказе. Для сравнения: в Латвии и Эстонии войска типа национальной гвардии “зиemi страги” и “катсейлинна” были сформированы всего за 1-2 года - завидная организованность!

Действующее законодательство позволяет реестровым казакам служить на общих основаниях в Минобороны, МЧС и МВД, либо в качестве жалкого подобия советских ДОСААФ и ДНД. Участие в неких патрулированиях, досмотрах, охране рынков возвращает часть казаков, позоря саму идею возрождения.

В результате, например, от Кубанского войскового общества за 7 лет в армию было направлено всего 6 тыс. чел., в охране границы участвует до 1 тыс. казаков на общественных началах. Количество служилых выходит примерно на уровне начала 17-го века - уж не говоря о качестве.

Год назад российская власть в очередной раз продекларировала возвращение к процессу становления казачества. После встречи с реестровыми атаманами в Вешенской 25 мая 2005 года В. Путин дал поручение о разработке концепции государственной политики в отношении казачества и программы становления его госслужбы.

В декабре 2005 года был принят федеральный закон “О государственной службе российского казачества”. Однако он не стал шагом вперед, лишь закрепив ряд норм и указов Президента, изданных в 1995-99 гг. Закон не является актом прямого действия, не регулирует службу казачества и механизм его взаимодействия с государством - хотя и оставляет надежды, что в будущем возможно создание системы госслужбы и ее финансирование.

Что же делает в настоящее время Правительство России для исполнения поручений Президента? В развитие зако-

на готовятся следующие нормативные акты:

1. Концепция государственной политики в отношении казачества. Должна представлять собой систему взглядов, принципов и приоритетов органов власти в отношении казачества до 2010 года. Разработчик - Минрегион, срок исполнения - 1 мая 2006 г., текст недавно был направлен на рассмотрение Правительства. Проект согласован с рядом заинтересованных министерств и ведомств, но не одобрен Администрацией Президента в лице ее Государственно-правового и Экспертного управлений, частичные, но весьма существенные возражения привели Минобороны и Минобрнауки.

2. Ведомственная целевая программа “Создание ФГУП “Росказачество”. Предполагается создать в 2007 году при Минрегионе Федеральное государственное унитарное предприятие, которое будет обеспечивать выполнение целевых программ по казачеству.

3. Целевая Программа Минрегиона “Становление госслужбы казачества” на 2008-2010 г. (которую будет выполнять ФГУП).

Пока можно говорить только о проекте Концепции (остальные документы еще не разрабатываются).

Общее впечатление следующее. Документ имеет хаотический, туманный характер, не содержит главного - понимания, каким государство хочет видеть современное казачество, чем оно отличается от остального населения, как будут достигнуты поставленные цели.

Если рассматривать проект по существу, то бросается в глаза, что в нем стыдливо (мы все “родом из Октября”?) не упоминается образцовая модель казачьих войск Российской Империи. Нет представления, какие особенности ее можно было бы возродить в наши дни, и почему.

Отсутствует, как справедливо отмечено в замечаниях Экспертного управления Президента, социально-экономическое обоснование проекта, анализ современного состояния казачества (в том числе количественные показатели и оценка потенциала развития). Нет вообще доказательств, что **служба казачества необходима стране**. Отсюда подозрение: а вдруг это - продолжение официального прикрытия аферы, имитирующей работу неких обществ, в своем названии прикрывающихся великим именем казачества? На самом же деле они будут оставаться организациями, преследующими, в первую очередь, личные цели своих руководителей (повсеместно уже искусно использующих для укрепления своего имиджа безвозмездный труд энтузиастов возрождения).

Приводятся лишь пустые слова, вроде “дальнейшее развитие получила нормативная база” (опущен тот факт, что решительного прорыва в этой сфере до сих пор нет), “сформирован государственный реестр” (почему же советник Президента Г. Трошев настаивал на перерегистрации казачьих обществ?), “заключены договоры о несении службы” (а действуют ли они?), и т.д. И все время - обтекаемые, бюрократические фразы, за которыми ничего не стоит. “Патриотическое воспитание и образование казачьей молодежи стали неотъемлемой частью социальной самореализации казачества в гражданском обществе” - извините, ну никак не укладывается в голову, что же это такое! Или: “казачество - активный участник проведения мер по воспитанию культуры межнационального общения”. В этом случае взору представляется некая станица, где за партами сидят казаки и атаманы важно поучает их, как надо культурно общаться с представителями иных этносов.

Те же обтекаемые, ни к чему не обязывающие фразы - в разделе о принципах государственной политики в отношении казачества. Ну кто мог сомневаться, что имевший счастье (или несчастье) “отнести себя” к казакам, не будет все-таки лишен прав и свобод и “свободного волеизъявления гражданина”? Говорится о “выборе конкретного вида государственной службы” - а где же именно **казачья** служба? Неужели казачьи войска, вместо сосредоточения на своей уникальной служебной нише, так и будут бесконечно пытаться работать “на подхвате” во всевозможных структурах? И, как всегда, из документа в документ переходит безликая и пресловутая “самобытная культура, образ жизни, традиции и духовные ценности казачества”. Почему нельзя твердо сформулировать хотя бы основные традиции казаков: самоуправление, взаимопомощь, крепкая семья, военное вос-

питание юношества, духовность, самобытная культура?

Текст порою становится просто забавным. Например, фраза: *“одним из главных направлений деятельности казачьих обществ является предоставление качественных услуг населению”!* После этого уже не вызывает удивления идея создания уже упомянутого **ФГУП “Российское казачество”**. Вот это будет хозяйствующий субъект - “самодостаточный”, да еще и “самообеспечивающийся”!

Задач, если попробовать по страницам проекта, этот бюрократический субъект будет выполнять тьму тьмушую. И людей поставит для нужд государства (от охраны рынков до призывников), и сельское хозяйство поднимет, и национальные проекты освоит, и границы с “общественным порядком” без оружия ухитрится охранять, и молодых специалистов привлечет, и учебные классы модернизирует, и отток русского населения остановит, и международные связи укрепит, и даже создаст *“в обществе нравственную атмосферу, способствующую продвижению России по пути демократии” (!)*. У нас ведь теперь новый “светлый путь”, вместо пути к коммунизму - к демократии!..

Проект Концепции при этом тонко намекает, что кулачество на основе казачества не образуется: *“в основе... должны лежать интересы простых тружеников села”*. Только вот, жаль, не объясняет, как отделять “простых” тружеников от “непростых” - не иначе, вся надежда опять на классовое чутье! Не оговаривается в проекте и о каких именно интересах тружеников идет речь: бывшим партработникам, вероятно, заранее понятно, что интересы простых тружеников не могут быть аморальными, антигосударственными и т.п. Провозглашается, что главной целью государственной политики является возрождение казачества **на основе несения службы**. А как насчет возрождения казачьей общины и ее традиций? Без этого служба будет все той же, на общих “постовковых” началах - и никак не казачьей. И новой мировой славы на этой “службе” никогда не снискать, разве что среди бабушек на рынке.

В конце текста полуднамеком даются заманчивые обещания и общественным объединениям казачества. Оказывается, общественники смогут *“привлекаться в резерв для пополнения казачьих обществ и совместного решения задач в интересах государства”*.

Судя по отзывам на проект Концепции, другие органы власти не могут (или им это просто неинтересно, как участие в очередной преходящей кампании) дать конструктивную критику и предложения по данному документу. Видимо, нет сил, понимания, времени. Минобороны в отношении возрождения казачества вообще, как всегда, непреклонно: особые условия несения казачеством службы быть не должно! Спрашивается, почему МЧС может чем-то отличаться от МВД, или войска химзащиты от инженерных - а казачество ничем, кроме названий частей, отличаться не должно?

Вместо создания учебно-боевых центров для обучения казачат и взрослых, Концепция робко лепечет о неких *“задачах социальной адаптации детства”*, клубах и обществах. Выдвинутая Г. Трошевым идея вновь создать Главное управление казачьих войск Президентом России также не нашла поддержки в “заинтересованных” органах власти. Может быть, кто-то опасается президентского контроля? Конечно, иметь лоббистскую структуру интересов бизнесменов от казачества лучше вдали от взоров главы государства и его контрольного управления!

Итак - нет стержня, нет той силы, высоты духа, которые чувствуешь, листая Свод законов Российской Империи в части казачьих войск, читая прежние войсковые уставы...

Сегодня, как представляется, возможны следующие направления государственной политики в отношении казачества:

- активное и уверенное параллельное формирование казачьих общин (возрождение их традиций и культуры) и казачьих военных формирований (поселения в близких к горячим точкам регионах, национальная гвардия, мобрезерв, пограничная стража, Конвой главы государства и т.д.);

- продолжение затягивания решения проблемы, обещаний, предоставления нереализуемых на практике возможностей госслужбы и действующих льгот.

- акцент лишь на культурной составляющей казачества, как исторически сложившейся социально-культурной общности русского и некоторых других народов России.

Пусть государство, наконец, определится. Понятно, что даже хорошим, знающим чиновникам трудно подготовить достойный документ в рамках межведомственной группы - над ними довлеют сжатые сроки, условия постоянной текучки. Недаром практикуются “мозговые штурмы” для специалистов по сложным проблемам, в отдаленных пансионатах, где ничто не мешает сосредоточиться. Может быть, кто-либо из меценатов решил бы предоставить такую возможность подготовки документов по развитию казачества?

Но, самое важное - это мы **для себя**, прежде всего, должны **сами** решить, что ближе всего к идее возрождения того казачества, имя которого столетие назад гремело на весь мир, образ которого до сих пор неуничтожим в наших душах.

Мне кажется, что основой системы возрожденных казачьих войск должны стать милиционные формирования (прошу не путать с советской милицией - за этим общепринятым в мире термином кроется, по существу, система, больше похожая на национальную гвардию), близкие к “горячим точкам” поселения в южных регионах страны. Жители поселений должны, наверное, первоначально отбираться в большинстве из числа прямых потомков казаков с учетом их здоровья и морально-психологических данных, знания военного дела и традиций казачества. Жителям таких “новых” станиц нужно обеспечить достойное вознаграждение за службу по охране границ, жизненно важных объектов и постоянную готовность в качестве мобрезерва к предотвращению и отражению терактов. Причем при создании их не обязательно опираться на действующие казачьи организации, у которых могут быть совсем иные цели и которые могут стать тормозом в создании серьезных структур.

Впоследствии необходимо будет продумать систему учебы и переподготовки в военно-спортивных лагерях и на сборах, воссоздания института приписных казаков и т.д.

Необходимо составить банк “прорывных” идей по решению проблемы возрождения казачьей общины и службы. Как всегда в подобных случаях, России нужны люди не только образованные и умелые, но одновременно жертвенные люди, энтузиасты.

В проекте Концепции есть положения, которые в этом отношении заслуживают поддержки: оказание экономической поддержки казачьим обществам, которые не только выполняют обязательства по службе, но и развивают традиции, культуру; подготовка и повышение квалификации специалистов управленческого аппарата казачьих обществ, предоставление земельных участков в приграничных районах, поддержка на конкурсной основе местных программ и проектов, гарантии правовой, социальной защиты и материального обеспечения в период несения службы.

В феврале в ходе очередной на Ставрополье спецоперации уничтожали боевиков в селе Тукуй-Мектеб. После нее местные жители, ногайцы и русские, объявили о создании народной дружины и присоединении к Терскому казачьему обществу. Почему бы не взять, скажем, это село, как возможное место создания казачьего поселения? Были бы там прежде казаки, объединенные в формирования по типу национальной гвардии - боевики не смогли бы и думать в селе устраиваться...

Пока же, откровенно говоря, подлинное возрождение казачьих войск представляется таким же недостижимо высоким, как воссоздание русской монархии. Страна уже давно не та, и люди совсем другие - но что ни делай из самых благих побуждений, а все выходит похоже на КПСС.

В целом выводы по сегодняшнему положению казака в России могут быть такими:

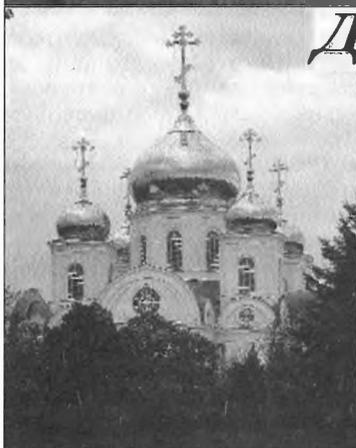
- **нынешние казачьи общества находятся на весьма низком уровне экономического и культурного развития;**
- **действующее законодательство не позволяет решать проблему возрождения казачьих общин, их традиций и службы.**

Рассматриваемый при этом в Правительстве России проект Концепции государственной политики в отношении казачества **не соответствует требованиям, предъявляемым к документам такого уровня.**

По прошествии стольких лет пора, наконец, окончательно определиться, куда идти. Нынешнее неопределенное, мутное состояние кому-то очень выгодно - **но только не настоящим казакам!**

Ю. Аверьянов

Долгая дорога к храму

Воскресным утром 28 мая был освящен воссозданный главный храм Кубанского Войска - во имя святого благоверного Великого Князя Александра Невского. Когда-то этот храм казаки называли **Белый Войсковой Собор**.

Правда, как уже отмечалось в "Станице", Александро-Невский собор восстановили не на его историческом месте в центре города, а в начале улицы Красной - на территории бывшей крепостной площади. Видимо, краевым властям милее вид из своих окон на бюст Жукова, стоящий над сохранившимися фундаментами войскового собора...

Храм, разрушенный большевиками в 1932 году, стоял прежде на главной площади Екатеринодара - Соборной, окруженный великолепными архитектурными памятниками - зданиями Войскового штаба, мужской и женской гимназии, офицерским собранием. Сейчас здесь сквер, а улица Соборная все еще остается улицей Ленина. Хотя, как ни странно, небольшой кусочек ее уже именуется по старому - Кубанская епархия явочным порядком стала писать свой адрес, как это полагается, и это прижилось!..

На торжественную литургию в честь освящения храма собрались тысячи кубанцев. В своей речи губернатор края А. Ткачев отметил, что открытие Войскового собора - знаковый и важный день для Кубани. **"Мы сейчас понимаем, что без Божьей помощи, без православия мы не сможем возродить нашу Кубань и нашу Россию!"**

Напротив собора с правой стороны улицы Красной уже стоит и бронзовая фигура Императрицы Екатерины II. Скоро состоится открытие и этого знаменитого памятника. Особое значение факту освящения восстановленного, пусть и на новом месте, Александро-Невского собора придает то, что именно в этот храм в XIX - начале XX века на всех праздниках торжественно вносились Кубанские Войсковые Регалии: знамена, царские грамоты и награды за воинские подвиги. Сейчас эти исторические предметы хранятся в Кубанском Войсковом музее в США, в городе Ховелле (штат Нью-Джерси), и на протяжении уже до-

вольно длительного времени в казачьем зарубежье и на Кубани ведется достаточно живая полемика по вопросу о возможности **возвращения реликвий на родину**.

Никто, пожалуй, не сомневается, что это необходимо - и, рано или поздно, обязательно должно случиться. Однако весь вопрос - **когда?** Какие условия, завещанные еще первыми хранителями Регалий - непримиримыми врагами безбожной советской власти - должны быть при этом обязательно выполнены? Какие условия хранения должны быть созданы, и возможно ли создать их вообще (особенно учитывая очень плохое, порой просто катастрофическое состояние многих предметов хранения) в действующем храме? Не стоит ли, учитывая все изложенное, вообще **отложить возвращение Регалий** - что называется, "до лучших времен"?..

Особую остроту дискуссии придали пришедшие в прошлом году из Америки неутешительные известия, что небольшая часть предметов, хранящихся в Войсковом музее, при попытке описи **не была обнаружена** (в частности, уникальные знамена, оружие, царские грамоты и т.д.). Это, в свою очередь, привело к усилению раскола среди немногочисленной на сегодняшний день кубанской диаспоры в США - в том числе, и по самому важному вопросу: о необходимости такого срочного возврата Регалий на Кубань.

По имеющейся информации, в апреле этого года зарубежные кубанцы (во всяком случае, наиболее их организованная часть) приняли все-таки решение вернуть реликвии на Кубань. В письме губернатору Краснодарского края они выразили согласие на то, чтобы разместить Регалии на хранение именно в Александро-Невском соборе.

Но в любом случае - этот вопрос все еще нельзя считать окончательно решенным. Вряд ли возвращение Регалий сможет произойти в ближайшее время, как бы того не хотелось губернатору с главным нашим официальным казаком Громовым...

Вставшие перед властями края вопросы, связанные с проблемой возврата Кубанских Регалий, слишком серьезны, чтобы можно было их игнорировать в угоду политическим целям - не говоря уж о проблеме самой **сохранности и условий хранения реликвий!**

Ю. К.

От редакции. Учитывая особую важность вопроса для всех кубанцев, где бы они не жили, мы в следующем номере "Станицы" решили дать слово дочери последнего Кубанского атамана - **Наталии Назаренко-Науменко**.

Спектакли не закончатся, пока не будет дана оценка холокоста российских народов

В N11/2005 "Посева" Б.С. Пушкарев в связи с перезахоронением А.И. Деникина радуется, что могила генерала отныне рядом с "могилой" генерала А. Власова и его сподвижников. Но рядом Елена Кваскина задается вопросом - а не спектакль ли это перезахоронение?

Точка над "і" расставила "Российская газета" - орган Власти в РФ. 9 декабря 2005 года в ней черным по белому: **"Андрей Власов и иже с ним - несомненно, предатели и враги не только России, но и всего человечества"**.

Не всем нравится наметившаяся тенденция к единению русского народа после многолетней гражданской войны! У меня, например, погибли в 1920-х до 10 родных, расстреляно в 37-38 годах 5 родственников, погибли от раскулачивания в эшелонах смерти еще несколько родных. Россия обескровлена, и есть силы, заинтересованные в дальнейшем ее обескровливании, моральном и физическом.

Спецкор "Российской газеты" Захар Гельман беседует с писателем Марком Солониным, утверждающим, что любой воевавший на стороне Гитлера - **"враг всего человечества"**. Вот только Солонин "забыл", что на службе в гитлеровской армии было немало лиц с еврейской кровью, в чинах вплоть до генералов. Почему бы ему не заняться и этой группой "врагов"? Так нет ведь - лезет учить именно русских.

Вообще получается странная, двойная оценка итогов 2-й Мировой и предшествовавших ей событий. Про "холокост" русского народа, начатый с 1917 года, молчит и Человечество, и Россия. Между тем, в конце концов, даже са-

мо возникновение государства Израиль стало результатом действий определенной группы лиц по разрушению Российского государства. Не пришло ли время кое-кому расчитаться за причиненный огромный ущерб, отбросивший нашу страну в своем развитии на поколения назад?

Конечно, Троцкий, Свердлов, Каменев, Зиновьев и иже с ними - не есть еврейский народ. Но так и Гитлер, Гиммлер и иже с ними - также не есть немецкий народ! Однако же Германия расплачивается до сих пор за дела этих преступников. Почему бы, скажем, Израилу не расчитаться со мной за дела большевицких комиссаров? Мне возражат, что Троцкий и иже с ним не осуждены Международным Судом? Так здесь моей вины нет!

Уничтожение 60-ти миллионов россиян остается до сих пор без надлежащей правовой оценки, без привлечения к ответственности и конкретных преступников, и виновных в геноциде организаций. А при такой безответственности за преступления человечество само себе роет могилу.

Нет, не Власов и его соратники преступники - а те, чьи действия привели к перевороту в России в 1917 году, к массовому истреблению народов бывшей Российской Империи и к началу 2-й Мировой войны.

Пора бы Ленина, Троцкого, Сталина и иже с ним признать, наконец, преступниками **в судебном порядке**. Тогда только можно будет определять подлинное место и значение генерала Власова в истории России. Пока же этого не сделано - не будет мира в России!

И. Хлебников (Курган)

После похорон А.И. Деникина

События вокруг перезахоронения праха одного из вождей Белого движения, Антона Ивановича Деникина, вызвали немало споров - особенно среди тех, кто продолжает считать себя непримиримыми наследниками белых. И чем больше обращались к теме "акта гражданского примирения" официозные СМИ, пытаясь вылепить из генерала чуть ли не "советского патриота", тем больше споров - вплоть до ссор среди родственников самого Деникина.

Все это постепенно превратилось в очередной не слишком удачно поставленный политтехнологами Путина спектакль. В котором не самая завидная роль выпала плохо понимающей, что происходит, дочери русского генерала.

Вместо декларируемой цели объединения общества, вышли лишь новые разъединения. Коммунисты в пику перезахоронению белого генерала водрузили на многострадальной земле русской еще пару своих истуканов, а некоторые из наследников белого движения, в пику все тому же официозу, рассуждают об ошибках Деникина, о его вине в поражении первого этапа Гражданской войны. Вот и казаки снова готовы увидеть в нем ненавистника казачества...

Не хотел бы разбирать здесь ошибки А.И. Деникина - мнимые и безусловные. И кто бы обошелся без них в те страшные года?.. Но предателем он не был - не изменял ни присяге, ни России, ни вере, ни убеждениям, - как бы это не хотели преподнести нынешние "патриоты" от власти!

Рассказывая байки, как вождь Белого движения едва ли не принял совдепию, примирясь с сатанинской властью (будто бы даже просился командовать подразделением в Красной армии!), нас стремятся убедить, что советский период - неотъемлемая и замечательная часть российской истории, что мы должны им гордиться. Как там сказал Путин - "не зря же прожили наши отцы и деды?.." Уж конечно, не зря - это на их крови, на их труде выстроена наша власть!

Незадолго до начала 2-й мировой войны Деникин писал: "СССР является наиболее милитаристской страной в мире; она несет совершенно непосильные расходы на вооружение; она непрерывно готовит красную армию; советская власть открыто говорит о ее предназначении. Но это - не защита русских рубежей, не защита родных очагов - эти понятия вытравлены из советского обихода". В обращении к Западу, предостерегая его от выступления против русского народа, он писал: "большевизм чужд, враждебен и испровергает всякую культуру", делая такие выводы:

а) Борьба с наступающим организованным и вооруженным коммунизмом "должна быть бескомпромиссна, и только полное и окончательное поражение бича человечества может принести миру мир".

б) Это может быть или борьба против большевизма, за освобождение и восстановление России - или против России, с целью ее балканизации и раздела.

в) Борьба против России, в силу ее размеров и громадных людских ресурсов, потребует больших жертв и может окончиться так же, как кончались все нашествия на Россию (при том крушение Империи непременно привело бы к ужасным потрясениям во всем мире).

г) Наоборот, борьба за освобождение России потребовала бы от западных держав меньших усилий и жертв. Одного начала такой войны, одного толчка может достать, чтобы поднять на борьбу сам русский народ.

С началом войны: "Я лично приветствую народный подъем в деле защиты России..., но не перестану осуждать большевицкую систему удушения русского народа".

Деникин все яснее понимает, что грядущая победа СССР неизбежно послужит к укреплению советской власти. В январе 45-го его жена пишет в дневнике: "Разве это во имя величия России... разве для будущего справедливого и лучшего жития всех людей - эта победа? А не для выполнения дья-

вольского плана привития человечеству изуверской доктрины, которая пришла в голову одному маньяку, а воспользовался ею другой маньяк?.. И все русское героичество, все невероятные жертвы - лишь дань этому Молоху, лишь часть этого страшного плана".

В 1945 году, по мнению Деникина, русские газеты в Западной Европе выходили под советским контролем. "Во Франции стало душно" - пишет он, и в декабре уезжает в США.

Здесь Антон Иванович активно и открыто вступает за бывших военнопленных и чинов РОА, выдаваемых западными странами в СССР: "Знала ли история подобное явление, чтобы десятки, сотни тысяч людей, вывезенных из родной страны..., не только всеми силами противились бы возвращению, но одна возможность его доводила бы их до суамасествия, до самоубийства!.."

Он обращается к президенту Эйзенхауэру: "Ваше Превосходительство, я знаю, что имеются "Ялтинские параграфы", но ведь существуют еще, хотя и попираемые ныне, традиции свободных демократических народов - право убежища. Существует еще и воинская этика, не допускающая насилий даже над побежденным врагом. Существует, наконец, христианская мораль, обязывающая к милосердию..."

Деникин пытался объяснить американцам причины, заставившие сотни тысяч русских встать за оружие и воевать против СССР, одев при этом вынужденно немецкую форму - что единственно в тех условиях давало им возможность не плыть щепками по воле слепого течения, а бороться.

А ведь даже в среде первой волны русской эмиграции в США мало кто понимал, что происходит, и решался поднять свой голос против бесчеловечной политики западных стран. И кто понимал - не решались, опасаясь быть причисленными к "нацистам". "Станица" уже рассказывала, как генерал Науменко, не без труда добившийся права приехать в США, преодолевая общую боязнь и эгоизм, с небольшой группой казаков боролся против насильственных выдач Сталину бывших подсоветских граждан...

Летом 1946 года Деникин направил меморандум по русскому вопросу новому президенту Трумэну. Он указывал на агрессивные намерения СССР и то, что новая политика "умиротворения", как недавно в случае с другим агрессором - гитлеровской Германией - лишь приведет к новой войне.

"Если западные демократии, спровоцированные большевизмом, вынуждены были бы дать ему отпор, недопустимо, чтобы противобольшевицкая коалиция повторила капитальнейшую ошибку Гитлера, повлекшую разгром Германии. Война должна вестись не против России, а исключительно для свержения большевизма. Нельзя смешивать СССР с Россией, советскую власть с русским народом, палача с жертвой..."

И далее русский патриот вынужден рассуждать о вещах, казалось бы, невысказанных для русского офицера - об условиях оккупации западными странами России. О том, что только при такой оккупации, даже в случае массового русского восстания, можно свергнуть окончательно советскую власть.

Умер Деникин 7 августа 1947 года от сердечного приступа. Последними его словами, по словам вдовы, стал вздох сожаления: "Вот не увижу, как Россия спасется!"

Г. Самсонов

Дабы совсем снять сомнения по части позиции А.И. Деникина, предлагаем текст его обращения 1946 года.

Антон Деникин: "Ничто так повредит России не может, как оправдание большевицкого режима"

Ничто не изменилось в основных чертах психологии большевиков и в практике управления ими страной. А между тем в психологии русской эмиграции за последнее время произошли сдвиги неожиданные и весьма крупные, от неосуждения большевизма, до безоговорочного его приятия... К глубочайшему сожалению, по такому опас-

ному пути пошла и наша эмигрантская церковь, под водительством митрополита Евлогия, осенившая сменовеховство духовным авторитетом...

Первый период войны... Защита Отечества. Блистательные победы армии. Возросший престиж нашей Родины... Героический эпос русского народа. И в душах наших не

было тогда сомнений. В помыслах своих, в чувствах мы были едины с народом. С народом, но не с властью.

На этой струнке играют и "советские патриоты", и сменовеховцы, дружным хором прославляя советскую власть, которая-де "подготовила и организовала победу" и потому "должна быть признана национальной властью..." Но ведь советское правительство ставило себе целью не благо России, а мировую революцию, внося даже соответствующее положение в устав красной армии... Советы, так же как и Гитлер, собирались "взрывать мир" и для этого именно создавали такие колоссальные вооружения. Между тем, при наличии России национальной, с честной политикой и прочными союзами, не могло бы быть "гитлеровской опасности", не было бы и самой 2-й мировой войны...

Но вот, когда красная армия вышла за пределы российских земель, большевицкий Янус повернулся к миру своим подлинным лицом. И тогда началось раздвоение в эмигрантской психологии. Ибо, по мере того, как советская стратегия на штыках российских несли народам освобождение, советская политика претворяла его в порабощение. Нелепо применять такие термины, как "историческая задача России", "славянофильство", "объединение славян", к кабальным договорам, заключенным Советами с коммунистическими или коммунистизированными правительствами, ими насильно поставленными, под глухой ропот народов. Наоборот, советская оккупация дискредитирует идею славянского единения, возбуждая горечь, разочарование, даже враждебность против СССР, увы, отождествляемого с Россией.

Наконец, третий этап: война окончена, идет борьба за мир. Вместо этого Советы ведут вызывающую политику, грозящую восстановить против них внешний мир, грозящую нашей родине новыми неисчислимыми бедствиями 3-й мировой войны, с небывалыми еще ужасами. Все более нарастает приглушенная пока, ненависть к СССР, но и... к России.

И вот эти-то именно эксцессы советской политики в убогом сознании "советских патриотов" вызывают особенно бурный прилив ксенофобии и показной, аффективной "национальной гордости".

Советские патриоты и сменовеховцы подходят к вопросу

еще и с другой стороны: они представляют советскую политику неумеренных требований и злостного вмешательства во внутреннюю жизнь чужих народов - как необходимого самообороны против предполагаемого нападения с Запада. В сущности - против англо-саксов, ибо в данное время только эти державы могли бы организовать и противопоставить надлежащую силу большевицкому напору. Но тогда к чему же все пустословие в Сан-Франциско? Из Москвы идут бурные протесты против Западного блока, еще не существующего, когда под эгидой советского правительства лихорадочно создается Восточный блок...

В самом деле, что могло бы ныне угрожать России - действительно миролюбивой, когда весь мир устал от войны, расстроен, погряз в своих собственных нестроениях и опасностях... Когда Тегеран, Ялта, Потсдам, Сан-Франциско были рядом уступок и "отступлений" западных демократий... Когда радио и пресса свободных стран в большинстве случаев стараются избегать всего, что могло бы раздражать могущественного союзника, а правители раточают льстивые похвалы "отцу народов"... Когда народы и правительства испытывают явный страх перед колоссальной потенциальной силой восточной державы, перед неуязвимостью ее безграничных просторов и перед... аморальностью правящей в ней власти.

Во всяком случае, можно сказать с уверенностью, что жизненные интересы России не потерпят ущерба и что ни англо-саксы, ни кто-либо другой не выступит против России, если только большевизм тем или иным путем не схватит их за горло.

В предвидении такой возможности необычайно важно, чтобы мир не отождествлял советскую власть с народом российским. Недопустимо, поэтому, замалчивать зло, ею творимое, поддерживать от осуждения и, тем более, оправдывать - из опасения, якобы "повредить России". **Ничто так повредить России не может, как оправдание большевицкого режима и большевицкой агрессивности.**

Надо правду называть правдой, ложь - ложью и преступление - преступлением.

"Свободный голос" (Париж), 1 февраля 1946 г.

О том, как Владимир Вольфович предлагал "жить дружно", а ему отказали

В. Жириновский, в целом исправно следуя в фарватере президентской политики, нередко предпринимает всякие разные пиар-акции. Надо и о своем существовании напомнить, и "оппозиционность" подчеркнуть. И что тут лучше придумать, чем лишний раз лягнуть коммунистов!

Конечно, при этом невольно получается, что говорит он очень даже правильные вещи. В том числе то, что не решаются сказать другие политики, боясь потерять имидж "серьезных". Что поделаешь! Что недопустимо для обычных придворных, то позволено - сами знаете, кому...

3 ноября 2005 года, как раз накануне т.н. "Дня народного единства" (или как он там называется?) депутат Государственной Думы В.В.Жириновский внес на рассмотрение коллег проект федерального закона "О реабилитации участников Белого Движения". Казалось бы, вот - "примирение" и "единство" в чистом виде; тем более, что только что с огромным количеством речей об оных перезахоронили в Москве Деникина с Ильиным.

Но даже Вольфович в его придворном амплу все-таки ограничен. Что-то позволено исключительно "царю". А перезахоронение то было обычной пиар-акцией В.В.Путина, представшего эдаким отцом всея нации.

Правда, акция акций, но не может же, действительно, власть признать правоту защитников прежней, подлинной России! Ведь тогда останется совсем малый шаг до **настоящей реабилитации**, не на словах уже. До **реабилитации собственников** - возвращения награбленного большевиками у российских граждан: купцов, казаков, крестьян, дворян, духовенства... А вот это уже власть расценивает как покушение на "свою" собственность (ставшую таковой в период дележа советского "общенародного" государства).

В заключении на вносимый законопроект за подписью зам. правительства РФ А.Жукова Владимиру Вольфовичу вполне прогнозируемо отказали.

Жириновский предлагал *"урегулировать правоотношения, связанные с реабилитацией участников Белого движе-*

ния, осуществлявших борьбу с большевиками в период с 25 октября (7 ноября) 1917 года до окончания Гражданской войны 1918-1923 годов, к которым были применены различные меры принуждения (репрессии)". Никак нельзя, отвечают! А именно - нельзя *"реабилитировать широкий круг лиц, в том числе и тех, которые были обоснованно осуждены за совершение военных преступлений, преступлений против мира, человечности и правосудия, за организацию бандформирований, терроризм, шпионаж и другие преступления"*.

Ну, конечно, как "простить" или признать незаконно репрессированными "широкий круг лиц", с оружием в руках или вовсе без оного пытавшихся защитить свои дома, семьи, убеждения, само право на жизнь! Это лишь бывших палачей, душивших крестьянские "бандформирования" ядовитыми газами, у нас очень просто реабилитировать!..

Разумеется, печется товарищ Жуков и об экономии родного государства. Неправилен проект закона еще и потому, что положения его *"предполагают расширение круга лиц, имеющих право на реабилитацию, по сравнению с соответствующими нормами Закона, что приведет к увеличению расходов федерального бюджета"*.

Вице-спикеру Госдумы с избирателями российскими напомнили, чья наследница нынешняя власть (по крайней мере - честно). **Восстановление обыкновенной человеческой справедливости не может быть среди приоритетов (или, как сейчас модно говорить - в числе "национальных проектов") нынешнего государства.** С чем мы его (и себя заодно тоже, выходит?) и поздравляем...

Г.К.

PS: Впрочем, когда выгодно, власть начинает претендовать на наследство и исторической России. Например, не так давно Сбербанк шумно праздновал "свое" 150-летие. А с какой, собственно, стати? Вы же сами все российские банки в 1917 году ликвидировали и ограбили! А коли уж утверждаете, что вам 150 лет - так извольте **вернуть деньги дореволюционных вкладчиков.** Это и будет подлинное правопреемство!..

Лечиться всё же надо!..

Потрясения последних десятилетий не могли не сказаться на душевном здоровье россиян. Но если раньше за слабыми на голову все-таки был соответствующий надзор, то в разгар "перестройки" позакрывались многие психдиспансеры, и всевозможные "цари", "царевичи", "великие князья", "всемирные атаманы" буквально наводнили страну.

Норовя спасти сразу всё и вся, эти занимательные граждане лишь себя числят "истинными патриотами". А в поисках "истины" забредают в такие псевдоарийские дебри, что разобраться на трезвую голову решительно невозможно!

Яркий образец подобного творчества душевнобольных - "Атаман Казачьей Орды" Олег Попов с его "Ведическим православием" и иными изысками.

О создании "Духовно-Родовой Державы Русь" объявило в 2001 году "Атаманское правление Рати Рода - КаСак Орды (Казачьей Орды), пребывающая на дольменах под Геленжиком Краснодарской крайны". Что там за публика собралась на дольменах, не знаю - но выпили эти самые "родовичи Руская Рода", видать, крепко! В результате "Главой Духовно-Родовой Державы Русь был назначен Атаман Казачьей Орды - Олег сын Николая Князь Попов. Должность Главы Державы Рускаго Рода, согласно хронологической правды, была определена как - Великий Князь Духовно-Родовой Державы Русь".

Кому вдруг интересно, откуда же явилась сия пречудная штукавина - еще цитата: "Духовно-Родовая Держава Русь является наследницей Великой Матери-Ска (Скифии - на слове Свеев - Великой Свиольд). Следовательно, Духовно-Родовая Держава Русь является наследницей: Тавриши Асуней Асаков-Тархов, Русколаниши, Руси Вендской, Тюркютского ханства (княжества), Ханства (Княжества) Сивиров (Сибирского), Ханства (Княжества) Берендейского, Атлантиды Руского (Красного) моря (ныне Чёрного моря) - Княжества Святогорки, Княжества Хуритов-Тархов..."

Возрадуйтесь, "хуриты" и "берендеи"! Ибо грядет "Великий Князь" Олег Попов. Жить, может, с его явлением и не станет лучше, зато веселее - безусловно!..

Особенно хочется посмеяться над прокуратурой, на полном серьёзе разбирающейся с наследниками "Асуней Асаков-Тархов". Невольно закрадывается легкое сомнение в здоровье самих прокурорских. Хотя, может быть, все куда прозаичней. Чтобы "на всякий случай" опорочить русских и потомков казаков, хороши воистину все средства. Вот напечатанное в "Новой газете" (см. заметку А.Лебедевой) и подхватили разные интернет-сайты - с подзаголовками вроде "русские националисты выносят приговор судье".

Наличие таких "атаманов" и "князей" удобно власти. Попугать граждан, "фашистами" обозвать. Или просто, если что, кивать в их сторону - да что с них взять, с этих казаков?..

заставка сайта ВБКВ

Еще пример такого "творчества" - бурная жизнедеятельность Виктора Коваленко. Сей товарищ весе-

Царей развелось...

Штаб-квартира националистической организации "Духовно-родовая держава Русь" в подмосковной Электростали, отделения - по регионам России. Главной своей целью националисты (по мнению компетентных органов, их всего около 200 человек) провозгласили "воссоздание державы Русь как субъекта России". Руководит организацией некто Попов, провозгласивший себя "царем ордынским" и "великим князем, атаманом духовно-родовой державы Русь". Этот-то господин и назначил "князем" и "генерал-майором рады земли Кубанской и черноморского казачьего войска Тавриды Скифской" жителя Краснодарского края Петра Сарафанова.

Самозванный генерал начал бурную деятельность, самозахватом заняв помещение под "штаб". Здесь жил сам, сюда приглашал молодежь, которую пытался вовлечь в свою организацию. В письме губернатору Ткачеву Сарафанов требовал, чтобы тот вместе с Краснодарским краем перешел в "субъект Русь" и обещал в таком случае сохранить губернатору должность и зарплату, в противном же случае грозился объявить его предателем и врагом русского народа.

Впрочем, губернатор вряд ли понял бы смысл послания, если бы не лингвисты: свои письма Сарафанов пишет на древнерусском языке и обязательно украшает их эмблемой, очень смахивающей на свастику. Сомнений в психическом

лит нас давно. То приказ отдаст Президента России выпороть, то еще что. "Станица" уже писала про егохождение (см. N 35 за март 2001 г., статья "Сиятельный проходимей"). Казалось бы, переизбрали его, на покой пора... Ан нет! Пуще прежнего бузит! С "инспекционными поездками" по миру колесит, кого-то "снимает", "назначает"...

А к изгнанным его некогда из "Великого Братства" соратникам обращается вальжно-увещательство - вернитесь, дети, я все прошу! Впрочем, сей перл (см. сайт "братства") достоин цитирования, хотя бы в сокращении:

"Откровенно сожалею, что амбициозные начала некоторых "ттенцов", вылетевших из моего гнезда, затмили очей их и мысли. Я, как отец, т.е. Верховный Атаман России и Зарубежья, избранный на предьдущих и на последнем Всемирном съездах казаков пожизненно, неся тяжкий крест становления Казачества, великодушно прощаю сынов заблудших и призываю опомниться и вернуться в нашу общую Казачью семью, дабы вершить ту трудную работу, которую никто, кроме нас, поддерживаемых и направляемых Господом Богом, не сделает..."

Идите домой, мои непослушные блудные сыны! Никого не лишу звания, лишь бы вы, плутая по придуманным вами тропинкам, не растеряли свою честь... Идите домой, к Батьке, и не надо даже каяться ни в чем. Жизнь - она разная и мысли тоже! Всем хватит работы, чинов и званий. Моего сердца хватит на всех! Я умею прощать и совсем не обижаюсь на вас, любя и сочувствуя вам. И если вы не поймете это при моей жизни, то думаю, с болью и сожалением будете думать после, что не сделали это вовремя... Искренне ваш Батька Коваленко".

Каков штиль, а!? Недаром дружил с "живым пророком Иоанном" (главой т.н. "Богородичного центра"). Прямо "евангелие от Коваленки", прости, Господи... А еще говорят, пишется он уже "Коваленко-Романов" - выяснилось, что он какой-то "внучатый потомок" Царя!..

А пока "блудные сыны" не каются, спешит великий вождь (или "вождь" - из другой оперы, про Попова? "Князь"?..) охмурить наивных иностранцев. Говорят, на дураках воду возят. А еще с них - шерсть стригут. То есть доллары.

Образец подготовки к такой "стрижке" тоже см. ниже - недавнее интервью В.Коваленко издающейся в Нью-Йорке газете "Русская Америка" (№ 324). Комментировал его бессмысленно - читатель сам разберет, где тут "гражданский соврамши", а где его просто несет невеста куда. Материал опять же в сокращении - охочие до деталей, опять же, поглядят сами ([www.rusamny.com/324/t01-1\(324\).htm](http://www.rusamny.com/324/t01-1(324).htm)).

Ю. Крапивин

PS: Когда материал уже был готов к печати, "назначенный" вождем ВБКВ атаман "всех Америки" С.В.Щапенко уверил нас, что отношения к господину-товарищу Коваленко ни он, ни какие-либо организации в США не имеют.

заставка сайта ДРД О.Попова

здоровье "князя" у следователей прокуратуры не возникло, и они возбудили в отношении него уголовное дело сразу по нескольким статьям Уголовного кодекса. За самовольный захват помещений и "изготовление на компьютерной технике обращений с целью возбуждения ненависти и вражды между людьми по признакам принадлежности к определенной социальной группе" Сарафанов был приговорен к штрафу в размере 50 тыс. рублей и восьми месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении.

На процессе с пламенной речью в защиту своего соратника и обличением "иудонацистской оккупации РФ" выступил сам "царь ордынский" Попов. После чего сам объявлен прокуратурой города Электростали в розыск; в отношении Попова возбуждено уголовное дело по ст. 129, ч. 3 УК ("Клевета, соединенная с обвинением лица в особо тяжких преступлениях"). А на сайте националистов тут же появилось сообщение о том, что "Держава Русь" вынесла смертный приговор судье Краснодарского края В.Махову, председательствовавшего на процессе по делу Сарафанова. Кстати, "Держава" уже выносила смертные приговоры ряду государственных деятелей России, в том числе вице-премьеру А.Жукову.

А. Лебедева ("Новая газета")

Если на клетке слона прочтешь "буйвол" - не верь глазам своим!..

из интервью т.н. "Верховного Атамана Великого Братства Казачьих Войск России и Зарубежья генерал-полковника" В.В. Коваленко газете "Русская Америка", № 324

Редчайший случай - всё командование казачьих войск в Нью-Йорке. Верховный Атаман прибыл из Москвы для инспекции, а руководство казаков в Америке и Канаде, естественно,

сопровождало начальство: на приеме в ООН, в Генеральном консульстве России, в поездках по станциям США, на радио и телевидении. Генерал-полковник Коваленко вручил казачьи ордена нескольким российским дипломатам, казачьему начальству Америки и Канады...

Было бы непросителным не взять интервью у Верховного Атамана Великого Братства Казачьих Войск России и Зарубежья **Виктора Васильевича Коваленко**.

- Какова роль казачества в нынешней России?

Роль казачества огромна не только в нынешней России, но и во многих регионах планеты. Сегодня казаки проживают в 167 странах мира. Их много и они компактно проживают не только в Российской Федерации, но и в США, Канаде, Германии, Финляндии, Австралии. Менее крупные подразделения есть в Испании, Словакии...

- Даже в Испании?

Да, в Испании. Я недавно был там с инспекционной поездкой и заменил начальника Главного Штаба Хуана Мендос Карлоса на Новицкого Андрея Михайловича. Пусть вас не смущает фамилия первого атамана. У него русские корни. Его предки - эмигранты первой волны...

- Интересная судьба у казаков! Они, как и все жертвы тоталитарной системы, живут во всех странах мира. Но вот у меня вопрос о казаках российских - сколько их всего?

"Активных штыков" миллионов 5-6. С семьями значительно больше. У нас ведь есть первый резерв - это действительная служба, в том числе и в вооруженных силах Российской Федерации, второй и третий резерв. Естественно, наиболее активными являются входящие в первый резерв. Второй и третий - это те, кто трудится, а по необходимости привлекаются к несению службы.

- В случае какого-либо конфликта вы можете выставить миллиона два штыков, как говорили когда-то...

Да нет, значительно больше!

- Если я правильно понимаю, вы можете прикрыть границы России на самых опасных направлениях, в том числе на Кавказе.

Не "можем", а прикрываем. И успешно! Ставропольское, Кубанское войско - это стабилизирующий фактор в регионе. Не забывайте, что и президент Южной Осетии Кокойты Эдуард Джабеевич является одновременно Наказным атаманом казачьего войска, возглавляя казаков Южной Осетии.

- Даже не подозревал о подобном. Просто открытие...

Премьер - министр Северной Осетии тоже казак, атаман. В Чувашии премьер - министр тоже атаман; глава администрации Ярославской области одновременно ярославский атаман. Да я вам могу перечислить много подобных фактов! Министры, генералы, деятели науки и культуры - везде представители казачества. К примеру, моим советником по культуре является Иосиф Давыдович Кобзон, его помощником - Александр Розенбаум. Так что у нас очень серьезная, очень мощная организация.

- То есть казаки не только этнические русские?

У нас представлены люди всех национальностей. Русские, грузины, армяне, осетины - кого только нет! В Сочи проживает более 140 тысяч армян. Естественно, многие из них являются казаками и занимают, как и представители других национальностей, руководящие посты. У меня есть заместитель по национальным вопросам Качканян. Многонациональный характер казачьего войска - это

фактор, благоприятствующий его укреплению. При этом принадлежность к казачеству не означает отказ от своих национальных традиций, культуры. Одно другому не противоречит. А сколько у нас грузин!..

- Получается, разговоры о великорусском шовинизме казачества не имеют под собой никакой основы?

Мы с уважением относимся к другим народам, их культуре, религии. С порога отвергаем, наряду с другими "анти", и антисемитизм. Считаю недостойным казака пренебрежительное отношение к представителям других народов. До революции в казачьем Кубанском войске были представители 34 национальностей, и никто ни с кем не ругался. Я не могу понять, кому выгодно стравливать народы...

Мы просто не можем быть шовинистами в силу многонационального характера нашего государства и казачьего войска. К примеру, негативное отношение к туркам-месхетинцам, как и другим народам, просто недопустимо. Неправомерным считаем употребление понятия "лицо кавказской национальности". На Кавказе проживают все - с этой точки зрения и русские являются таким же "лицом". Если я родился там, то и я - "лицо кавказской национальности". А ведь я русский...

- Казаки в основном были земледельцами. А сейчас? Существуют ли колхозы, или казаки перешли к единоличному хозяйству?

Опыт с единоличным хозяйством не удался. Тех, кто арендовал землю, просто с неё согнали. Колхозы преобразованы в акционерные общества. Сельское хозяйство - это не только земля, посевная, уборочная... Это и элеваторы, и перерабатывающие предприятия, и производство сельскохозяйственных машин. А все это земледельцу не принадлежит...

Но казаки занимаются не только сельским хозяйством. Бизнес, торговля, промышленное производство, наука, культура и другие виды деятельности - всем этим мы занимаемся. Мало того, оказываем помощь тем, кто в ней нуждается. Много делает наша организация для подъема экономики страны. Приведу некоторые факты. Недавно мы открыли новейшую мебельную фирму в Сочи. Самый мощный в России мясоперерабатывающий завод в Армавире тоже принадлежит Великому Братству Казачьих Войск. Ещё другие предприятия принадлежат нам. Строим мы храмы, монастыри. И всё это сочетается с выполнением специфически казачьих обязанностей.

Мы помогаем всем, кто к нам обращается, вне зависимости, какому он Богу верит и как молится. Кроме того, обучаем наших казаков. Нужно учесть, что огромная масса военнослужащих бывших зарубежных групп войск вступила в наше Братство. Им некому было больше помочь. Они прекрасно обучены военному делу, но не знали, как производить кирпичи, делать сликеры и торговать памперсами. Мы обучали их профессии, бизнесу, помогли устроиться в новой жизни. И военный опыт в полной мере использовали в интересах государства. У меня высшие учебные заведения, средние учебные заведения, различные курсы профессиональной подготовки. Мы "выбиваем" для них участки, помогаем в строительстве жилья...

- Так сколько у вас казачьих войск?

По России у меня 12 казачьих войск, 9 отдельных полков. И в ближнем зарубежье есть мощные организации - в Украине, Белоруссии, Казахстане, в Туркмении. К тому, о чем говорилось выше, добавлю, что казаки есть в Румынии, Финляндии, Чехии и в других странах. В Австралии атаман прекрасный бас, известный певец Саша Шахматов.

В США и Канаде Атаманом является Сергей Цапенко - прекрасный организатор, много сделал для укрепления в рамках американской демократии сообщества казаков. Я наградил Цапенко и его заместителя Феликса Козака казачьими орденами. Казаки представлены во всех сферах жизни США. Сегодня они - в первых рядах борцов с терроризмом. И мы со всем американским народом плечом к плечу готовы сражаться против этой чумы нашего времени!..

В.И. Лихоносову - 70 лет

30 апреля исполнилось 70 лет Виктору Ивановичу Лихоносову - самому известному кубанскому писателю, как никто, может быть, другой много сделавшему в наши дни для сохранения кубанской старины. Памяти о былом казачестве, былой жизни.

"Наш маленький Париж", напечатанный на самом излете советских лет, заставил многих обратиться к своей истории, к истории своих семей. И живущих дома, на Кубани, и оказавшихся далеко за ее пределами; родившихся в городе, чью старинную атмосферу так точно и лирично передал писатель, или в Москве, Архангельске, Тюмени, вообще в Америке - там, куда судьба забросила потомков героев удивительного романа. С этой точки зрения Лихоносов по праву один из основоположников казачьего движения.

Никто не говорил с тех пор про Кубань и наших дедов так... - так пронзительно искренне, с такой тоской по минувшему и любовью!

Сегодня Виктор Иванович по-прежнему, что называется, в строю, в седле. Делает как раз то, что должны, казалось бы, делать гордо восседающие в шикарных черкесках во всевозможных краснодарских президиумах "официальные" казаки во главе с "батькой" Громыным. Сражается с уничтожителями природы и старины Тамани, пытается остановить очередную вал уничтожения исторической застройки, искажения еще сохраняющихся черт прежнего облика кубанской столицы, старается через свой журнал "Родная Кубань" вернуть жителям края его историю, культуру, дать слово современным авторам, краеведам.

- Я пришел в литературу случайно, - говорит Виктор Иванович. - Но каждая буква моего письма - не случайна! Многие русские писатели видели свою миссию в спасении природы, народных преданий - всего, без чего не может существовать история рода людского. И это же заставило меня написать "Наш маленький Париж". Мною владело сочувствие к людям - забытым и проклятым. Некоторые жили в Краснодаре, могли бы очень многое рассказать, но их стеснялись даже в редакции приглашать. Считалось, что они идеологически вредны...

Нынешние "казаки", изловчившиеся занять разные кресла поближе к власти и деньгам пришлого ново-русского бизнеса - этого не делают. Я слышал от некоторых из них: мол, Лихоносову то что, у него - имя, он может не бояться... А они-то чего боятся? Лишиться кормушки, разве что. Попасть в сановную немилость. Такие вот теперь казаки - "мягкие, как телятина", как подметил сам писатель.

Вот как недавно охарактеризовал он ситуацию вокруг проблемы возвращения на родину Кубанских Войсковых Регалий, позицию "громовского" казачества:

- Если почитание родных традиций и старины не растечется широкой рекой, все останется пустой формальностью. Суэта вокруг регалий и открытие памятников остаются просто мероприятиями, подобными дежурным советским мероприятиям - разве только с другим знаком. Кто-то и в советское время отстаивал бережное отношение к памятникам, но их безжалостно оттихивали те, кто клялся в любви к советским идеалам. Но, как только сменилась власть, те же люди эти советские идеалы бросили и полюбили царские хоромы...

За казачьими регалиями в Америку поехали атаман Громынов и профессор, который когда-то поставил подпись под статьей против возвращения Краснодару его настоящего имени. "Зачем возвращать городу имя распутной немки?" Это про царьцу! За знаменами которой они в Америку и поехали! Святые знамена, реликвиями должны заниматься люди с чистыми родными руками. А это сегодня не так...

На фоне равнодушия к хранящимся еще на Кубани и в зарубежье письмам и мемуарам, наплевательского отношения к состоянию памятных мест и памятников края, "любви к регалиям" видится Виктору Ивановичу "довольно странной". Особенно печалит перемены в облике Краснодара:

- Сегодня кубанская столица в который раз становится на дыбы. Трясут и перетряхивают ее при всяком очередном начальстве... Каждый делает это по своему разумению, особенно не утруждаясь вопросами - а как это было до нас, как задумывался этот город его отцами-основателями, их последователями?..

Сносы старинных зданий, нелепые пристройки к уцелевшему, строительство неуместных в черте исторического

города монстров - прямо называется им кощунством и издевательством:

- Можно ли так уродовать город?.. За 50 послевоенных лет построено всего два-три красивых здания на улице Красной. Все остальное - серость, архитектурное нищенство и безобразия. Ощущение, что в город залезли все ведомственные и художественные щели иностранцы. Уже сейчас витает дух музыкальной радиотрескотни во всем: ничего русского, ничего кубанского. Возрожденные храм Александра Невского и памятник Екатерине II только подчеркнут своим сиротством безродный фон, сотворенный потерявшими чувство родства архитекторами и строителями.

А ведь еще недавно приезжавшие к писателю друзья-колеги из других регионов удивлялись, как это сохранился старый город, каким сокрушающим обладают кубанцы: "Ажурные крылечки, литые чугунные порошки, тенистые дворики - это и есть дух южного казачьего города!.." Неужели все это действительно остается в прошлом?..

- Нет у нас политики национального государства!.. Впервые в истории Кубани существует правительство, которое никого и ничего не знает - как в прошлом нашего края, так и в сегодняшней культуре. Не знают, что такое творческое отношение к жизни и бережное отношение к творчеству. Не знают - и даже не интересуются, не пытаются узнать!..

Не удивительно, что за откровенную критику краевые власти не очень жалуют Виктора Ивановича! Журнал его не читают, книги не переиздают, к мольбам спасти гибнущую старину не прислушиваются...

Возможно, пытаюсь докричаться до самого краевого верха, и писатель порой не прав. Когда нарочно заостряет свои высказывания - об уникальности нынешнего правительства по отношению к памятникам истории и культуры, скажем. В 20-е и 30-е годы было разрушено, сожжено и разграблено неизмеримо больше (и о многом исчезающем тогда рассказывает читателям лихоносовская же "Родная Кубань"). Но как еще пронять, пробить чиновные кощунство и равнодушие?..

Говоря откровенно, и мы в "Станице" не во всем готовы согласиться с Лихоносовым - и во взглядах на историю, и на события после 1991 года. Вот и в последнем номере своего журнала он верно говорит, кто и как губил Кубань и самих кубанцев после большевицкого переворота - и тут же помещает (хоть и не своего авторства) панегирик одному из тех заблудших станичников, кто власть захватчиков и разрушителей утверждал.

В этом, наверное, и есть Лихоносов. Всякий, провозглашавший любовь к Кубани и кубанцам, с какой бы стороны в годы гражданского лихолетья не оказался, для него свой. В этом смысле остается, может, лишь позавидовать - искомому многими гражданскому примирению, что уже установилось в душе Виктора Ивановича, в его сердце. Любви и преданности родному краю, не замутненным старыми распрями и противостоянием. Но и - абсолютно четкой гражданской позицией (и здесь, заметим - никакого примирения, компромисса!) в отношении нынешних "захватчиков"!

Об отношении к последним прекрасно говорит предложенная Лихоносовым для "Станицы" статья о происходящем на Тамани. Там он живет значительную часть времени, и именно за Тамань, наряду с кубанской столицей, больше всего переживает...

* * *
В послесловии к лихоносовским "ненаписанным воспоминаниям" Валентин Распутин писал: "Эта книга с нарочитой, с небывалой, пожалуй, свободой рассказывания, когда меняются и стили, и голоса, и языки, когда блестящее по своей выразительности перо автора... со вздохом обрывает себя и переходит на документальную запись времени. Здесь властвует Время, властвует везде и во всем, над человеком

В. Лихоносов
и Г. Кокунько

и над землей. "И кто слышал бы их в то прохладное утро осени 11-го года, все равно не узнал, кто они, откуда, зачем едут... Ранней стенью простучали на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня..." - вот для чего, вот для какого звука и слуха в безвестности понадобились автору три казака, едущие стенью с заботой о бычке семментальской породы...

Быть может, главное в романе: человеческий отзыв на человеческую жизнь. Право каждой жизни и каждого времени на неисторичную память".

Казаки имеют полное право на такую память. На полную

правду - о себе, о своей жизни, своей культуре. Иначе - без этой памяти, без исторической неисторичной, не загаженной почвы - только и будут являться под именем казака всяческие монстры и уроды, вроде пляшущего на ТВ в красной черкесске Бори Моисеева...

Еще раз поздравим Виктора Ивановича, пожелав здоровья и удачи. И - будем с нетерпением ждать обещанного продолжения "Маленького Парижа"!

Г. Кокунько

В. Лихоносов

Прощай, Тамань?..

В середине XIX века 300 верст казались великим расстоянием. Некто В.Ф. Золотаренко из станицы Васюринской мечтал осаулить себя именно таким путешествием. Дневничок, почти никому неизвестный, прозябающий в архиве, раскрывает возвышенную его тайну: "Увижу ли я Тамань, так давно желанную? Да и можно ли не желать увидеть местечко, обильное достопамятностями не для одной только Черноморши, а и для всей отечественной истории! Не занимательно ли постоять на возвышенности, там, где два моря соединяются вечными узами, там, где взор роскошно не знает, на чем ему остановиться, не отрадно ли покататься в море..."

Три дня проскучавший здесь Лермонтов не мог и вообразить, что в "скверный городишко" многие десятилетия после него будут стремиться самые разные люди. Что же витает над этой Таманью и что в ней самой прекрасного и магнитного? Вроде бы ничего такого...

Все, что век за веком видели скифы, греки, меоты, хазары, адыги, славяне, половцы, монголо-татары, венецианцы и генуэзцы, турки, запорожские казаки, что описали путешественники - Челеби, Ферран, Паллас, Дюбуа де Монпере, Ян Потоцкий, Сумароков, Сбитнев, Герц, - давным-давно переменялось, развалилось, исчезло. Что же чудесного в Таматрхе-Матархе-Тмутаракани, Матриге-Тамани? Не знаю. Почему-то хочется гадать о ней, цитировать каждый листочек, наивно надеяться, что в нынешнее лето археологи найдут что-то редкое, а где-то в архивах до сих пор обиженно ждет чью-то счастливую руку ветхая рукопись о Тамани.

"Вспоминай дни древние и ищи в них поучения... - напоминал в Тамани в 1911 году при открытии памятника казакам архиепископ Агафодор. - Как сохраняем мы во святом предании прохождение с проповедью о Господе нашем Иисусе Христе через нашу Тамань нынешний град Киев святого Апостола Андрея Первозванного, так свято храним память о запорожцах..."

* * *

Тем, кто поклоняется своей истории и культуре, не смиряясь с "государственной необходимостью" наступать железной ногой на святые, кто усвоил достоинство родной и мировой культуры, все время приходится обращаться к "ответственным товарищам", которых так хорошо разглядел еще Стендаль. Да, писать, объяснять и умолять, порою благодарить за случайную мизерную поддержку. И хорошо, если они родились там, где ты защищаешь, и немножко сочувствуют пенатам. А если они чужие?..

На Кубани все меньше казаков и адыгов. Казачество за годы советской власти растаяло и живет незаметно, само себя не осознавая. Куда ни пойдешь - начальство почти всюду приезжает. Нагрели гнездышко на юге, возле моря и гор, не нарадуются (о, куда они попали!). Часто произносят в тостах "богатая земля" - но сама историческая земля эта для них - не святая. Воспоминания коренных жителей ни о чем их душе не говорят, святые кубанские даты, славные герои забытыми не кажутся - в сознании одна курортная пустошь!

Много народов оккупировало Тамань под временное копыто - аланы, греки, хазары, генуэзцы, турки... Обрели и укрепили приморский угол запорожцы. Но вот наскочили, выявились новые, невиданные захватчики, и национальность у них особая: хищники, воры, предатели. Эти господа, понастроившие на плодородных землях и на холмах особняков, даже в острые мгновения истории не чувствуют себя русскими, хотя в анкетах механически пишут это слово.

После 1991 года последние прихвостни социализма в одну ночь стали сизидателями капитализма. Стало нестрашно выгребать из сейфов тайные накопления, отсчитывать

взятые суммы, выкупать у бабушек или нарезать от колхозов огороды и завозить итальянский кирпич для дворцов. Вот и в Темрюке и по окрестностям стали возникать "памятники", единственные по назначению в новейшей истории: внутри можно спать, обедать, справлять нужду и принимать равных себе по богатству гостей.

История, возможно, не забудет, как идейно переодетые советские татаро-монголы - не из диких степей, а из номенклатурных кабинетов - вторглись на родную землю с мешками украденных денег. Так на земле Таманской, на последней у нас после отпадения Украины пяди Киевской Руси, затеяли к 200-летию высадки запорожцев грандиозную стройку терминала "Темрюкнефтегаз".

Большие деньги потопили всё. Газеты были подкуплены в первую очередь. Заголовки статей давили упреком патриотов Тамани, выходивших на митинги протеста: "Уникальный шанс", "Для производства и людей", "Чистые их помыслы", "Выйдем ли мы из пещеры?" В Тамань с неба спустились благодетели!.. "Мы все еще бедны. А деньги пойдут школам и больницам, на строительство жилья и помощь малоимущим..."

Какими словами закидали народ:

"Выйдем ли мы из пещеры?.. Считаю, что если народ не стремится к прогрессу, он обречен..." "После поездки в Финляндию я возвратился в нашу станицу к нашей печальной действительности, к нашему быту и укладу жизни, словно в пещеру, словно в каменный век" (и в этой "пещере" оратор тотчас строит себе большой особняк!).

"Слушаю тех, кто на каждом углу кричит: мол, терминал - это катастрофа и думаю, что мы или лишены способности к простому анализу, или не хотим видеть жизнь такой, какая она есть... Мы отстали во всем, и по укладу жизни отброшены назад по сравнению с цивилизованным миром на добрую сотню лет. Нам не надо бояться прогресса, когда-то надо начинать. Финляндия, к примеру, была самой отсталой окраиной Российской империи, а сейчас на нашем сырье разбогатела, жизнь сумела построить на зависть... О каком здравоохранении может идти речь, если у нас в больнице не на чем приготовить больным обед?" Автор этих слов, В. Швацкий, главврач Таманской больницы, погиб в автокатастрофе, но память о нем станице осталась - огромный дом, построенный непонятно на какие доходы (возможно, и он подолгу оставался без обеда, экономил...).

"Не оскудеет рука" - похвальная статья о терминалистах. "В сущности, именно с благотворительной деятельности и начал свое становление филиал "Темрюкнефтегаз". Да, починили крышу Покровской церкви... И настоятель ее, отец Павел, приехавший в Тамань из Белоруссии, защищает терминал: "Разве терминала надо бояться, разве от него беда исходит? Не это страшно, а то, что пустота коснулась души человеческих, что скверна разведает сердца людей, и живут они теперь без божьего благословения, без божьей благодати ("божьей..." - с маленькой буквы пишется стая газета - В.Л.) без душевного успокоения и неповторимого чувства возвышенности и благочестия...Кстати, люди верующие к будущему строительству относятся с пониманием и верой. На все воля божья... Пожалуй, по-настоящему ошутимую помощь получает от "Темрюкнефтегаза", который начал свою деятельность с благотворительности. Люди, работающие там, внушают доверие чистотой своих помыслов. Поддержим их, дорогие соотечественники!.."

А жители протестовали, говорили о воротах, которые уже грели руки на развешивании терминала... Вера в Гос-

пода не дала батюшке прозорливости. На святую Тамань, через которую, по преданию, проходил святой Андрей Первозванный и где преподобный Никон "поставил церковь Пресвятыя Богородицы", наступала гадость язычников.

Терминал - бесово-чернобыльское деяние. Кто же растаптывал национальную культуру, резал на куски исторические скрижали? Это главный врач, и бывший директор совхоза, по-хански водрузивший палаты при въезде в станицу и... и... прочие коммунисты, недавно еще борющиеся с Богом и "антисоветскими настроениями" - но быстро устроившиеся в рыночной продажной системе. Так с кем же батюшка? С этими, не умеющими сложить для молитвы персты?

Меня не удивляют бухгалтеры ельцинской поры, спецы разных мастей, начальники с деревянной душой. Клонят к печали пастыри, историки, писатели, мотивом всей жизни которых должны звучать слова Господа: "не хлебом единым жив человек". Их миссия - служить духу, истине, красоте, памяти о "воде протекшей". Хозяева будут обещать золотые горы - что с них взять? Но мы-то не можем осенить благословением склад и хозяйственные дворы, поставленные на древних мгилах!

Некоторые простаки поверили в блага земные и захлопали в ладоши. Простаки - это великое горе в любой земле. Это они в революцию подхватывают лозунги вроде "земля крестьянам" - и не могут представить, что землю отнимут.

Попалось на удочку и расхваставшееся "возрождением" официальное казачество. Что вдруг стряслось с потомками запорожцев? Кишка тонка в борьбе с бесураманам? Перевелись писари - некому составить складное письмо турецкому султану?.. Топнули бы чугуном: не допустим нефтегазовой гадости! не дадим пакостить нашу землю!..

Скисли казаки, сделались мягкими, как телятина. Не радо ли обогащению за счет угнетения таманской святости верховное казачество? Помалкивали вожди. Наказный атаман Бабыч открыл в 1908 году Тузлянскую грязелечебницу - для здоровья казаков; терминал принесет смрадную заразу - и все большие и малые атаманы при царе Ельцине отвели очи. Историю-то свою надо любить не только по торжественным дням. Так? На пассажирских автобусах примчались бы в Темрюк, оцепили бы дом "Нефтегаза"...

Авантюра как-то незаметно прикрывалась: исчезла громоздкая техника, закрылась контора - да вдруг явились новые татаро-монголы: фирма "Тольятти-азот". И все те же речи: "Через два года вы Тамань не узнаете!.." И те же журналисты обслуживают их.

В 2002 году загремело на Тамани странное имя: *Махлай!* Послушайте, что он сказал (они все, как заводные обезьянки): "Жить так, как живет сегодня Тамань, в XXI веке стыдно".

Пришел радетьель земли таманской, да? Заботливый, чуткий... Наверное, уже на другой день прямо от стыда сгорел: как бедно живут люди! надо помочь. Устроить коммуникации, зерновые терминалы, и - "уверю вас, на Тамань пойдут инвесторы". Подумать только: "приняли на работу больше ста жителей". О, что еще будет!.. "Появятся курортные базы, санатории и туристические комплексы. Через два года берег будет дружим: прекрасные дороги, санатории, прогулочные катера и обустроенный берег. Это другая жизнь".

Все поняли? "Другая жизнь"! Сытая, удобная. Кто против? Махлай пришел! радуйтесь! Он ведь еще в Тольятти понял, что "потомки казаков, высадившиеся здесь, заслуживают другой жизни". "Развивать социалку" - великая его цель: "Приезжайте на Тамань через два года, и вы ее не узнаете... Я открыл для себя Тамань, познакомился с ее историей, прочитал библиотеку книг. И очаровался, влюбился в этот уникальный уголок земли".

Наконец-то на Тамани, после преподобного Никона, Лермонтова и Пушкина, явился богатырь - наверное, построй дом и будет жить здесь, работать и украшать великую землю. Сам "батько" Кондратенко благословил, говорят!..

Я выпячиваю Махлая, а виноватых-то пруд пруди. Какие исковерканные мы люди, русские! Какое у нас повсеместно пустое, исторически неграмотное, скачущее по мероприятиям начальство, как оно не любит читать, терпя культуру, как вынужденное зло! Почему они такие? где родились, где живут и будут умирать? Или уедут (удерут от возмездия) в Англию, в Швейцарию? Им скажешь: как загадили Тамань! уничтожили ее тихий облик! Они разведут руками, удивятся, опозорят вас: как?! да вы гляньте, какие дома выросли! какой базар! спуск от каменного Антона Головатого выложен плиткой! Вам бы только критиковать!..

Тамань уже похожа на проходной двор, а что дальше? Чужие люди захватывают прибрежные земли, выгодные усадьбы, реликтовые исторические углы. Вдоль дороги у Сухого озера, почти до самой трехэтажной гостиницы, которую тоже кто-то купил, поставлены каменные дома. Кто из охраны памятников позволил губить историческую приметку Тамани? "Да оно уже все озеро продано!" - говорят жители.

От площади, сбоку которой на высоте памятный танк, хороший вид открывался на озеро и белые камешки домов на горизонте. Теперь на месте бывшего некрополя - ряды ларьков. От лермонтовского музейного подворья внизу по берегу новые рестораны. Искушался, выпил, закусил, "оторвался"...

Генплан застройки Тамани никто не отменял, но он уже растерзан вольностью богачей. От вековой древности скоро ничего не останется. Даже берег, последнее напоминание о Тмутаракани, будет загажен "индустрией туризма". С некоторых пор буквально взбесились этой никчемной идеей... Все застроить ларьками, пивными забегаловками, игорными домами, качать, качать деньги, обещать блага, "новые рабочие места", раз и навсегда засорить шумом приморскую тишину - вот мечта хозяев новой жизни!

Разрушено, - говорит бывшая заведующая музеем Тамани, - во время строительства железной дороги под Темрюком одиннадцать древних захоронений, четыре селения...

И никому не докажешь, что плохо, гадко - не чувствовать заповедной драгоценности родной реликтовой стороны!

* * *

Мне говорили "мудрые люди", что уже не верят в малейшую справедливость. Зачем писать? Куда? Все бесполезно. Сейчас на кону только деньги, они всем правят. В обществе упразднено понятие о совести, правде, достоинстве. Кругом жулики и воры. Никому не нужна история с поучением Владимира Мономаха. Смотри, даже Патриарх не поехал в Тамань - ему и его иерархам в голову не пришло спасти святую Тамань. Их душе ближе дачи Дивноморска (который назывался прежде... *Фальшивый Геленджик*). А что говорить про чиновную номенклатуру, которая, отправляясь в отпуск, запикивает в портфель сотни тысяч. Или эти драные депутаты! Чихали на все; хапают, строят дома на самых святых пядях русской земли... Тамань! Да они ее уже продали! И никто горло драть не будет. Таманцам тоже не до истории. Казаки перевелись...

Но я писал когда-то "Осень в Тамани" не для того, чтобы получать престижную премию "Ясная Поляна". И не Толстой ли оставил нам вечный припев благородной души: "Не могу молчать"?

Все молчат. Все между собой обсуждают, но никто наперед не вылезет. Боятся. Последнее отнимут. Где же эти свистуны-поэты, соловьями распевавшие у памятника Лермонтову и на вечерних банкетах, "с поникшею главой" стоявшие перед святынными древностями, что же они в невыгодный теперь миг потеряли зычный голос, забыли свои клятвы любви, хмельные речи о "благословенной земле предков"? Проданы за бесценок автобусы, возившие в парадные осенние дни литературную братву, нет выгоды перечить начальству и воротилам бизнеса, лучше попросить при случае денежек на очередной опус, а Таманью сыт не будешь? И где патентованные с советских годов охранники старины, все эти дамочки с накрученными прическами, назначившиеся за согнутую верность власти социалистической и почему-то уцелевшие под властью новой? А где эти нарядные реестровые казаки? Все молчат - будто выехали из родной страны в долгую командировку и оборвали с домом связь. А эта... как ее... интеллигенция? Хватает ее только на то, чтобы после купания в заливе или экскурсионной дегустанции на винзаводе зайти, нагнув голову в дверях, в странную хату Царицыхи и промычать себе под нос: "мда-а, ни ванной, ни туалета, а жили же - с у-ума сойти..."

Меж собой, с кем не заговори, речи похожие, угрюмые: угробили, разворовали, распродали, растащили...

Животноводство уничтожили. Работы нет. Совхоз "Таманский" разорван на части и продан. Фермы развалены, кирпич продали. Нет свиней, коров, птицы, овец. Ни одной! Контра, что рядом с музеем Лермонтова, продана. Кому? Об этом газета "Тамань" не напишет. Гаража больше нет...

200 гектар земли числилось за миллиардером Брынцаловым. Приезжал лет пять назад; авторучку вытаскивал и хвалился: "Видишь? 15.000 долларов стоит". Тоже обещал сказку. На краю станицы почти построил винзавод и... вдруг бросил. Все заросло бурьяном. Все емкости продали,

порезали опоры, остальное растащили... Что-то у совхоза скупил какой-то Варум (брат ли, кто еще этой певички?).

Ну какое наладят хозяйство совершенно чужие люди? Купили, потом продадут. Челябинцы скупили в районе не менее десятка совхозов и винзаводы. Теперь вино - их собственность. Сперва повысили людям зарплату. А потом... Возле бывшей бани можете полюбоваться на дом-крепость: владелец - челябинец. Тоже, наверное, полюбил историю, как Махлай. Баня разобрана, площадка готова для строительства еще одной крепости. Чьей? Тайна. Помыться негде. Частная ешь, дорого. Вода тут самая дорогая в районе, больше 20 руб. за кубометр.

Пристань отдали в аренду на 49 лет. Что там творится, никто не знает. Всякое говорят. Были случаи: ночами подходили суда с рыбой, выгружали и... Как раз в те недели, когда губернатор ловил по дорогам браконьеров и штрафовал за каждую рыбку. Куда лермонтовским контрабандистам на шлюпках до нынешних!

Столовой нет. Детский сад закрыт. Там, где был спорткомплекс, магазин "Магнит". Все... для блага народа.

На бывшем турецком кладбище торговые лавки. Султанский дворец винодела из Вышестеблиевской достраивается. А на винзаводе в Вышестеблиевской не густо. Где взял? Еще кое-как держится совхоз "Южный", но он уже не самостоятельный, прицепили к другим совхозам. Новые рабочие места? Понаехали турки, армяне, китайцы, корейцы, узбеки...

Ну, а поедете за Тамань к Железному Рогу, к Волне - ничего не узнаете. Великая стройка коммунизма! А ведь в Волне белый мушной песок - нигде такого нет. Потеряли моря, теперь каждый метр на счету. Сколько наши предки к морю шли? 600 лет? И знаете, какие веселье, довольные начальнички, мы же их всех помним в районе! Хоть бы в одном глазу переживание: угробили ведь все! Одурели от денег, безответственности, иномарок. Мы помним еще их коммунистические речи, помним, за что они с нас кожу сдирали...

Тамань - это такая благодать, тишина, Керчь видна, Крым. А больше десяти лет катера не плавают. Кефаль уже под сто рублей за кг - малек задыхается в нефтяной пленке. И все мы молчим. Журналисты приедут, их угостят, и...

Все молчат... Да, слез не видно. У людей все отбирают, а им хоть бы хны. А посмотрели бы вы на некоторых на день "Таманской лозы"... Такая в августе гульба была! Станицы и хутора устроили курени, жарятся шашлык, на столах угощения, вина - залейся, гремит музыка, начальство с хвостом подчиненных обходит важно, угощается, торговля кипит, а вечером фейерверк, на берегу под кручей столы для приглашенных, на помосте один за другим певцы, народные коллективы, хор из Краснодара казачий... Такое ощущение, что счастье через край.

Лучше бы деньги, потраченные на показуху, детсаду или больнице отдали...

Какая лоза, если на землях бывшего совхоза "Таманский" все заросло? И на какие деньги они себе банкет устраивали на берегу? Челябинский олигарх на месте бани поставил четырехметровый забор из кирпича, строит закрытый теннисный корт. Чего принесло его на нашу землю? Нету детской футбольной площадки - там пивная...

"Новые рабочие места..." В Волне роскошная гостиница строится, спуск мраморный. Турецкому рабочему платят 1000 долларов. Но не он работает! На часть долларов нанимает наших безработных, а сам сидит в чистой одежде. Нет работы, живи, как хочешь: "сейчас рынок, платите!" Люди как взбесились. Разве это рынок? Просто узаконенный бандитизм. Кругом нищета, безработица, лихоимство. А эти все: "Таманская лоза", "инвестиции"...

* * *

...Ехали из Тамани перед вечером, небо после дождя еще было затянуто тонкими тучками, свежо и тяжело зеленела степь, все вокруг покоилось в тишине. Вот поднялись на взгорье, с которого оглянулись на маленькую Сенную у Таманского залива, повернули на Ахтанизовскую у хутора Соленого, еще раз повернули неподалеку от горы Бориса и Глеба и выпрямились в сторону горы Блювака. Здесь, на краю станицы, у последней белой хатки, тишина замирает совсем, хатка кажется сиротливой соседних, гора Блювака сторожит само время давнишнее. Эта гора, темная после дождя, и пустое влажное поле напоминают мне об Иване

с внуками на Тамани

Прииме, который мальчиком на пашне "извил и свиты делал маленькую палаточку, зажигал в ней свечу, всовывал туда голову и так читал по целым ночам", а дома во время работы записывал свои строчки "на дверях амбаров, конюшни и на белых стенах".

Где стоял дом отца Ивана Приимы и самого Ивана, если он после женитьбы отделился, никто уж не скажет. Никто в станице даже не подозревает, какое талантливое племя Прийм возникло когда-то под боком горы Бориса и Глеба, как оно могло бы приукрасить Ахтанизовскую, если бы мы не затвердели в полной безродности и издали бы книгу. Что это за книга? Иван писал стихи в 1916 году, когда воевал в Турции, получил от Наказного атамана Бабыча поощрение (немалое по тем временам - 100 руб. серебром), оставил прекрасные казачьи воспоминания; сын Константин дружил с Шолоховым и писал о нем книги; племянник в журнале "Русская литература" в академическом звании обозревал словесность, писал труды, удостоенные государственной премии. К этой семье дружно примыкают талантом с воспоминаниями ахтанизовцы А.Обабко и Н.Гульй (бывший атаман). Кто благодарно вспомнит их тихий поклон родной старине и будет гордиться, что они "наши станичники"?

Не ждать ли, когда дагестанцы заглянут в местные исторические святцы, раскошелятся и выкинут на прилавки казачьи сочинения в твердой обложке: нате! это ваще! Дагестанцы нынче по осени приезжают в станицу издалека на сбор винограда; своим уже нету места на поле.

Если бы жили сейчас казаки той же породы и воспитания, что Прийма и Обабко, а в станицах и в отделах правили чины той же стати и коренного родства, что и Гульй, Вареник, Бабыч, то не надо было бы убеждать начальство: "будем хранить...", "давайте издадим..." и т.д. "Хвала тебе, батько, - говорили казаки станицы Таманской Наказному атаману Бабычу, - и слава тебе во веки вечные за горячую любовь к родной старине, любить которую и нам завещаеть".

Понимали раньше: это наше, это нам досталось от дедов. Жили и чувствовали это. А сейча-ас...

Никому ничего не нужно. А кому нужно, того не слышат. Издают лощеные рекламные листки, какие-то экономические газетки, альбомчики, пустые книги, которые невозможно прочесть. Отсталость жуткая! Не отличают плохое от ужасного.

Сейчас составлена "Книга чтения" из подлинных текстов со времен древности о Тамани. Нет! На чужь всякую деньги есть, на чудесное - нету. Нет жажды испить водицы. Придут турки, греки - и издадут, только русские сами себя забыли. Что же это за русские? Где выросло такое невиданное племя? В саду классовой борьбы. Составляют ли справочники, энциклопедии, хрестоматии - везде заметно, что делают это удивительно чужие переродившиеся люди. Ни тепла, ни кровного чувства, ни глубины. Все напоминает туристические буклеты. Что ж, так проходит слава земная...

Зачем налоговой полиции, нефтегазовой кампании свои календари? Вся слава кубанская лежит в сундуках: истории полков, написанные офицерами лучше, чем всякими романистами, воспоминания о Тамани - все не издано. Какие можно еще издать книги, альбомы о родной земле!

Где же эти русские люди? где казаки? Когда проснутся? Нет их уже? Переродились?

Подумайте страшно. В сиротстве лежит Русская земля. Надо и вправду распечатать "Плач о гибели земли Русской"...

* * *

"В 1073 г. великий же Никон удалился на остров Тмутароканский - и, найдя чистое место у города, поселился там... и соорудил там церковь Пресвятой Богородицы, и так, благодатию Божьею и молитвами преподобного Никона возросло то место, и образовался там славный монастырь во всем подобный Печерскому".

С горы Бориса и Глеба, созерцая тихую красоту окрестностей Ахтанизовской, глядя в ту сторону, где за Сенной и холмами у залива лежит на краю Руси Тамань, душа, вспоминая прожитые дни и разговоры, просила: "О преподобный! Услыши скорби наши, услышь плач погибающей святой земли Тмутароканской и помоги всем праведной душой отстоять Тамань, вразуми этих чертей неприбранных, оголтелых, одуревших от денег, и накажи их..."

август - декабрь 2005 г.

Вышли последние две книги воспоминаний полковника Ф.И.Елисеева - "Лабинцы. Побег из красной России" и "Джигитовка казаков по Белу Свету", подготовленные П.Н.Стреляновым (Кулабуховым). Предлагаем два фрагмента из них.

Верные, храбрые, благородные Лабинцы!..

Вашу кровь и стойкость никогда не забудет Кубань!

Генерал-лейтенант С.Г. Улагай, 1920 г.

Равное по территории одной российской губернии, Кубанское Казачье Войско с населением в полтора миллиона казаков - выставило в Гражданскую войну 1918-20 гг. четыре корпуса: 38 конных полков, 3 пластунские бригады, 24 батареи. Кроме того, некоторые части Добровольческой армии состояли наполовину из кубанских казаков. И выставлены они были в полном обмундировании, с холодным оружием и лошадьми, на деньги своих семейств. Несмотря на эту жертву и доблесть казаков - Войско на протяжении всей войны не имело своей армии!

Лишь к концу декабря 1919 года, когда Добровольческая, Донская и Кавказская армии с тяжелыми боями отошли, по оставлению Ростова, за Дон - Главнокомандующий ВСЮР дал согласие на организацию **Кубанской армии**. Надо признать, что это было сделано очень поздно.

История Белого движения на юге России в течение зимы-весны 1920 года по отношению к Казачеству изобилует в мемуарах его высших руководителей целым рядом следующих утверждений: "расчитывать на продолжение казаками борьбы нельзя", "дезертирство Кубанцев приняло массовый характер", "пафос Белой идеи казакам малопонятен"...

"Эти слова были оскорбительны для всего Казачества", - пишет военный историк Федор Иванович Елисеев, опровергая вышеперечисленные "аксиомы".

В первом цикле книги "Лабинцы" повествуется о последних месяцах Белой борьбы казаков на Кубани, отступления с боями на Черноморское побережье казачьих соединений, где 27-летний полковник Елисеев командовал полком, бригадой и дивизией.

1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ Ф.И.Елисеев хорошо знал по боевой работе в Великой войне 1914-17 гг. на Кавказском фронте (боевой путь Лабинцев дан в приложениях). Из этой части Русской Императорской армии в Гражданской войне вышло четыре генерала.

Молодые офицеры, "за единичными исключениями, были кровными Лабинцами, почему, вне своего полка - они не мыслили жить, служить, воевать. Это был совершенно однородный элемент, молодой возрастом, в полном расцвете своих физических сил, совершенно не потерявший сердце". В полку до половины людей некоторых сотен составляли казаки одной фамилии, все родственники.

Стойкость Лабинцев была вызвана тем, что летом 1918 года, после восстания против красных их станицы подверглись жестокому репрессиям, погибли многие сотни казаков. "Террор красных был необыкновенный. Сознав на площадь станицы арестованных - их рубили шашками... И ни в одном отделе Кубанского Войска не было такого массового восстания против красных, как и террора над казаками, как в Лабинском полковом округе. Таковы были казаки-Лабинцы в самом начале борьбы против красных, таковыми и оставались до конца, до самой гибели Кубанской армии на Черноморском побережье в апреле 1920 года".

Последний командир 1-го Лабинского полка на родной земле, командующий дивизией (Улагаевской) полковник Елисеев дает свою оценку старшим военачальникам Белого движения, известным ему лично - С.Г.Улагая, А.Г.Шкуро, Н.Г.Бабиеву, В.Г.Науменко, А.М.Шифнер-Маркевичу, А.В.Голубинцеву, М.А.Фостикову и другим.

Выписанные им портреты генералов останутся живой страничкой в военной истории: "После боя, начальник штаба дивизии, 65-летний генерал-лейтенант барон Арпсгофен благодарил своего начальника, полковника Елисеева за то, что ему довелось "хоть раз в жизни ощутить так близко "запах смерти" в настоящей конной атаке, в которой - душа уходит в пятки. В атаке он, даже, потерял свою английскую фуражку с длинным козырьком..."

Самобытно, с точной передачей поведения и интонаций родного языка показаны всадники-горцы Черкесской конной дивизии, воевавшие в рядах Белых армий.

Приведенные Елисеевым (находившимся в самой гуще зимне-весенних боев 20-го года на Кубани) боевые расписания дают основание не согласиться с утверждением мемуаристов о "дезертирстве казаков". А описание конных

Л а б и н ц ы

атак заставляет серьезно усомниться в том, что "расчитывать на продолжение казаками борьбы было нельзя":

"Три полка красной конницы прорвались и обходят нас слева. Мысль работает молниеносно.

- По переднему уступу!.. карьером! - бросаю штаб-трубачу.

И запела труба в пространство снежной степи: "Стремглав, друзья, построитесь, чтоб фронтом идти на врага-а!"

Повернув головную сотню фронтом против красных - остановил ее. Остальные сотни, несся с быстротой молнии - пристраивались левее головной, образуя густую резервную колонну полка.

Пулеметная команда, взяв лошадей в кнуты - неслась вслед.

- Взять позицию правее полка! - кричу я.

В большой белой косматой папахе - крупный телом есаул С., пригнувшись к луке с хищным видом, доскакал до бурьянов, круто остановился, повернул свою лошадь кругом и, став лицом к своим пулеметам, - сложенной вдвое плетью бросил руку направо и налево, чем указал развернутый строй своим 22 пулеметам.

Пулеметные линейки веером бросились вправо таким аллюром - как скачет во все лошадиные силы пожарная команда.

Красные, увидев образовавшийся строй казаков фронтом против них - блеснули шашками и густой ватагой, без строя, перешли в атаку. Их было гораздо больше, чем нас. Мне стало страшно. Своей численностью они могут смять полк.

Полк стоял молча. Командиры сотен бросали иногда взгляды на меня и на несущуюся на нас конницу красных, как бы спрашивая: "Чего же мы стоим?"

Молча проехав перед строем - остановился на правом фланге полка. И когда красные передними всадниками приблизились шагов на 500-600 - я взмахом руки открыл по ним огонь. И застрекотали, заклокотали, зашипели все 22 полковых пулемета и легким сизым дымком заиндивелась линия огня. Есаул С. скачет вдоль линии своих линеек, что-то кричит и от его крика - пулеметы еще более слились в сплошную бурю развернувшейся грозы огня.

А полк стоит и смотрит - как смешались первые ряды красных, как свалилось несколько коней, и как они, повернув своих лошадей кругом - потоком хлынули назад. Широким наметом, с места, полк бросился вперед, в преследование..."

В последнем походе Елисеев, только волею обстоятельств не ставший генералом, командует дивизией. Казачьи полки атакуют красную конницу под бравурные марши хора трубачей 1-го Лабинского полка: головокружительная скачка удирающих и преследующих, распластавшихся в карьере красноармейцев и казаков, захваченные пулеметные тачанки красных строчат по своим - возле каждой по несколько урядников с револьверами в руках, требуют от пленных пулеметчиков "лучше целиться"...

В середине марта 1920 года три Кубанских конных корпуса и 4-й Донской конный отходили к Черноморскому побережью. Связи между корпусами и с Новороссийском (где погрузились на пароходы лишь подоспевшие туда кадры двух полков ККВ) не было. Единственная дорога на Туапсе. Впереди Гойтхский перевал. Вся Черноморская губерния занята "красно-зелеными". И передовые отряды генерала Шкуро разметали противника, взяли перевал, потом Туапсе, двинулись на Сочи и заняли город.

Капитуляция почти 40-тысячной (60 тысяч вместе с Донцами и беженцами) Кубанской армии в апреле 1920-го под Адлером-Сочи... Никому не известны затаенные мысли Кубанского Атамана Букретова и генерала Врангеля. Особенно первого. Офицер Генерального штаба и боевой генерал, герой Сарыкамьша, Георгиевский кавалер Великой войны - принимает командование Кубанской армией, отослав в Крым "неудобных ему" старших казачьих генералов: Улагая, Шкуро, Науменко, Бабиева и Муравьева. Видимо, понимая при отступлении корпусов к Черному морю, что ничего уже не сделать, возможно, желая "спасти армию" -

Ф.И. Елисеев.
Бирма, 1935 год.

Букретов договаривается с красными об условиях сдачи.

Но остается также фактом, что о Кубанской армии в трагические дни ее гибели словно забыли - рука помощи из Ставки не была протянута. Наверное, Врангель думал об эвакуации Крыма, как о неизбежности, и не было необходимости усиливать армию на полуострове еще многими десятками тысяч казаков и беженцами, брать нравственную за них ответственность и потом эвакуировать в общем исходе. Так погибли сила и цвет Кубанского Войска.

Уже после говорили, что "Кубанские казаки не поехали бы в Крым". Это заблуждение. При отступлении с Кубани не только рядовой казак, но и офицер мог остаться в любой станице и не уходить к Туапсе. Ни контроля, ни принуждения не было. Казак просто не выезжал в строй, полки продолжали отступать на юг. Следовательно, к Черному морю ушли непримиримые враги красных, добровольно.

В полках никто не думал о возможной капитуляции, когда дошел слух о переговорах с красными. В естественном порядке воинской дисциплины все ждали приказа, чтобы оставить позиции и идти грузиться на корабли. Но приказа не последовало, как и не прибыли корабли. Их бросили (единственный генерал Шкуро сумел прибыть на судах к хутору Веселому и подобрать своих соратников, около полтора тысяч человек).

Получив уведомление о капитуляции, офицерам и казакам, желающим выехать одиночно, препятствий не чинили.

"Сам погибай, но товарища выручай" - гласит один из параграфов Устава внутренней службы Императорской армии, на котором твердо, священо она воспитывалась.

Офицеры остались в полках: первопоходники, старейшие Корниловцы и Лабинцы, командиры сотен во 2-м Кубан-

Офицеры и казаки 1-го Лабинского полка. Кавказский фронт, 1917 год.

ском походе и младшие офицеры-пластуны. Остался последний командир Корниловского конного полка Безладнов. И был расстрелян красными в Екатеринодаре во время десанта из Крыма на Кубань...

Если Армия будет знать, что в трагические моменты начальники могут бросить подчиненных и спастись в одиночку - Армия эта будет неустойчива в боях и морально больна.

И началась красная вакханалия. "Военком 34-й красной дивизии Рабинович, словно обрадовавшись своей очерде, как застоявшийся конь - он быстро стал впереди говорившего, окинул казаков торжествующе-победным взглядом и тонким фальцетом запищал, защебетал, заговорил... "Проп-пали, проп-пали мы, - думал я тогда. - Революция, советская республика, красная власть - навалились опять на нас всем своим отвратительным существом!"

В Туапсе красные в который раз обыскивали казаков и забирали у них последнее. Уже сданы лошади и седла. У многих казаков были Георгиевские кресты и медали. "Серебро нам нужно для государства... У нас все народное", - говорили красноармейцы, собираясь их отобрать.

Навсегда запомнил Елисеев подхорунжего Н., награжденного в Великой войне тремя Георгиевскими крестами: "Я-то знаю, как он их заслужил! При мне все это было! На южных склонах Большого Арарата, были убиты командир и вахмистр сотни. Я остался за командира сотни, а он, взводный урядник - стал вахмистром сотни. Ранено было десять казаков и все тяжело, свинцовыми курдинскими пулями. Выбрались мы тогда благополучно. Прибытия в полк 1911 года, десять лет в строю и на войне без перерыва - что он переживал, умняга?! А сколько здесь было других, подобных Н.?!.. Нужно полагать - м н о г о!

И теперь, эти царские Георгиевские кресты, заслуженные кровью и невзгодами голодного Турецкого фронта, красные хотят отобрать "для народа, для народного государства"... И вот он, вынул их из сум и показывает этим хамам. Как бывало в трудные и ответственные минуты - он сощурил глаза и смотрит на меня. И я не знаю, что он думал, испытывал в эти минуты? Ненависть к красным? Или к тем старшим генералам, в Крыму, что оставили их здесь, непримиримых к большевикам? А может быть, удивлялся, что "и я здесь?"...

Второй цикл - "Побег из красной России" - начинается для казаков с лагерей, этапов в Москву и на Урал, первых

унижений и оскорблений. К старым полковникам злобно цепляются конвоиры: "А ты не есть ли сам Деникин, йо - твою мать?.. Смотри, как бы я вам бороды не выщипал, белые бля-и!" - и говоривший начинает изощряться, что бы он сделал с генералом Деникиным, если бы тот живьем попался ему в руки, подчеркивая, что его "надо было бы вначале пытать, а потом - по кусочкам раздергивать". "И откуда появились на Руси Святой такие дикари, варвары?! - задается вопросом прошедшей две войны Елисеев. - При желании, он мог любого из нас пристрелить. Я понял, что мы попали в лапы не одного зверя, а в лапы сонмища зверей". Лабинцы и Корниловцы держались вместе. Большевицкие лагеря ничего не смогли изменить в воинских взаимоотношениях казачьих офицеров. Все оставались почтительными к старшим, помогали физически слабым. "Друзья познаются только в несчастье" - был их девиз. И благородное офицерское воспитание, как никогда и нигде, проявилось у всех тогда в высшей мере.

В Москве командиры эскадронов Конной армии Буденного, направленные на командные курсы, подошли к Елисееву с воровским вопросом - спекулировать на черном рынке белой мукой, которую они привезли, конечно же, не из своего амбара. "Герои красной конницы, против которых мы дрались в течение двух лет!.. командиры, которые, порой, очень смело ходили против нас в атаки! Их лица, глаза, манеры людей, выдавших виды - и грабеж, и насилие, и кровь и животные удовольствия, людей, привыкших к своеобразной власти". И выдали свои спекулятивные тайны - полковнику Белой армии, врагу. Можно ли представить строевых офицеров Русской армии на их месте?!

Судьба русского офицерства, уцелевшего в двух войнах, была predeterminedена большевиками. Летом-осенью 1920 года в Москве устроили "военно-политические курсы" для пленных офицеров Кубанской, Донской и колчаковской армий, отправляемых на Польский фронт. Глядя в глаза Елисееву, моему прадеду генералу Абапкин и другим старшим офицерам, комиссар курсов выразился вполне ясно: "Мы вас, кадровых офицеров, держим потому, что вы нам нужны для построения нашей красной армии, - после этого лицо его стало жестким, и он добавил. - А потом мы всех вас сошлем на север и сгноим в мурманских лесах и болотах..."

Нынешние "объективные" историки определяют гражданскую войну прежней меркой, штампом - как "братоубийственную", ставя на одну доску красный и "белый террор". Но припомните со стороны белых хотя бы один случай, подобный тому, о котором впервые поведал Елисеев - поголовного уничтожения всего офицерского и военно-чиновничьего сословия целого Казачьего края в конце войны!..

Кровавую дань понесло Кубанское Войско после неудачного десанта из Крыма в августе 1920 года. "Никто не описал - какова была расправа красных по станицам, по уходе десанта? Но 6 тысяч офицеров и военных чиновников Кубанского Войска, с которыми мы встретились в Москве - являлись первыми жертвами".

Эшелоны с офицерами большевики гнали через Москву в Архангельскую губернию, эшелоны с урядниками - за Урал. Судьба казаков была ужасна. Прибывших в Архангельск в августе-сентябре 20-го пачками грузили в закрытые баржи, вывозили вверх по Северной Двине и расстреливали на пустьрях из пулеметов. Затем баржи возвращались, в них грузили следующих - и так, пока не уничтожили все шесть тысяч... "Кубань, наше Кубанское казачье Войско, захлестнулось и еще слезами шести тысяч вдов!.. а, сколько после них осталось сирот - мы теперь и НЕ УЗНАЕМ".

Скитаясь по лагерям и тюрьмам, казаки получали вести из станиц. Еще в 1920-21 гг. красные жестоко мстили казачьим семьям: расстреливали видных стариков, "за невыполнение продразверстки" сажали в подвалы ЧК, насильничали, брали "на учет" с запретом выезда из станиц... Елисеев свидетельствует: на Урале и на северо-западе, в местах ссылки, население ненавидело советскую власть, белых офицеров - принимало как героев. Услышав, что они "издалека, с юга России", крестьяне заключали: "Есть адна Расея... а иде юх, а иде север - ета усе равно. Адна страна".

Разоренный красными в своем свободном труде - "все дай, да дай!", встречая пленных офицеров, хозяин дома радостно переспросил: "Бел-ые?.. значить колчаковцы?.. Я сам у Колчака служил и вот, вернулся зря в село... но Колчак придет иш-шо!" Он, как и соседи-мужики, ждал возвращения Верховного Правителя: "Все пойдём к нему! И уж не сдадимся..." "Я ему не сказал, - пишет полковник Елисеев,

- что адмирала Колчака давно нет в живых..."

Сосланный за Урал, Елисеев решает: "Бежать!.. Бежать из этой красной России, бежать, куда глаза глядят, но только не быть здесь и переживать беспомощно все преступления и варварство красной власти, с которой надо бороться. Эта борьба возможна лишь тогда, когда я буду свободен".

Ему это удалось - он стал свободен. Началась новая жизнь и была еще одна война...

Джигитовка по Белу Свету

На берегу Атлантического океана. Франция, август 1925 г.

Воинскому искусству - казачьей джигитовке - посвящена настоящая работа, а каждая из ее частей, в сущности, является отдельной книгой.

Джигитовка - не только интересное зрелище, ее возникновение у казаков было связано с суровой боевой необходимостью на протяжении всей истории Казачества.

В смертельной схватке противников мгновения решали, быть ли тебе живому, и все было важно: вернуться вовремя от шашечного удара, от аркана - чтобы не стать пленником, поразить врага пулей на расстоянии, "схилиться" на бок лошади от острия пики, схватить на карьере обороненное оружие. При неожиданном нападении метнуться в седло разгоряченного испуганного коня на скаку, подхватить и увезти с собой, не выдав врагу, раненого друга.

Поэтому джигитовке в казачьих строевых частях Русской Императорской армии уделялось большое внимание. К ней подготавливались не только люди, но и лошади, и только после систематических тренировок тех и других получалось единение двух боевых товарищей. Когда казак знал свою лошадь, ее силы, ее характер и наклонности, знал, что можно от нее потребовать, а с другой стороны, и лошадь понимала, чего хочет от нее всадник - тогда только и могла получиться настоящая джигитовка, интересная сама по себе и с большим боевым смыслом.

"Посмотришь на казака - ничего особенного он собой не представляет, человек, как человек, самый обыкновенный. Посмотришь на его лошадь - тоже ничего особенного, самая обыкновенная лошадь. Но вместе эти два!.. О, ну их к дьяволу, лучше им не попадаться!" - говорили иностранные офицеры-кавалеристы.

Особенно "расцвела" казачья джигитовка в эмиграции - вынужденно, с заботой человека о собственном существовании, и в то же время артистически гордо. Номера, что исполняли казаки, не делал никто в мире.

Многие группы казаков, в 20-х - 50-х годах XX столетия "избороздили" в своих турне весь Белый Свет - от Америки до Юго-Восточной Азии, покоряя континенты казачьим искусством. И самые яркие воспоминания об этом оставили кубанские казаки полковник Федор Иванович Елисеев и Гавриил Алексеевич Солодухин.

Март 1921 года. Восставший Кронштадтский гарнизон (около 12 тысяч человек) переходит по льду в Финляндию. Среди них несколько сотен казаков. Здесь и происходит встреча Ф.И.Елисеева, только что вырвавшегося из красного плена, и казака Гавриила Солодухина.

Работа у финских хозяев, узнавших и полюбивших казаков, увеличивавших им заработанную плату наперекор законам своей страны; создание Финляндско-Кубанской станции с избранием Елисеева атаманом, сборы и репетиции казачьих песен и танцев во вновь пошпитей форме - и искреннее уважение к гордым казакам от русской колонии.

Отправляясь в 1923 году на работы во Францию, казаки дали прощальный концерт в русской гимназии в Гельсингфорсе. Из отзыва поэта Ивана Савина: "На подмостках, наспех составленных из разобранной сцены - Кубанские казаки, случайно попавшие в Финляндию, случайно остановившись на день в Гельсингфорсе - пели наспех приготовленные песни, танцевали в родных, чудом сохранившихся костюмах, с

самодельными кинжалами; просто, наивно, как-то по-детски читали стихи про Россию, про Кубань. И переполнившие небольшой зал зрители, в большинстве своем далекие и от России и от Кубани, давно разучившиеся быть простыми, явно уже потерявшие детскую веру в

правоту свою - грохочущими аплодисментами, сиянием широко раскрытых глаз, улыбкой дрожащих губ - встречали они каждую песню казачью, каждое слово, пляску каждую.

Было это так странно, неожиданно очень. Может быть не только один я, идя на этот вечер-экспромт, думал: разве они расшевеют нас, уставших от слишком долгой чужбины, нас, полумертвых?

Расшевелили. С глубокого чувства национального унижения сняли тяжесть. И огромной, сверкающей, ширококрылой птицей закружилась над самодельными кинжалами, над грохочущим залом - душа русская. Та, которую ничем не убьешь, никогда не задушишь.

Бессмертная любовь к России, вечная жажда ее, как старое вино - опьянили, зажгли, растрогали нас. Мы ошиблись, чудесно ошиблись - в каждом из нас никогда не умирала Россия. Вот почему залушенный безвременьем цветком русский, так ясно и радостно затрепетал в сердцах наших, когда понеслись со случайной эстрады песни о Родине.

Ласково любили в тот вечер Россию. Пели о ней не только те, с деревянными кинжалами, с золотыми сердцами. Пел о России пожилой полковник в третьем ряду, пел и, кажется, плакал, стоя аплодируя кубанцам...

В этот незабываемый, единственный вечер, они, случайные орлята Корниловских полков - не случайно показали на бедной эстраде свою Кубанскую станицу. За станицей, за белыми шапками, за молодецким плясом гармонии - во весь рост стояла Россия бывшая. И будущая. Ибо так верить в Россию, так ждать ее - могут лишь те, кому еще суждено воскресить былое, самим прийти и других привести на родные поля..."

В 1925 году на призыв генерала А.Г.Шкуро в Париж "слетелись" все лучшие тогда наездники-казаки за рубежом. Над стадионом Буффало звучали русские марши духового оркестра, лились воинственные казачьи напевы проходившего в строю хора в 100 человек. Под взором десятков тысяч глаз, в косматых папахах, на гарцующих конях шли 80 джигитов с полковником Елисеевым. 110 лет, от атамана Платова, не видел Париж так поразивших его казаков.

Ф.И.Елисеев вспоминает о посещении вместе со Шкуро бывшего Походного Атамана всех Казачьих Войск Великого Князя Бориса Владимировича, последнем прощании с легендарным казачьим генералом перед высылкой того из Франции.

Турне с группой джигитов по Франции, Германии, Чехословакии, Австрии, Швейцарии; из Италии казаки плывут в Индию, потом - Малайский полуостров, остров Ява, Гонконг, Шанхай, Индокитай и королевства Комбоджа и Сиам, Бирма, вновь Индия и Малайский полуостров, Филиппинские острова и остров Суматра - на котором их застала 2-я мировая война. Работа в тропической жаре. Им рукоплескали индийские магараджи и малайский султан, полковника Елисеева знакомят с сиаемским принцем - бывшим конногвардейцем, окончившим Пажеский корпус в Петербурге.

Годы, даты в хронологическом порядке работы джигитов "на коне по Белу Свету", с картами стран, городов и островов - покажут читателю, что это не фантастическая повесть, а интересная действительность. Когда Елисеев

"Турник". Подхорунжий Пахомов

слез с седла, ему было 56 лет.

И в 1965 году - время написания Елисеевым этой работы, еще джигитовали в Европе с небольшими группами его сверстники, 73-летние донские казаки есаул Юрков и подхорунжий Пахомов. "Как строевые лошади, они втянулись в свою работу десятками лет и старость для нихотносительна. Поистине - велик дух казачий!"

Но все выступления проходили празднично и успешно. Тяжелая работа забирала казаков: "...умерли все три брата Симоновых (доницы). Средний, Иван, на одной из джигитовок, упал в горящий соломенный барьер, облитый керосином и задохся от дыма. В Калифорнии, работая в американском цирке, упал с лошади и разбился насмерть отличный джигит Иван Корнилов, 37 лет от роду, казак станицы Вознесенской Кубанского Войска. Смерть на джигитовке, словно смерть в бою, для Славы!"

Вторая часть цикла "Джигитовка казаков по Белу Свету" представлена записками кубанского казака Гавриила Солодухина. После короткой службы в Белой армии он попадает в Кронштадт по красной мобилизации 1920 года, с восставшими уходит в Финляндию и становится ближайшим помощником полковника Елисеева.

После парада в 1925 году в Париже (где молодого и храброго джигита заметил сам генерал Шкуро) и турне по Европе, Солодухин выбирает свой путь. Он снимается с казаками в Англии в фильме "Наполеон", начинает карьеру танцовщика в ночном кабаре в Ницце.

В 1926 году - переезд в Америку, выступления джигитов. Купив собоца три автомобиля, казаки, никогда не сидевшие за рулем и державшие в руках лишь уздечку и шашку, двинулись за две тысячи миль в Голливуд. Знакомство с Дугласом Фербенком и другими американскими "звездами", съемки в фильмах "Воскресенье", "Казак" по романам Л.Толстого, в ковбойско-индейских фильмах (с обучением ковбоев падать на карьеру и класть лошадей).

Гастроли по США и Мексике с казачьими танцами и джигитовкой. Присутствие на представлении президента Мексики, после чего казаки стали "почетными гостями республики" и получили право на свободное ношение оружия. Генерал-революционер Эскабар предлагает им вступить в его армию. Сотни тысяч зрителей, огромные гонорары и - нищета во время безработицы в Америке. Здесь Солодухин знакомится со своей будущей женой - племянницей героя Русско-японской войны генерала П.И.Мищенко, ставшей его постоянной партнершей в танцах и джигитовке. Лезгинка Солодухина в темноте с горящими кинжалами во рту и руках, и бросание их в цель - производила фурор у публики.

За рубежом память о талантливых танцорах из России сохранилась и по сей день. Так, в Белграде старые русские эмигранты рассказывали нам о выступлениях перед 2-й мировой войной казаков в популярном тогда ресторане "Кавказ". Изюминка рассказа: когда наутро после ночных представлений выручка из окрестных заведений сдавалась в банк - денежные купюры из "Кавказа" узнавались сразу, т.к. почти все они были с дырками. Открывалось все просто: восхищенные лезгинкой посетители кидали деньги артистам на сцену, а меткий бросок кинжала - довершал дело...

Интересна работа Солодухина в крупнейших цирках Америки, театрах и на Всемирной Олимпиаде в 1932 году. Выступления в 100-тысячном "Колизеуме" (Лос-Анжелес) и на выборах президента Ф.Рузвельта, заголовки в газетах "Императорской России Кубанские казаки, в лихой джигитовке, побили всех!". Затем джигитовка на Гонолулу и Гавайях, шоу в "Мэдисон сквер гарден" с лучшими артистами мира.

После войны Г.Солодухин еще 17 лет танцует и поет в Донском казачьем хоре имени атамана Платова.

Очень точные слова о казачьей песне в эмиграции оставили казаки-кадеты: "Вспоминают они, когда песню "игра-

ют", и Тихий свой Дон, и Кубань вольную-раздольную, и Терек бурный, и степи Оренбургские, и вообще все далекие теперь казачьи земли... Вот это-то и есть исконная русская песня! Не поднеменная, не подфранцузенная, непричесанная, неприглаженная... Какой принес ее беллец в степи, в Поле Дикое, такой ее степь и сохранила, никакому чужаку и притронуться не позволила. Вот тут и ищи старых песен, напевов и древних, что не только при батюшке Александре Васильевиче Суворове, а беру поглубже - может, и при царе Алексее Михайловиче Русь певала..."

И нужно было несколько веков, чтобы разлилась эта песня по всему миру, чтобы наполнила души басурманские, чтобы расплавила медные сердца суровых тевтонов, чтобы начала вырывать слезу за слезой из глаз невозмутимых англосаксов..."

В конце 1980-х Г.А.Солодухин впервые за 70 лет побывал в родной станице Ильинской. Навестил младших дальних родственников, одному из них подарил суперсовременный мотоцикл. Его попытки вспомнить то казачество, рассказы о своей жизни, о джигитовке в эмиграции - не нашли понимания у современных наследников красноармейцев, чinovцев и отставных военных, заселявших благодатные кубанские станицы после тотального расказачивания. Посмотрев на все это, еще крепкий 90-летний старик сел в свою машину и уехал куда-то на Урал. Он был чужой на родине!..

Отдельный очерк посвящен последнему Наказному Атаману Кубанского Казачьего Войска (1908-17 гг.) генералу от инфантерии Михаилу Павловичу Бабычу, из рук которого юный вольноопределяющийся-охотник Федор Елисеев получил в 1910 году первый приз за джигитовку в полку.

Успешная военная и административная служба, родовые корни - Бабыч был сыном заслуженного генерала Черноморского Казачьего Войска и внуком Старшины Запорожского Войска Низового, - имели немаловажное значение в последующем его управлении Войском и Кубанью. Приведенное в очерке ходатайство на Высочайшее Имя Наместника на Кавказе графа И.И.Воронцова-Дашкова о назначении Бабыча Начальником Области и Атаманом, позволяет узнать, как выдвигался на этот высокий пост природный казак - что было событием, в общем-то, исключительным и нехарактерным в Казачьих Войсках Императорской России второй половины XIX - начала XX веков.

В десятилетнее правление Бабыча Кубань с ее особенностями, с разноплеменными жителями - казаками, выходцами из внутренних губерний России, горцами, армянами и многими другими народностями - развивалась и богатели. Увеличивалось число самых разных учебных заведений, прирост населения в Области в то время был такой, что его не могли остановить и две войны: в сравнении с 1914 годом (чуть более 3 млн. жителей) он составил свыше полумиллиона человек на 1920 год.

Черноморско-Кубанская железная дорога была построена полностью на казачьи станичные средства в первые годы атаманства Бабыча, а ежегодный взнос Кубанского Войска приносил государственной казне свыше 100 миллионов золотых рублей. Или несколько строк, найденных в архиве, о проекте, казалось бы, "местного" значения - проведения трамвайного пути в станице Кавказской! Осуществлено это не было: две войны начала века и советское расказачивание, потом... В станице трамвая нет и поныне.

О трагической смерти старого Атамана, замученного красными в 1918 году, о спасении их семьи генералом Шкуро рассказывает вдова Бабыча София Иосифовна.

Дополняют работу расписания боевых сил, выдвинутых Кубанским Войском при Атамане Бабыче в 1-ю Великую войну 1914-17 гг. и выставленных Кубанью в гражданскую войну 1918-20 гг. с указанием поименно потерь высшего командного состава.

П. Стрелянов (Кулабухов)

Полковник
Шляхтин
с пикой

"Два лихача..."
Подхорунжий Чернов и
мл. урядник Г.Солодухин,
станицы Ильинской ККВ.
Виши (Франция), 1926 г.

Улица *Oficiero Serebriakov*; город *Fortin-Serebriakov*... Латинская Америка, Парагвай.

Для наших граждан название этой страны стараниями политинформаторов долгое время привычно ассоциировалась с именем "кровавого диктатора" - убежденного антикоммуниста Стресснера. "Установил режим военно-полицейской диктатуры, защищающей интересы латифундистов и комрадурской буржуазии, а также иностранных компаний", - писали о нем в советских справочниках.

Дипотношений у СССР с Парагваем не было, и въезд советских граждан в эту страну был категорически запрещён. Между тем на ее карте немало русских имен, а парагвайские военные до сих пор с большим уважением отзываются об офицерах и казаках - выходцах из России, сыгравших огромную роль в становлении парагвайской армии. Под началом одного из русских офицеров начинал боевой путь и будущий главнокомандующий армией и президент Парагвая (с 1954 по 1989 год) Альфредо Стресснер. Это от русских бойцов и казаков он навсегда проникнулся неприязнью большевизма!

Одним из первых после установления дипломатических отношений с Россией попал в Парагвай Валерий Лёвушкин, руководитель ансамбля "Бим-Бом": "Асунсьон... Дорога, точнее улица, разбита на две части, посередине травяная аллея, где по всему периметру стоят на постаментах бюсты военных, ну, словом, все как у нас, эдакая "Аллея героев". Не знаю, что заставило меня вчитываться в имена, написанные, естественно, на испанском, но первая фамилия, которую я увидел, была - Белов. Я подумал, что ошибся в прочтении латинских букв, но следующий бюст с надписью "Малютин" не оставил никаких сомнений. А дальше были бюсты Серебрякова, Касьянова... и т.д. Я, да и все в автобусе, не сразу поняли, куда попали...

Как известно, в России красный режим победил сопротивление Белого движения. Оставшиеся войска были эвакуированы и приняты разными странами... Но несколько последних казачьих дивизий, практически до конца сдерживавших красный штурм, уже не мог принять ни один город Европы. И командование приняло решение идти в Аргентину. Аргентина тоже не согласилась принять казаков, но предоставила "коридор" для прохождения войск с полным вооружением в Парагвай.

Так в 22-м году в Парагвае, образовалось первое казачье поселение. А когда Боливия напала на маленькую Парагвай, то, поскольку регулярной армии у страны не было, правительство обратилось к русским с просьбой о помощи. И казаки всё им организовали. Русские белоэмигранты составили костяк высшего командования парагвайской армии, приведя ее к победе в Чакской войне. Первый главнокомандующий - русский, первый начальник генерального штаба - русский и, естественно, самые лучшие обученные полки - русские казаки.

Через несколько лет Парагвай с честью вышел из войны, изгнав захватчиков. После этого и была создана "Аллея героев" в честь солдат и офицеров, погибших в этой войне, которая пользуется большим почитанием у местного населения, да и всех правящих режимов страны.

В Парагвае есть улицы, поселки и города, названные в честь русских офицеров, отдавших жизнь за эту страну.

К нам на концерты приходили старички и старушки, дети и внуки тех русских военных, которые не смогли отстоять свое родное Отечество, зато смогли защитить чужое и нашли в далеком Парагвае свою вторую родину...

Насчёт "идти в Аргентину" и "полного вооружения" - это, конечно, от незнания вопроса; но о "последних казачьих дивизиях" - красиво!..

Несколько папок с копиями заметок по этой теме мне прислал из Сиднея сын офицера-дроздовца С.В. Хлистунов - они и легли в основу этой статьи.

Появление русских в Латинской Америке связано с давней идеей беженцев - сохранить в вынужденном изгнании традиции и культуру, образ жизни, для чего желательно было компактное поселение. При этом решалась и другая задача - сохранить силы для продолжения борьбы с красными. Если в Европе или США условий для создания русских поселений не было, то в менее развитых и освоенных странах не только сохранялись свободные земли. Там нуждались в квалифицированных рабочих руках и опытных воинах.

Казаки, стремившиеся сохранить свои общины, были в этом смысле наиболее подходящими переселенцами - тем

"Парагвай"

более там, где шла речь об освоении и охране новых территорий.

Одним из первых проявил заинтересованность в казаках далекий Парагвай. Еще 29 июня 1924 года генерал-майору Русской армии И.Т. Беляеву было передано разрешение Президента Парагвая на создание в этой стране "Русского Очага", с привлечением различных русских специалистов для улучшения экономики республики.

Всего из портов Европы в Южную Америку отправились несколько пароходов с русскими эмигрантами - теми, кто откликнулся на опубликованные в печати призывы. Всех, "кто мечтает жить в стране, где он сможет считаться русским" и свободным от большевицкой заразы, генерал Белов звал поехать навстречу своей судьбе. При этом правительство Парагвая было гарантировано, что вновь прибывшие ни под каким соусом не были в составе Красной армии.

Краткая справка: Иван Тимофеевич Беляев (1875+1957), генерал-майор. В Белой Армии - инспектор артиллерии Кавказской Армии. Учёный, географ, антрополог, этнограф, лингвист, составитель испано-индейских словарей. Занимался изучением индейских племён в обширной, но малоизученной провинции Гран-Чако. Но для нас он, прежде всего, интересен своей активной деятельностью по созданию довольно значительной русской колонии в Парагвае: только в парагвайской армии служило около трех тысяч русских офицеров и солдат - из них два генерала (Беляев и Эрн), 8 полковников, 4 подполковника, 13 майоров и 23 капитана. Беляев был генерал-инспектором парагвайской артиллерии, с 1933 года - начальником Генерального штаба парагвайской армии...

В числе первых русских прибыл в Парагвай геодезист Аверьянов, конструктор Маковецкий, инженер-лесник С.С. Салазкин, В.Ф. Орефьев-Серебряков...

Оренбургский казак Челябинского округа Н.А. Черканин прибыл в октябре 1926 года из Аргентины с 12-ю пещо в кармане и был назначен директором по земледельческой части в колонию Сан-Лазаро (960 гектаров земли). Своей задачей он считал устроить в колонии русско-казачье поселение. "Нужно сказать откровенно, что здесь не Матушка-Россия. Не многоводная раздольная Кубань, не цветистый Тихий Дон и не родимая моя Сибирь" - писал позже колонист-казак.

Жизнь русских переселенцев постепенно налаживалась, и интересы второй родины принимались ими как свои. С 1933 года для русских колоний были выделены правительством земли в междуречье рек Парагвай и Параны.

Между тем 15 июня 1932 года вспыхнула т.н. 2-я Чакская война между Боливией и Парагваем. Конфликт выпел из спорной территории Гран-Чако (230 тыс. кв.км.) - богатой, как думали, нефтью (потом она оказалась плохого качества). Уже в августе Беляев с отрядом добровольцев уходит вверх по реке Парагвай - для освобождения форта "Карлос Антонио Лопес" в лагуне Питиантута, захваченной боливийцами. Через месяц Иван Тимофеевич получает парагвайское воинское звание - дивизионный генерал.

Беляевым, изучавшим индейцев, активно привлекались на службу в качестве партизан-диверсантов местные аборигены. А гибель индейского вождя Чикинокока у выше-названного форта позже вошла в либретто Беляева, написанное к спектаклю, который с успехом шёл в стране Южной Америки. К слову, у меня есть выписка из печати того времени, что "в американских газетах появилось сообщение, что английской экспедицией в джунглях Южной Америки встречено индейское племя, вождь которого оказался русским. По его словам, он терский казак".

Всех русских к указанному году проживало в республике около ста человек. Моряк князь Туманов сообщает: "В настоящее [1932] момент, на службе Военного Ведомства, в Армии и во Флоте служат 19 офицеров, 2 врача и 1 ветеринар, иначе говоря, русская колония мобилизовала на защиту страны более 20 процентов своего наличного состава. Из этого числа, 14 человек находятся в Чако, большинство - в рядах действующих войск, принимая активное участие в боях с боливийцами..."

Русские переселенцы оказали величайшую, без преувеличения, услугу государству, которое называли Парагуай. Многие и многие были отмечены его высшими наградами.

Какие имена! Генштаба генерал-лейтенант **Степан Леонтьевич Высоколян** (математик - говорят, первый в мире решил теорему Ферма) стал командующим артиллерией парагвайской армии. Он скончался в Асунсьоне, в 1986 году, на 91-м году жизни, в чине генерала армии - и в стране был объявлен Национальный траур.

В том же городе скончался в 1972 году генерал-майор **Николай Францевич Эрн**, занимавший у барона Врангеля пост п.д. ген. штаба армии - офицер лейб-гвардии Казачьего полка (в эмиграции один из составителей его истории). С 1930 года он был начальником Южно-Американского Отдела РОВС. Профессор Академии Генштаба, генерал-инспектор и генерал-лейтенант армии Парагвая... Его дочь, между прочим, стала основательницей здешней балетной школы, а брат, полковник Сергей Эрн, строил инженерные сооружения.

Н.И.Гол(ь)дшмидт стал начальником Отдела картографии в Генеральном штабе (убит под Коньяда-Строгесте в 1934 году). Генерал медслужбы Парагвая **А.Ф.Вейс**, известный в стране врач **М.И.Ретивов**, полковник-марковец **Л.Л.Леш**, капитан-марковец (кстати, марковцев, довольно много) и парагвайского генштаба полковник **С.Н.Керн**, полковник-корниловец **Н.П.Керманов**, парагвайский полковник **А.Н.Флейш(н)ер**...

Есаул-шкуринец (в 1920 году) **Ю.М.Бутлеров**, потомок известного академика, начав парагвайскую службу в чине майора, закончил ее в штаб-офицерском чине. Его именем названа столичная улица "Полковник Бутлеров". Улица "Инженер Кривошеин" названа в честь другого национального парагвайского героя войны.

Есть в центре столицы Парагвая и улица "Команданте Канонников", носящая имя капитана 1-го ранга **Всеволода Канонникова**, еще одного героя Чакской войны 1932-35 годов. В наши дни в доме № 998 по этой улице офис его сына - Святослава Канонникова, вице-председателя Ассоциации русских и русскоязычных жителей Парагвая.

Сын известного русского полярника, участника первых рейсов ледокола "Ермак" **Георгий Экштейн - Александр фон Экштейн-Дмитриев**, барон фон Унгери-Штернберг, лейтенанты, братья **Лев** и **Игорь Оранжеревы**, капитаны **Б.Дедов**, **Касьянов**, **Ширкин**, майоры **Н.Чирков**, командир 9-го кавалерийского полка **Н.Корсаков**, командир артиллерийского полка полковник **А.Андреев**...

Князь Туманов пишет в своем письме о русских героях той войны: "Один из них уже отблагодарил приютившую его страну, пожертвовав за нее своею жизнью. 28-го сентября, при штурме форта Бокерон [в Чако], пал смертью храбрых батальонный командир пехотного полка Корралес, капитан парагвайской службы **Василий Федорович Орефьев-Серебряков**, бывший есаул Донского Казачьего Войска" (12 октября 1932 года, Асунсьон).

Краткая справка: **Василий Фёдорович Орефьев-Серебряков**, казак станицы Арчадинской, Усть-Медведицкого округа Войска Донского. Последний чин - есаул. После эвакуации жил в Югославии, с середины 20-х годов в Парагвае. По некоторым данным, последний чин - майор. Имя отважного казака увековечили улица "Офисьеро Серебряков" и город **Фортин-Серебряков** (форт Серебрякова).

Бюст команданте Малютина, служившего в чине лейтенанта (затем капитана), установлен в столице. Хорунжий (сотник) Кубанского казачьего Войска **Василий Павлович Малютин** был убит у Пасо-Фаворито 22 сентября 1933 года.

Донской казак **Н.Блинов** воевал в чине капитана. Память о нем - улица "Капитан Блинов" в Асунсьоне.

Дорога "имени Касьянова", "Мост Касьянова" и улица "Майор Касьянов" - память о ротмистре (майоре парагвайской службы) **Б.П.Касьянове**, погибшем под Сааведра 16 февраля 1933 года.

Улица "команданте Салазкин" названа в память ротмистра **С.С.Салазкина** - корниловца-текинца, погибшего осенью 1933 года, командуя полком. Про него написана пьеса "Майор Салазкин".

Заметим: с испанского *comandante* - командир, именно

майор, или как комендант. Возможно, что некоторые рассказчики делают произвольный перевод.

В прессе нередко пишут, что погибших русских офицеров было в Парагвае шестеро. Эти данные приведены в журнале "Часовой" в конце 1933 года - но война после этого ещё шла полгода. Другие данные дают по отчёту генерала Стогова за 1936 год ("Часовой", №№ 174,175). Сколько было погибших рядовых чинов из русских, знает один Господь.

К концу 1933 года начальником генштаба армии Парагвая Иваном Беляевым и его братом Николаем был создан "Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай". Центр его был в Париже, почётным председателем избран генерального штаба генерал-лейтенант Африкан Петрович Богаевский, Донской атаман. И, если бы не вскоре последовавшая смерть Атамана, кто знает, как бы далее развернулись те события...

"В марте 1934 года Беляев получил письмо от президента общества "Русская эмиграция в Африку" Федорова с просьбой оказать содействие выезду в Парагвай 1000 семей русских староверов и казаков, осевших в Литве. Сначала они намеревались выехать в Марокко, но, прочитав в журнале "Казак" манифест Беляева, призывающий к отъезду в Парагвай, решили попытать счастья на южноамериканской земле.

В апреле 1934 года из Марселя в Южную Америку отправился первый пароход с эмигрантами (около 100 человек). В письме к Беляеву председатель Колонизационного центра атаман Богаевский отмечал "уверенность казаков в покровительстве" Беляева и выражал надежду на "беспрепятственное продолжение начатого процесса" (Н.Гладышева, "Уголок России в Парагвае").

От этой казачьей группы в мае в редакции "Часового" были получены письма о прибытии: "На берегу стоял военный в форме прусского образца, в генеральских лампасах - ген. Беляев... Место нашей станицы в 10 км. от г. Энкарнасьона... Как здесь всё своеобразно, как не похоже на Европейское..." - и далее перечисление цен (всё дешево), бытовые зарисовки, о лошадях и служебных пайках (кило мяса на человека в день) и т.д.

Последующие партии, по несколько сот человек, прибывали периодически. К примеру, из Люксембурга выехала группа чинов РОВС, около 40 человек с семьями. "Часовой" (№135-136) сообщает: "В Парагвай! 14 сентября группа Корниловского военного училища и чинов РОВС в гор. Вилье отбыла через Париж в Парагвай. Люксембургское правительство пошло навстречу желанию группы, выдало им проездные деньги и вещи для устройства на новом месте вплоть до палаток и охотничьих ружей. Перед отъездом из Парижа, в Галлиполийской церкви был отслужен молебен... Командир Корниловского полка благословил начальника группы полк. Керманова иконой".

"Европа не оправдала наших надежд. Парагвай - страна будущего" - под таким девизом стала выходить двухнедельная русскоязычная газета "Парагуай".

Закончившаяся в августе 1935 года война унесла жизни 40 тысяч парагвайцев. Боливийцев погибло на порядок больше.

Армия Парагвая отстояла свои границы. Участие Белых воинов в Чакской войне

весомо: начальники штабов, командиры дивизии, дюжина командиров полков, командиры батареи, батальонов, ротных и прочих подразделений... Такого вклада русского офицерства в оборону чужой страны, ставшей второй Родиной, не знала ни одна страна в мире (хотя казаки так ни разу и не участвовали в лихих конных атаках).

"Парагвай предстал перед нами незаслуженно гонимым, ведшим справедливую войну". Армию Парагвая к началу боевых действий фактически пришлось создавать с нуля. Если к началу 30-х годов парагвайцы имели лишь малочисленные военизированные дружины, то к концу войны русскими офицерами была создана 50-тысячная регулярная армия и военный флот. Врачи, артиллерийские техники и специалисты, картографы, ветеринары... Ремонтные мастерские и лаборатории по взрывчатому веществу, инструменты по всем видам вооружения, специалисты по изготвлению авиабомб...

Только самолёты закупались во Франции (кстати, белогвардейцы отменили красные звёзды в парагвайской авиации, как опознавательный знак).

На этом кладбище лежат казаки, погибшие в боях за Парагвай

Великолепная подготовка училищ, корпусов, школ, академий, курсов генштаба и гражданских заведений Российской Империи, плюс большой военный опыт и учёба в эмиграции дали блестящие результаты - хотя боливийская армия абсолютно доминировала в военной технике.

Парагвайские солдаты даже маршировали под переведённые русские строевые песни. Магазиновая винтовка парагвайского "Маузера", образца 1907 года, на плече, босые ноги... Экзотика переплеталась с реальностью. Есаул Серебряков служил в полку, имевшем название "Кораллы", другие полки именовались "Мопо negro" - "Чёрная Обезьяна", "Hormiga muerta" - "Мёртвый Муравей" ("Дохлый Муравей" - ормига муэрта, шутили русские), и т.п.

Князь Я.К.Туманов писал: *"Парагвайское Правительство и народ высоко ценят самоотвержение русских и их участие в защите страны. Признание заслуг русской колонии выявилось в декретах Правительства, согласно которым русские Генерал-майоры Эрн и Беляев зачислены в ряды Парагвайской Армии чинами Генерал-лейтенантов "гонорис-кауза" [почётное звание - А.А.], со всеми правами и привилегиями парагвайских генералов". О мужестве русских офицеров в боях, мнение парагвайцев - единодушно-восторженное. Геройская смерть капитана (есаула) Орефьева отмечена глубоко сочувственными статьями местной прессы"*. Сам князь, капитан 1-го ранга, к 1936 году имел чин морского капитана парагвайской службы. Позднее он стал Председателем Парагвайского отделения РОВСа.

После смерти Почётного Гражданина Парагвая Беляева был объявлен Национальный траур. Отпевание генерала состоялось в столичном русском Свято-Покровском храме в присутствии многочисленных высших чинов и русских эмигрантов. У церкви стояли индейцы и пели "Отче

наш", как их научил Иван Тимофеевич.

Индейцы гуарани (клан "Тигров чимакоки") провозгласили его своим вождём. Они *"несли почетный караул два дня, а когда гроб с телом Беляева на военном корабле был вывезен на остров посреди реки Парагвай, избранный им местом последнего упокоения, когда отгремел военный салют и отзвучали надгробные речи, индейцы отстранили белых. В хижине, где их вождь учил детей, они долго пели над ним свои надгробные песни. После похорон сплели над могилой шалаши, посадили вокруг кусты роз"* (Н.Гладышева). У меня в старых черновиках нашлась еще выписка: *"После его смерти, индейцы выпросили тело к себе, устроили вокруг могилы деревянный тын, объявили табу и зачислили в бога своего племени..."*

На могиле героя, "без холма" выложена надпись: *"Здесь лежит Беляев"*.

Памятник русским воинам стоит на перекрёстке у площади "Federacion Rusa".

В послевоенные русская эмиграция поднимала экономику страны, культуру, науку. Целый ряд кафедр столичного Университета возглавляли русские. В Асунсьоне имеется улица "Profesor Sispanov" - но это уже другая тема.

Остается отметить, что новый прилив русской эмиграции пришёлся на 2-ю мировую войну и на период после 1949 года, когда из Китая хлынула волна русских эмигрантов.

В 1989 году потомок казаков Николай Ермаков основал ассоциацию русских эмигрантов и их потомков в Парагвае, которая носит название "Ассоциация АРИДЕП".

А. Азаренков

Благодарю за помощь в подготовке статьи К.А. Азаренкова (Малага, Испания). Материалы по теме см. также в сборнике "Русская армия в изгнании" (С.В. Волков, 2003 г.).

Неизвестные страницы биографии Г. фон Паннвица

Каких только обвинений не предъявляют наследники сталинско-брежневских фальсификаторов истории генералу Гельмуту фон Паннвицу! Среди них - "преступления" при участии в штурме Брестской крепости.

Начнем с того, что Г. фон Паннвиц никогда не был нацистом и не состоял в национал-социалистической рабочей партии. Совсем наоборот - он был противником идей расового превосходства и был известен либеральными русофильскими, казакофильскими взглядами. Он всегда был сторонником восстановления монархии в Германии.

Как германский офицер, он исполнял долг перед своим государством. На 22 июня 1941 года фон Паннвиц командовал конным разведбатальоном 45-й пехотной дивизии Вермахта, штурмовавшей Брестскую крепость.

Как следует из документов, в 4-00 утра солдаты фон Паннвица переправились вплавь на лошадях через реку Буг на остров Пограничный Тереспольского укрепления Брестской крепости. В ходе внезапной атаки кавалеристами еще кайзеровской школы был частично вырублен, а частично пленен личный состав... **132-го отдельного конвойного особого батальона войск НКВД!**

Такие батальоны предназначались для конвоя осужденных в лагеря и тюрьмы, для участия в карательных операциях. То есть это были самые что ни на есть настоящие тюремные вертухаи! Уничтоженный батальон НКВД, в частности, "прославился" зверствами при проведении коллективизации и искусственного голодомора на Дону и Кубани, подавлял восстания казаков, участвовал в конвоировании и массовых расстрелах польских офицеров в Катыни и Старобельске.

Но что же делал 132-й отдельный конвойный особый батальон войск НКВД всего в нескольких десятках метрах от границы? Его бойцы следили за выполнением приказа Сталина *"на провокации не поддаваться и огня не открывать"*. Они расстреливали командиров и бойцов РККА, которые перед нападением гитлеровской Германия пытались привести своё оружие в боевую готовность и занять оборону в фортах Брестской крепости! В результате не были приведены в боевую готовность танки 2-й танковой советской дивизии, оказались без снарядов тяжёлые артиллерийские батареи крепости, а солдаты и офицеры - без автоматов и винтовок. Все боеприпасы так и остались лежать на складах.

Из-за этого в первые 30 минут боя была уничтожена артиллерия и все танки Брестской крепости - не сделав по врагу ни одного выстрела! Многие из них были захваче-

ны немецкими солдатами неповрежденными.

В случае начала войны 132-й особый батальон НКВД должен был выполнять ещё и роль заградотряда, "подбадривая" красноармейцев пулеметными очередями в спину.

Теперь понятно, что за **особо тяжёлое преступление** совершил генерал фон Паннвиц перед товарищами Сталиным и Берией, порубав сотрудников НКВД из числа тюремных конвойщиков, вертухаев и заградотрядчиков! Отсюда - их яростная ненависть к будущему казачьему атаману.

Особо отметим, что по окончании того боя фон Паннвиц запретил своим подчиненным расстреливать военнопленных солдат и офицеров, нарушив приказ Гитлера о расстреле на месте всех комиссаров, евреев и сотрудников НКВД. В результате многие из военнопленных красноармейцев РККА и бойцов НКВД (при участии фон Паннвица) были зачислены в качестве добровольных помощников (т.н. "хиви") в состав 45-й пехотной дивизии Вермахта.

Командование 34-й дивизии Вермахта, тоже штурмовавшей Брест, поступило также. И уже осенью 1941 года эта пехотная дивизия состояла на 40% из бывших советских военнопленных. А 45-я пехотная дивизия Вермахта - на 17%...

Героическая оборона Брестской крепости почти безоружными красноармейцами стала достоянием Российской истории. Но до сих пор наследники тюремных вертухаев из числа нынешних историков замалчивают причины этой и других подобных трагедий. Почему участники обороны Брестской крепости оказались 22 июня 1941 года практически безоружными, по чьей вине? Разве виноват в этом аристократ и германский офицер Г. фон Паннвиц?..

ветеран ВОВ, инвалид 2-й группы Гицевич Л.А.
ветеран ВОВ, инвалид 2-й группы, подполковник
Ульянин Ю.А., член Союза журналистов России

“Батько фон Паннвиц” Сербской Православной армией Драже Михайловича, которая вела войну одно-

временно против немцев и коммунистов. В нем оговаривалась возможность создания на сербских землях монархического Сербского государства, а в дальнейшем и содействие в восстановлении монархии в России!

Гельмут фон Паннвиц - потомок древнейшего Королевского рода Меровингов, давшего первых Христианских монархов Франции и Германии. По преданию, Меровинги происходили от древнееврейского колена Вениаминова и родственников Девы Марии. В Германии и Галлии они породнились с Царскими родами Сикамбров (франки) и Урсусов (западные славяне). Позднее известные родственные связи потомков Меровингов и династии Романовых.

В свое время “Станица, рассказывая” о жизни будущего Атамана, подчеркивала, что его детские годы прошли в Восточной Пруссии, на самой границе с Российской Империей. Русские и казаки никогда не были для него чем-то совсем неизвестным и пугающим. И потому ни в коей мере нельзя полагать (особенно зная некоторые малоизвестные обстоятельства его биографии), что в годы войны он как бы “случайно” оказался во главе подразделений казаков!

С 1920 по 1933 год фон Паннвиц служил в Вильно управляющим именными крупного польского магната князя Радзивилла. Здесь он постоянно и тесно общался не только с оставшими немецкими офицерами, аристократами и монархистами, но и, что важно, с русскими белоэмигрантами. Они не оставляли намерений взять реванш за поражение на первом этапе гражданской войны. Многие были настроены прогермански, видя в Германии возможного союзника в освобождении России от большевизма. А среди немецких друзей фон Паннвица - будущие абверовцы (военная разведка) и те, кто формировал буквально с самого начала войны с СССР первые подразделения русских добровольцев.

Очень интересно, что в те годы фон Паннвиц совершил несколько поездок в СССР - достоверно известно, что там он встречался с рядом довольно известных военных деятелей страны. Например, во время поездки в 1925 году - с преподававшим в Москве на курсах комсостава “Выстрел” бывшим белым генералом Я. Славовым; с будущим советским маршалом М. Тухачевским - и даже с известным советским разведчиком Я. Берзиным, будущим зам. начальника Разведуправления РККА (!). Об этом рассказал, в частности, в изданных в Германии в 1962 году мемуарах нач. штаба Бундесвера генерал-лейтенант Ганс Шпейдель - участник заговора против Гитлера и друг фон Паннвица.

Разумеется, это все не было случайным совпадением! Уже в те годы фон Паннвиц был членом тайного Ордена Прусских Иоаннитов - христианской монархической организации, а его формальный “работодатель” Янош Радзивилл контактировал с целым рядом европейских разведок.

В годы 2-й мировой войны фон Паннвиц - региональный магистр Ордена Прусских Иоаннитов и рыцарь Мальтийского ордена, в котором состояло большинство участников заговора против Гитлера из группы “Крейслау”. Именно при содействии мальтийских рыцарей - фон Штауфенберга и фон Безелагера - в 1943 году было получено разрешение Гитлера на формирование в составе Вермахта Казачьей дивизии (со включением бывших советских военнопленных).

Участники заговора, после уничтожения всей верхушки 3-го Рейха, рассчитывали использовать казаков и формирования РОА генерала А.А.Власова для изменения режима в Германии. После заключения мира с англо-американцами они хотели перевести захватническую войну на уничтожение России, которую вел Гитлер, в войну освободительную, с целью создать новую Россию без коммунистов.

Кстати, еще в 1943 году участники первого заговора против Гитлера (планировавшие застрелить его в штабе группы армий “Центр” в Смоленске) заручились поддержкой своих действий со стороны первого казачьего полка!

В 1943 году Казачью дивизию перебросили в Югославию - бороться с партизанами хорвата Иосифа Броз Тито. Здесь по заданию группы “Крейслау” фон Паннвиц заключил тайный союз с партизанской Монархической

Сербской Православной армией Драже Михайловича, которая вела войну одно-

временно против немцев и коммунистов. В нем оговаривалась возможность создания на сербских землях монархического Сербского государства, а в дальнейшем и содействие в восстановлении монархии в России!

После казни в июле 1944 года участников антигитлеровского заговора Гестапо просто боялось арестовывать фон Паннвица, справедливо опасаясь бунта Казачьего корпуса. По приказу Гитлера корпус передали в состав СС и личное ведение Гимmlера, чтобы хоть как-то контролировать генерала-аристократа со славянской кровью. Однако фон Паннвиц приказ о присвоении ему звания группенфюрера СС не признал и отказался вступить в национал-социалистическую партию, заявив, что продолжает считать себя генералом Германской армии и христианином. Он запретил казакам носить знаки различия войск СС, а сам стал демонстративно надевать казачью папаху и русскую шинель.

Фон Паннвиц официально восстановил в своем корпусе институт Православного военного духовенства; по некоторым свидетельствам, даже сам принял Православие. Им был усыновлен мальчик-сирота - Борис Набоков. Казаки избрали его Походным атаманом всех Казачьих войск.

Среди казаков фон Паннвиц укрывал от Гестапо офицеров - участников в заговора против Гитлера (мы рассказывали о командире терцев капитане фон Мосснере, отец которого, генерал, был убит в Бухенвальде). Атаманом был отдан приказ расстреливать гестаповцев, если те посмеют появиться в расположении дивизии до ареста этих офицеров. В ответ Гимmlер за глаза стал называть фон Паннвица “свиньей” и онемеченным “жидо-славянином”.

Часть снаряжения и оружия, которые удалось вырвать у снабженцев Гимmlера, фон Паннвиц приказал передать армии Драже Михайловича. Как раз в то время, когда под давлением Сталина англичане перестали снабжать оружием сербов-монархистов и помогали лишь Тито.

В мае 1945 года казаки фон Паннвица и 150-тысячная Сербская армия Драже Михайловича сдались англичанам, обещавшим принять казаков на Королевскую службу. В присутствии английского командования фон Паннвиц принял последний парад казачьих частей, священники отслужили торжественный молебен, и казаки сложили оружие.

В мае-июне англичане выдали 150 тысяч сербов-монархистов режиму Тито. Практически все они были уничтожены.

По настоянию английской разведки, фон Паннвицу предложили политическое убежище в Англии. Но атаман решил добровольно ехать в СССР. После долгих уговоров о сотрудничестве англичане передали его органам СМЕРШ.

На Лубянке фон Паннвиц отказался выдавать международные связи ордена Прусских Иоаннитов и Мальтийского ордена, публично “каяться” и признавать советскую власть, несмотря на жестокие пытки. В отместку малограмотные следователи НКВД состряпали шитые “белыми нитками” протоколы, где фон Паннвиц якобы признавался, что по его приказу казаки сжигали сербские деревни в Хорватии, поголовно насилуя сербских женщин. На самом деле прекрасно известно, что сербское население уничтожалось усташами - хорватскими католиками-националистами Антэ Павелича. И как раз титовцы ничего не делали, чтобы спасти православных сербов!

На закрытом “суде” фон Паннвиц потребовал открытого процесса и вызова свидетелей из Югославии. Но исход “суда” был предрешен задолго до его начала.

Перед смертью атаманы просили священника для исповеди и причастия. По рассказам участника казни, некоторые палачи со смехом спустили штаны, достали половые органы и глумились: “Вот Вам причастие и отпущение грехов, мы вам за Бога и священника, а ну кайтесь скорее, а то скоро задубеете!” Шкуро плюнул в лицо одному из палачей.

Чекисты повесили атаманов на незатягивающихся веревочных петлях, смерть в которых наступает лишь через несколько часов мучений. Так же, кстати, как гестаповцы участников покушения на Гитлера...

Я. Б.

Музей в Лиенце

Австрийская газета “Тиролер Тагесцайтунг” сообщила 15 декабря 2005 г.: “При материальной поддержке “Фонда будущего” Лиенц скоро получит свой собственный “Музей казачества”, который должен напоминать о трагедии на Драве”. Пообещавшая добиться этого национальный советник Хельга Махне предположила, что на создание этого музея в Лиенце могут быть направлены около 20 млн. евро: “Казаки являются неотъемлемой частью нашей истории. Подобный музей соответствовал бы ожиданиям целевых представителей казачьего народа, ежегодно приезжающих в Лиенц почтить память своих соплеменников и предков”.

Жизнь казачки

Моя мама, Мария Петровна Емельянова (урождённая Свиная), умерла 18 марта 1993 года. Она была сестрой последнего дореволюционного атамана Усть-Белокалитвенской станицы - Свиная Фёдора Петровича, и дочерью последнего атамана хутора Богатова - Свиная Петра Николаевича.

Родилась мама в хуторе Богатове тогдашней Екатеринославской станицы 1-го Донского округа - в начале лета 1917 года, в самый канун гражданской. Но только летом следующего года, когда на наших землях разгромили банды каменского портного - "фальшивомонетчика" Ефима Щаденко, польского еврея Романовского, вытеснив к Царицыну свору "шелонников", старший брат матери Алексей "сбежал" на коне в станицу зарегистрировать рождение. Кто напутал: 14-летний брат или батюшка, но дату рождения записали днём регистрации - 3 августа 1918 года.

Ещё не было и годика маленькой Машеньке, как убили её родного брата Фёдора. Много знал станичный атаман о бандитах, ставших к тому времени красногвардейцами, сам их вылавливал. Разбойники отомстили. Ещё через год где-то на Верхнем Дону умер от тифа другой её брат по отцу - шестнадцатилетний Григорий: возил патроны казакам вместе со сводным братом Алексеем. Братьев опознали как кичёвские казаки. Одного похоронили там же, другого, чуть живого в тифу, привезли в хутор.

Трёхлетней девочкой она лишилась отца, которого зверски казнили пьяные хуторские активисты: живому отрубили уши, нос, разрубили рот, штыком выкололи глаза. А перед этим пытали: привязав к кровати сетке, подносили под живот горящие головни. "Вина" его была в том, что выбрали его хуторским атаманом, что у него пятеро сыновей - четверо из них воевали на Германской, трое потом на стороне белых, двое других к тому времени были уже на том свете, трое из них были казачими офицерами. И ещё виноват он был в том, что по поручению общества купил церковь и перенёс её в хутор.

Сразу после казни жена Петра Николаевича забрала трёхлетнюю дочку и двух сыновей от первого брака, Алексея и Александра, а также к тому времени ещё живую свекровь, и ушла в полуразвалившуюся землянку, что до сих пор стоит на подворье родителей её первого мужа. Там у обрыва на берегу Дона прошло всё детство и юность казачки. Всю жизнь им приходилось отрешиваться от Свиная, чтобы не прошелся по ним "карающий меч" разбойников, захвативших власть.

Молчали в семье и про отца, и про пятерых братьев Свиная. Об их существовании я узнал случайно, то ли в пятом, то ли в шестом классе, когда об этом проболтался, будучи навеселе, строжайший и добрейший в душе наш директор Голицын Георгий Михайлович, учивший ещё мою маму. Как-то он застал меня в кабинет и, взяв в пятерню мою стриженую голову, сказал:

- Ты, Виктор, весь пошел в своего дядю...

Дома ахнула, однако все-таки вынуждены были частично удовлетворить моё любопытство.

А необходимость скрывать от несмыслёныша некоторые факты из жизни предков была! Как-то после зимних каникул в 1-ом классе учительница спросила, кто и что читал на каникулах? Когда дошла очередь до меня, то я гордо сообщил:

- Библию!

Учительница ахнула. Мама училась в Новочеркасске на курсах геодезистов. Когда она приехала на каникулы, её срочно направили в станицу для выволочки из-за несоветского воспитания сына. Большую часть вина возложили на бабушку, а маме по записочке продали в козиге три тогда чрезвычайно дефицитные детские книжки: "Кавказский пленник" Л. Толстого, про Ваньку Жукова Чехова и "Тараканище" Чуковского.

Спустя более полувека учительница рассказывала об этом в юмористических тонах, но тогда маме было не до смеха!..

После революции замерла хуторская жизнь. Где-то гремел НЭП, тут же методично уничтожали казаков - особенно тех, кто служил в Добровольческой и Донской армиях. А служили там все наши казаки. Байки это большевирской пропаганды, что были белые и красные казаки. Была лишь мизерная часть предателей со своими жожаками, изменив-

шими присяге. Их использовали, а потом ликвидировали. И потом за время существования своей власти большевики тщетно пытались изготовить "красное казачество".

Оставшиеся вдовы, старики и старухи собирались долгими зимними вечерами, вспоминали прошлые времена, своих детей, мужей и братьев, убитых и разогнанных по всему белу свету. Говорили шёпотом, свет не зажигали: под окнами тогда ходили "слухачи" - подростки, прикормленные бесовской властью. Потом читали Библию. Для этого накрывали стол двумя сшитыми одеялами и под столом в компании с чадающей коптилкой сидела десятилетняя Маша и вполголоса читала собравшимся "Откровения Иоанна Богослова". Пытались предугадать, когда же случится Апокалипсис и скоро ли будет конец бесовской власти?

Спустя несколько лет старик - владелец большой Библии в коричневом переплёте из телячьей кожи - подарил её маме. Она до последнего времени была у нас. Недавно я отдал её тем, кто больше нуждается в ней. Как же доставалось мне за нее в школе. Узнав, что у нас Библия, бабушку объявили "колдовкой чёрной и белой магии", маму таскали в школу, а меня подговаривали сжечь книгу. В мелкой травле участвовали учительница и переростки-комсомольцы, учившиеся со мной в одном классе. В результате я наотрез отказался от красного галстука и не вступил в комсомол.

Теперь наше поколение, не жившее на Дону в те годы, не верит в то, что здесь творилось. Ещё много лет после гражданской войны казаков уничтожали: сначала не таясь, потом более изощренно. Во время коллективизации в одну только ночь забрали из маминой малой родины - небольшого хуторка Богатова - сразу 34 молодых казака, не желавших вступать в колхоз. Но брали в тот год и до, и после.

Тяжелые тучи клубились над нашей семьёй. Бандиты, которых сажал в 1916 году Фёдор Свиная, стали теперь большими людьми: генералами, полковниками, станичными активистами, почётными "партизанами", и очень не хотели, чтобы кто-то знал их уголовное прошлое!

Где-то в 1929 году был отправлен на Соловки старший брат мамы Николай - нижних чинов казак, вернувшийся недавно из эмиграции. Чуть позже посадили в шахтинское ОГПУ предпоследнего, Илью, хотя в 1920 году он был какое-то время командиром эскадрона у красных. Известные в станице врачи заступились за него, вызволив из шахтинских застенков, и он тут же уехал с одним чемоданчиком в Азербайджан, едва избежав повторного ареста. Уже поднимался по ступенькам на "верьха" наряд с винтовками, когда Илья открыл окно, перелез на "ходы" и спрыгнул вниз.

Этот эпизод, как и рассказ о пытках деда горящими головнями, я знал с детства. Не обошла чёрная судьба и третьего брата, Льва, тогда уже партийного. И ему пришлось уехать на Кавказ. Через два года, обосновавшись в Баку, приехал он в Усть-Белокалитвенскую и тайно забрал жену и дочь.

В коллективизацию забрали бабушку и посадили в "выход" - подвал в земле. Три дня и две ночи отсидела там пожилая женщина, но идти в колхоз отказалась. Пьяные активисты стреляли в погреб из нагана, женщина прижималась в угол и творила молитвы. Дочь плакала снаружи.

Вообще палку коллективизации в хуторе перегибали так сильно, что в это дело даже вынужден был вмешаться проживающий в Ростове поэт Демьян Бедный, посвятивший осатаневшим хуторским активистам стихок, в котором сильно задел одного из них, Захарку Алпатёва.

Свиная голод 1921 года мама не помнит. По хутору тогда шастали продотрядовцы, выгребали всё подчистую. Зимой по хуторам разразилось людоедство. Не было зерна, да и некому и не на чем было пахать. Семья голод пережила благодаря отцу, который перед приходом оккупантов закопал зерно. А вот уже голод 1933 года помнила до мельчайших подробностей.

Брат Алексей, возвращаясь поздним вечером с рыбалки, увидел, как хуторской активист закапывал на своём гумне два мешка с реквизированным зерном. Отбирали у казаков всё до зёрнышка, изымая даже простейшие "мельницы" - два круглых камня, положенных друг на друга, а владельцев в ссылку, с пометкой - "имел мельницу". Пользоваться ступками было нельзя: стук её был слышен с улицы.

Люди, прячась, варили немолотое зерно. Так активисты бегали по отхожим местам, всматриваясь, нет ли в испражнениях пшеничных зёрен? Мама вспоминала, как она брала совок и шла за полкилометра в когда-то свой «свинарёвский» сад, что на берегу Дона сразу за Коротеньким Ярком. Там копала ямочку... Так делали и остальные: желудок не переваривает оболочки нерастёртых зёрен.

Для «своих» же были хлебные пайки. Семья того активиста не голодала, а мешки с зерном они не разыскивали по другой причине - боялись огласки. Но бабушка все равно всю жизнь считала воровство сына большим грехом.

В те времена часто устраивали обыски. К шмону привлекали и честных людей, попробуй откажись! Искали зерно, прикапывали всё, на что падали взгляды. Бабушку в хуторе уважали за честность и полное неприятие новой власти. Однажды, когда заканчивали у неё обыск, подзадержался один «привлечённый» и шепнул, что скоро будет ещё обыск с участием станичного уполномоченного - мол, зерно, зашитое в матрац, нужно перепрятать. Мама помнила, как они распарывали матрац и между слоями ваты помещали плоские простёгнутые мешочки-карманы с пшеницей...

Помнила мама, как шла осенним утром в школу и видела сбок дороги умирающего от голода. Возвращаясь домой, в потёмках споткнулась о какой-то мешок. Ощупала и ужаснулась: мёртвый человек! Шесть километров до дома бежала без остановки: ей казалось, что мертвец преследует её. Зимой мама квартировала у дяди Пети, родного брата бабушки. Он был бездетен и жил со своей женой Марфой как раз напротив вокзала. Весной 34-го года среди ночи услышала на хозяйской половине стук, грохот сапог, матерщину, завывание тётки: забрали Петра. Так никто и не знает, где он. Рассказывали, что кто-то из казаков, служивших с ним, волею судеб был заброшен на западном пароходе перед самой войной на какой-то полярный остров и, якобы, видел Петра, прикованного к тачке: казак грузил уголь на их пароход. Приковывали, как объясняли потом, с чисто хозяйственным умыслом, чтобы не уронил дефицитную на севере тачку в воду. «Самая гуманная в мире власть» имела самых настоящих рабов. Рассказал об этом казак, пришедший на родину в 1942 году вместе с немцами.

У маминой матери, т.е. у моей бабушки, было восемь братьев. И все, за исключением двух рано умерших, воевали на Германской, а потом у белых. Были расстреляны, посланы, разогнаны не только братья, но и их дети. Истории некоторых из них пострашнее этой - например, побег из бахмутовского концлагеря её двоюродного брата Ивана Фроловича.

Училась мама в станице, ходила в школу за 12 км. Однажды её исключили, как дочь врага народа. Было у большевиков и такое поветрие - не давать детям своих классовых врагов и среднего образования. А мы расписываем ужасы фашизма: это Гитлер, мол, считал, что русским достаточно начального образования!.. Дважды мама и сама бросала школу - нужно было нянчить детей старшего брата.

В 1936 году по окончании 9-летки маму рекомендовали учительницей начальных классов: в районе не хватало учителей. От греха подальше специально послали в чужой Каменский район. Три месяца учила детей в Нижнеясеневском. Ближе к зиме вызвали её к директору. В кабинете сидел незнакомый в военной форме, весь затянутый в ремни.

- Мария Петровна, вы из каких Свинарёвых будете? Не из Богатовских?.. Такая не имеет права учить нашу молодежь!

В тот же день ей дали расчёт, а на следующий к вечеру она была в родном хуторе. Бабушка ахнула, но и обрадовалась: приходили сваты из Бугураева. Через месяц её просватали за моего отца. Началась совсем другая жизнь.

Палачи её отца - отец и сын Сухорученко и пьяница из казаков станицы Усть-Белокалитвенской, некто Агуреев - жили в Богатове до самой коллективизации. Быть хуторским активистом тогда значило, среди прочих благ, иметь бесплатное зерно и другие продукты, отобранные у казаков. После коллективизации старший убийца сдох от пьянки, младший счел за благо перебраться в другой хутор (тогда многие так делали: натворят кровавых дел и в другое место). Детей у него не было, и они с женой взяли приёмьша.

В 1950 году мы переехали на очередную квартиру. Через узенький проулок - заросший двор с флигелем и большим фундаментом куреня. Дом в Гражданскую сожгли красные, а во флигеле жили погорельцы до самой коллективи-

зации. Потом ставшую полунищей казачью семью раскулачили, памятуя, что они до революции жили зажиточно и имели курень под железом, а флигель отдали переехавшим. Бездельники из активистов повсеместно перебирались из землянок в просторные курени. В войну палача забрали полицейские, и к моменту нашего переезда там жили его жена и приёмный сын. По старой привычке, эта семья не обременяла себя хозяйством, двор зарос, а у них круглый год играли под деньги в карты и лото.

...Летом 1942 года немцы сомкнули клещи в районе Морозовской. Активистам района было предписано без приказа не эвакуироваться, «не создавать преждевременно панику». Задним числом большевизкий офицер объяснял, что их оставили на подпольную работу, да нашелся, мол, предатель... Какое подполье, если их знали по кровавым делам во всей округе? Пытаясь вымолить жизнь, они сдавали своих.

При немцах полицейские часто наведовались к палачу в дом: у хозяина не переводилась самогонка из зерна сгоревшего эшелона. В один из вечеров, когда он провозжал подвыпивших стражей нового порядка, вслед выскочил приёмьш и окликнул отца, видимо, решив, что тот уходит надолго:

- Папа, а що мы будемо робити з пулемётом?

- Каким пулемётом? - протрезвели полицейские.

- Та що батько в клуне пид яслями заховав!..

Забрали и батька, и его пулемёт. Возможно, сверились казачи со списками, подлежащих аресту. Его искали в другом хуторе, а то бы давно арестовали. Жизнь его закончилась в одном из заброшенных шурфов озле Александровска-Грушевского (теперь г. Шахты).

Спустя 10 лет его жена, увидев в соседях женщину, которую её муж сделал вдовой в 1920 году, начала вести допросы. Бабушка и мама переполошились, зная, с какой лёгкостью власти могут посадить, и всячески отнекивались. А та напирала - мол, это вы моего мужа выдали!

Тогда я в очередной раз выслушал бабушкино кредо жизни:

- Молчи, Витюшка, а то посадят.

Мама и бабушка считали, что я могу сказать что-то опасное. К счастью, через год мы уехали в станицу. Мальчик же, невольно выдавший своего отца, жив до сих пор.

Последнюю порцию травли мама получила уже в перестройку, в 1986 году. Мы с ней въехали по обмену в очередную за мою жизнь квартиру. Напротив жил отставной энкеведешник, бывший начальник районной милиции Синицын. Его жена была учительницей, яркой безбожницей, «обессмертившей» себя разгромом станичной церкви в хрущёвские времена. Это она, привлекая к этому учеников, жгла иконы и церковную утварь разгромленного храма.

К моменту нашего переезда эта пара, натасканная в далекое комсомольское время на уничтожение казаков, узнала, что мама сестра атамана. Началась долгая травля больного человека. Маме вменялось в вину вывешенное на балконе бельё и другие мелочи. Она приходила со двора, где под тополями за столиком отдыхали все старушки, с трясущими руками и просила меня разменяться квартирами, уехать отсюда.

В милицию пошла состряпанная отставным юристом бумага, обвинявшая меня в побоях старухи - жилицы квартиры под нами. Соседи, видя травлю, тоже написали в милицию, охарактеризовав эту старуху, как кляззную женщину. Подписалось 18 квартир из 23-х. Но мама, и без того больная почти 20 лет диабетом, слегла от волнений и угроз.

Одновременно с этими делами усилили нажим и на моей работе. В результате травли и у меня обострился диабет. Маме не говорил, чтобы не расстраивать её ещё больше. Уезжать было некуда, они были везде, растворены среди людей, как поваренная соль в океане.

На работе мне громогласно предлагали уехать туда, откуда я приехал. А это моя родина. Здесь я родился и вырос, сюда вернулся после 12 лет вынужденного отсутствия. Эту землю защищали мои предки. На кладбищах окружающих станицу хуторов и самой Усть-Белокалитвенской лежат мои и мамины деды, прадеды и пращурь. Убираться отсюда мне предлагали приехавшие сюда иногородние с повадками оккупантов!..

Через две недели после смерти мамы пришло письмо с пугающим обратным адресом. Городская прокуратура убеждала, что в смерти её никто не виноват. Так ли это?..

В. Карнов

Редакция "Станицы", откликаясь на просьбы читателей, возобновляет рубрику "Казачий архив", в которой с минимальными комментариями будет представлять различные малоизвестные или прежде совсем недоступные документы, освещающие нашу историю. Ведущий рубрики - Александр Азаренков - предлагает откликнуться всем, кто располагает уникальными архивными материалами, в том числе и из личных архивов. Сведения можно присылать также по адресу sirbone@ Rambler.ru.

Доброе имя Атамана

Официальная переписка П.Н.Краснова с императором Германии Вильгельмом II представляет собой интереснейшую страницу биографии Донского Атамана, коего авторы "Казачьего Словаря-справочника" справедливо именуют "эластичным дипломатом и гибким политиком" - а враги всегда обвиняли в беззащитной изворотливости.

"Мыслимо ли устанавливать союзнические отношения с кайзером, запустившим бациллу большевизма в Россию?" - подобного рода нарекания довлеют над светлой памятью атамана-мученика и по сию пору...

Петр Николаевич никогда не искал почестей и наград. Смолodu - только подвиги и приключений. Нашёл в изытке! При том казачью и офицерскую честь, **доброе имя** своего старинного рода ставил он выше личной славы и признания.

Не искал он и Атаманской булавы - она сама нашла его в жестокую весеннюю струю 1918 года, когда решался вопрос: быть или не быть казачеству? Генерал Краснов не колебался - благо и жизнь родного народа поставив выше личных амбиций, **выше доброго имени своего!**

"Общее собрание членов временного Донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей в заседании 28 апреля (...) в Новочеркасске, признавая число присутствующих в настоящем собрании делегатов от войсковых частей и станиц, принявших участие в изгнании из Донской области советских войск, достаточным, постановило объявить настоящее собрание - **Кругом спасения Дона**... Всё лежало в Войске Донском в обломках и запустении... Церкви были поруганы, многие станицы разгромлены, и из 252 станиц Войска Донского только 10 были свободны от большевиков" - писал П.Н.Краснов в своей книге "Все великое Войско Донское".

Какой-то шанс спасти Войско был лишь при неременном условии: **срочно вписаться в сложившийся геополитический контекст**. И 1-м номером в повестке дня Круга спасения Дона стояло: "выяснение отношений к Дону (...) Украины и осведомление о целях вступления германских войск на территорию Донской области, а также твердо отстаивать существующие ныне границы области, её независимость и самобытность казачества".

29 апреля 1918 года Круг утвердил состав полномочного посольства, направленного в Киев Временным Донским правительством. Посольству предстояло ознакомиться с практическими результатами операции "Фауст-шлаг", разработанной Германским Генштабом и утверждённой Вильгельмом II 13 февраля. "Фаустшлаг" ("удар кулаком") имел целью "выйти на ближние подступы к Петрограду и Смоленску, а на Украине как можно дальше проникнуть вглубь страны".

18 февраля 1918 года германские войска, под общим командованием принца Леопольда Баварского, перешли в наступление по всему Восточному фронту. Выступая по радио, принц Леопольд сказал:

- Исторической задачей Германии издавна было: установить плотину против сил, угрожавших с Востока. Теперь с Востока угрожает новая опасность: **моральная инфекция**. Теперешняя большая Россия старается заразить своей болезнью все страны мира! Против этого мы должны бороться!..

Под "моральной инфекцией" принц подразумевал **оголтелый большевизм**. И знаменовало это словосочетанием собой глубокоую трещину, возникшую между двумя врагами России - Лениным и Вильгельмом II Гогенцоллерном.

Причина разрыва - разразившийся на рубеже 1918 года конфликт между петроградским СНК и киевской Центральной Радой. Берлин взял сторону Киева. И к апрелю 1918 года программа операции "Фаустшлаг" была реализована на все 100 % (а по Украине даже перевыполнена).

"Немцы прочно заняли Таганрог и Ростов, немецкая кавалерия занимала всю западную часть Донецкого округа, станицы Каменская и Усть-Белокалитвенская были заняты германскими гарнизонами. Немцы продвигались к Новочеркасску, и аванпосты баварской конницы стояли в 12 вер-

стах к югу от Новочеркасска..." - констатировал Атаман.

Такова была геополитическая реальность, с которой невозможно не считаться. И, надо отметить, в целом ряде случаев Белые силы Запада и Юга России сумели правильно воспользоваться подарком судьбы. Вот несколько примечательных цитат:

"В Херсоне немцами вооружена белая гвардия, которая дерётся на баррикадах" (Антонов-Овсеенко, 24.03.1918 г.).

"Ещё 25 апреля из станицы Усть-Хопёрской была послана в Вейши депутация просить оружия, но надежды на скорое получение было мало, поэтому я решил попытать счастья и достать его у немцев, по слухам, занимавших станицу Чертково. С этой задачей был послан подбесаул Грошев; миссия его увенчалась успехом и через несколько дней, а именно 7 мая, я получил первый транспорт оружия..." (А.В. Голубинцев, "Русская Вандея", Мюнхен, 1959 г.).

О том же пишет и сам Краснов: "Что касается станиц Донецкого округа, то немцы их заняли по приглашению самих казаков" ("Все великое Войско Донское").

Именно в этом контексте следует рассматривать письмо Атамана кайзеру Вильгельму. Впервые оно опубликовано в первом издании "Все великое войско Донское" (Архив Русской Революции, т.5, Берлин, 1922 г.). В редакционном примечании указано, что "текст взят из разосланного господином М.В.Родзянко письма, почему за точность выражений не ричаемся. Содержание же верно".

Дата письма в сборнике стоит 28 июня.

Ниже мы приводим этот документ, обнаруженный членом редколлегии "Станицы" А.Азаренковым в Государственном Архиве РФ в фондах бывшего Пражского Казачьего Архива (перевезён в СССР после 2-й мировой войны в Спецхран по ведомству НКВД). Папка, в которой было обнаружено письмо (фонд 102, опись 1, дело 20, листы 1, 1об, 2, 2об) - из фондов "Все великое войско Донское: канцелярия атамана 1917-1920 гг." Не с него ли был составлен список Родзянко?

Хранилось письмо, что примечательно, в документах калмыцкого отдела Войска Донского. Как предположил автор находки, потому оно и не стало известно историкам казачества ранее: "Если донцы более или менее часто заглядывают в архивы по своему войску и работают с документами, то калмыками в составе Донского, Астраханского и Терского войск мало кто интересуется".

Возможно, это черновик, т.к. в нем довольно много ошибок и опечаток. Есть также некоторая разница по текстам документа и его воспроизведения в берлинском издании (главное - при печати в 1922 году был исключен почти целый абзац с фамилиями представителей Войска).

К. Козубский

Письмо Донского Атамана Императору Вильгельму

Ваше Императорское и Королевское Величество. Податель сего письма, Атаман Зимовской станицы Все великого Войска Донского при Дворе Вашего Императорского Величества...

Герцог Лейхтенбергский и его товарищ Генерал-Майор Черячукин (А.В.Черячукин - в мае - июле 1918 года государственный посол Донской Республики на Украине - ред.), в Германии (июль-сентябрь 1918) уполномочены мною Донским Атаманом приветствовать Ваше Императорское Величество Могушественного Монарха Великой Германии и передать нижеследующее. Два месяца борьбы доблестных Донских казаков, которую они ведут за свободу своей родины с таким мужеством, с каким и недавнее время вели против Англичан родственные Герман-

скому народу Буры, увенчались на всех фронтах нашего Государства полной победой и ныне земли Всевеликого Войска Донского на 9/10 освобождены от диких красновардейских банд.

Государственный порядок внутри страны окреп и установилась полная законность. Благодаря дружеской помощи войск Вашего Императорского Величества создалась тишина и на Юге войска, и мною приготовлен корпус казаков для поддержания порядка внутри страны и воспрепятствования натиска врагов.

Молодому государственному организму, каковым в настоящее время является Донское Войско, трудно существовать одному и потому оно заключило тесный союз с главами Астраханского и Кубанского войск полковником князем Тундутовым и полковником Филимоновым с тем, чтобы по очищению земли от большевиков составить прочное государственное образование на началах федерации и Всевеликого войска Донского, Астраханского войска с Калмыками Ставропольской губернии, Кубанского войска, а впоследствии по мере освобождения и Терского войска, а также народов Северного Кавказа. Согласие всех этих держав имеется, и вновь образуемое государство в полном согласии с Всевеликим войском Донским решило не допускать до того, чтобы земли его стали ареной кровавых столкновений и обязались держать полный нейтралитет. Атаман Зимовой станицы нашей при Дворе Вашего Императорского Величества уполномочен мной просить Ваше Величество признать права Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения последних Кубанского, Астраханского и Терского войск Северного Кавказа, права на самостоятельное существование и всей федерации под именем Доно-Кавказского Союза.

Просить Ваше Императорское Величество признать границы Всевеликого войска Донского на прежних географических и этнографических его размерах, помочь разрешению спора между Украинской и Войском Донским из за Таганрога и его округов в пользу Войска Донского, которое владеет Таганрогским округом более 500 лет и для которого Таганрогский округ является частью Тьмутаракани, от которой и стало Войско Донское.

Просить Ваше Величество содействовать присоединению к войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии и города Воронежа станицы Лиски и Поворино и провести границы войска Донского, как это указано на карте имеющейся в Зимовой Станице.

Просить Ваше Величество оказать давление на советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого Войска Донского и других держав, имеющих войти в Доно-Кавказский Союз, от разбойничьих отрядов красной гвардии и дать возможность восстановить нормальные мирные отношения между Москвой и Войском Донским. Все убытки населения войска Донского торговли и промышленности, происшедшие от нашествия большевиков, должны быть возмущены Советской Россией.

Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и если признаете это выгодным устроить в пределах Войска Донского оружейный, ружейный, снарядный и патронный заводы.

Всевеликое Войско Донское и прочие государства Доно-Кавказского Союза не забудут дружеской услуги Германского народа, с которым казаки бились плечом к плечу ещё во время тридцатилетней войны, когда Донские полки бились в рядах армии Валленштейна, а в 1807 году и 1813 г. Донские казаки со своим атаманом графом Платовым боролись за свободу Германии и теперь почти три с половиной года кровавой войны на полях Пруссии, Галиции, Буковины и Польши казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость своих войск нын?, протянув друг другу руки, как два благородных бойца борются за свободу родного Дона. \ (мировой) <?>

Всевеликое войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества соблюдать полный нейтралитет во время войны народов не допускать на свою территорию враждебной германскому народу вооруженной силы, на что дали свое согласие и Атаман Астраханских войск князь Тундутов и Кубанское Правительство и, по присоединении остальных части Доно-Кавказского Союза.

Всевеликое Войско Донское предоставляет Германской Империи право преимущественного вывоза избытков за удовлетворением местных потребностей хлеба зерном, мукой, кожевенных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров и изделий, скота и лошадей, вина виноградного, растительных и животных жиров и масла, изделий из них, табачных товаров и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская Империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование экспедиции заготовки государственных бумаг соответствующим запасом материалов, оборудование суконных, хлопчатобумажных, кожевенных, химических, сахарных и других электротехнических принадлежностей.

Кроме того, Правительство Всевеликого Войска Донского предоставляет германской промышленности особые льготы по помещению капиталов в Донские предприятия торговли и промышленности, в частности по устройству и эксплуатации новых водных и иных путей.

Тесный договор сулит взаимные выгоды и дружбу, спаенную кровью пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами.

К Вашему Императорскому Величеству обращается с этим письмом не дипломат тонкий знаток международного права, но солдат привыкший в честном бою уважать силу германского оружия, а поэтому прошу простить прямоту моего тона чуждую мелких ухищрений и прошу верить в искренность моих чувств.

Уважающий Вас Петр Краснов,
Донской Атаман Генерал-Майор.

Из переписки с С.А. Жаровым

Второе письмо Атамана, которое мы тоже предлагаем вниманию читателей, отправлено им 19 августа 1936 года из французского местечка Сантени в Берлин - Сергею Жарову. В отличие от первого, официального обращения к главе государства, это пример частной переписки Петра Николаевича. Письмо дает представление и о том положении, в котором он оказался (не случайно упоминание о "кризисе"!), о том, что жить он вынужден почти исключительно на небольшие литературные заработки. И, вместе с тем, П.Н.Краснов отказывается от предлагаемой Донским хором помощи - в пользу более нуждающихся.

Прекрасный пример нынешним атаманам. Интересно, после кого-либо из них - останется ли такое письмо?..

Между прочим, как раз сейчас в США распродается по частям, по кусочкам буквально большой архив Сергея Александровича Жарова (из которого и пошло к нам это письмо). В этом собрании - порядка 60 тысяч единиц: письма, открытки (как всемирно известных общественных деятелей и деятелей культуры, так и известных пока только историкам и искусствоведам), большое число нот, редких книг, казахских журналов и газет, текстов песен, просто всевозможные документы 1933-41 гг., альбом с фотографиями хора, подарочный серебряный кубок, знамя

Донского хора... Конечно, среди них наверняка хватает и сравнительно "малоценных" (если их рассматривать самих по себе) документов. Но и они интересны сейчас, по прошествии 50-70 лет - как свидетельства эпохи или в связи с именем своего владельца. Что же тогда говорить о письмах и автографах известных людей (музыкантов, композиторов, общественных деятелей и политиков), с которыми дружил Жаров!..

Что-то из перечисленного случайной хозяйкой архива уже продано. Для нее все это не представляет никакой ценности - кроме, конечно, сугубо долларовой. Но архив знаменитого хора, прославившего по всему миру само имя Казака, - безусловно, важен для всего казачества. Вот бы господам атаманам собраться всем вместе с силенкам, да вместо очередного банкета попытаться выкупить хоть часть бесценного жаровского наследия!..

Г.К.

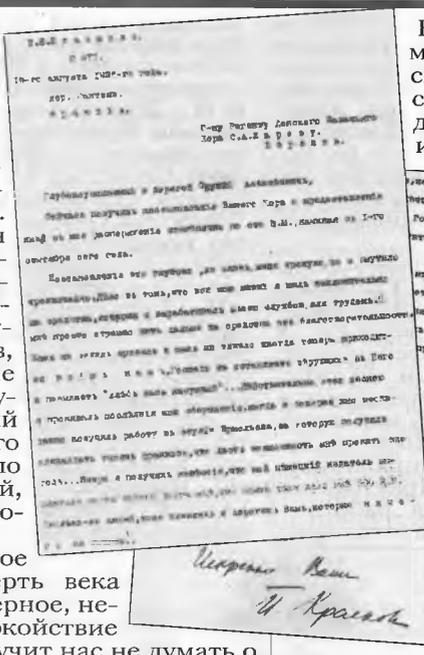
Глубокоуважаемый и дорогой
Сергей Александрович,

Сейчас получил постановление Вашего Хора о предоставлении мне в мое распоряжение ежемесячно по сто Р.М., начиная с 1-го сентября сего года.

Постановление это глубоко, до слез, меня тронуло, но и смутило чрезвычайно. Дело в том, что всю мою жизнь я жил исключительно на средства, которые я

зарабатывал своею службою или трудом. И мне просто странно жить дальше на средства от благотворительности. Как ни велик кризис и как ни тяжело иногда теперь приходится всем нам, Господь не оставляет верующих в Него и посылает "хлеб наш насущный"... Действительно, эту весною я прожил последние мои сбережения, когда и совершенно неожиданно получил работу в студии Ермольева, в которую получил одиннадцать тысяч франков, что дает возможность мне прожить еще год... Вчера я получил известие, что мой немецкий издатель выплатил часть своего долга мне, что опять таки дало мне 500 R.M. Сколько же людей, тоже близких и дорогих Вам, которые ничего не имеют!..

Конечно, слов нет, - это большое утешение, когда третья четверть века подходит к Вам, имеет вечное верное, нечто в роде пенсии, что дает спокойствие в завтрашний день, но Господь учит нас не думать о завтра, предоставив Ему позаботиться о том, что бы послать нам все, что нужно для жизни.

Если бы я знал, что Вы, как американские миллиардеры, имеете свои дома и виллы, свои собственные яхты и живете в полное свое удовольствие, не зная, куда девать деньги, я принял бы эту помощь. Но ведь и Вы живете тяжелым трудом от Ваших талантов и я знаю, как нелегко дается Вам Ваш хлеб. Ваше предложение мне - это не лепта богача, но скромная копейка "бедной Евангелистской вдовы", и потому Вы поймете, как, до каких глубин души она меня тронула!..

Благодарю, благодарю Вас, но берегите Ваши деньги, Вам, молодым, они нужнее, чем мне, доживающему свой век.

Уже одно Ваше желание помочь мне и облегчить мою жизнь меня ободрило. Оно показало, что, если Господь пошлет мне испытание дойти до жизненного "дна", я не одинок - Донцы - казаки Жаровцы в ту крайнюю минуту придут мне на помощь и не дадут умереть от голода.

Да хранит Вас Господь. *Искренне Ваш П. Краснов*

К а з а ч и й С о ю з в Ш а н х а е

В 20-х годах за пределами России оказалось свыше 80 тыс. казаков. Один из регионов массового их расселения - Маньчжурия. В Харбине, по линии Китайско-Восточной железной дороги и в Трёхречье проживало более 20 тыс. казаков. Всего же в Китае, как пишут, оказалось 25 тысяч казаков - Забайкальского, Амурского, Уссурийского, Иркутского, Енисейского и других войск. С 1930 года здесь действовал "Союз Казаков на Дальнем Востоке". А были еще Русский национальный комитет, Национальный фонд, Женская профессиональная школа, Русское общественное собрание...

Одна из самых больших казачьих колоний была в Шанхае. "Казачий Союз в Шанхае" был создан 29 ноября 1925 года. В 1929 году в нем состояло 10 станиц - Амурская, Донская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Кубанская, Семиреченская, Сибирская, Уссурийская и Уральская.

В Госархиве РФ есть документ, напрямую связанный с ранней стадией возникновения Союза. Публикуется он практически полностью (за исключением мест, не читаемых из-за ветхого егр состояния). К сожалению, из текста остается неясным автор доклада - вероятно, зачитал его на заседании Правления Союза его председатель.

Доклад позволяет узнать уникальные подробности жизни казаков в Китае, вернуть из небытия забытые имена. **А.А.**

Д О К Л А Д

Зачитан правлению 30. IV.

В Шанхае создано объединение находящихся здесь казаков всех казачьих войск под наименованием "Казачий Союз в Шанхае". Казаки в Шанхае появились главной массой своей с прибытием сюда, 14 сентября 1923 г., Дальне-Восточной казачьей группы, под командой Генерал-Лейтенанта Глебова, Сибирского казака. До него здесь были единичные казаки.

Дальне-Восточная казачья группа, сохраняющая свою военную организацию, жила и живёт своей военной жизнью. Идя в Шанхай, группа рассчитывала найти здесь организованный труд или подобающий воинской части приём от своих бывших союзников. Этого не оказалось в условиях заграничной жизни и смешанной международной китайской политики группе пришлось перенести испытания в оправдании своего существования. Но группа была в твёрдых руках командующего ею и более года держала и продолжает держать с честью своё лицо остатки Русской армии и казачества.

Это, конечно, мешало большевикам и близким к ним. Они работали на разложение. Явились завистники и слабые духом.

Помощник командующего группой, Генерал-Майор Анисимов, носивший звание Заместителя Войскового Атамана Оренбургского казачьего войска, прикрываясь именем Походного Атамана генерала Семёнова и его же, как Войскового Атамана Забай-

кальского казачьего войска, будучи начальником десанта одного из трёх пароходов группы, парохода "Монгугай", увлёк на бунт против генерала Глебова Забайкальских казаков и вывел их из подчинения генералу Глебову, получив от Атамана Семёнова приказ о назначении командующим Дальне-Восточной казачьей группой. Дальше, генерал Анисимов вывел Забайкальцев с "Монгугаем" на берег и оставил их без материальной поддержки, а сам с несколькими оренбуржцами и людьми со стороны перешёл в совподданство и к отходу "Монгугаем" учинил бой с военным транспортом "Охотск" в результате которого на "Охотске" оказалось двое раненных, а на "Монгугае" один, вскоре скончавшийся и затем на "Монгугае" ушел во Владивосток, торжественно рекламируя и в Шанхае и во Владивостоке свою преданность "рабоче-крестьянской" власти.

Есть сведения, что и атаман Семёнов работает с большевиками. Сам он пока это отвергает официально, но ведь и Анисимов отвергал своё предательство почти до самого ухода из Шанхая, даже после боя с "Охотском". Что особенно грустно в русской эмиграции, так это то, что очень многие, и даже ответственные лица, защищали Анисимова, не взирая на опубликованные генералом Глебовым, добытые им из совконсульства, документы о переходе Анисимова в совподданство.

Они ушли или уходят, а люди с "Монгугаем", около 3000 человек, оказались выброшенными на улицу.

Основания объединения казаков в Шанхае: необеспеченность и бесправность находящихся на чужбине, в том числе и в Шанхае, русских граждан вообще и казаков в частности; появление в Шанхае массы неустроенных безработных казаков, вырванных из Дальне-Восточной казачьей группы и брошенных на своё попечение, что в условиях жизни Шанхая, равносильно нищете, голоду и заболеванию; стремление к распылению русских беженцев по всем странам и самым отдалённым государствам света, где они, представленные в малом количестве и без своих учреждений и организаций, могут оказаться в ещё более тяжелом положении, чем в Шанхае, а с другой стороны, такое распыление ослабевает общий противобольшевицкий фронт русской эмиграции, вселяя в ней настроения невозможности и бесполезности борьбы против всемогущих, будто бы, работодателей России и уташая веру в возможность ее освобождения; появление казаков поставленных в безвыходное положение, в "русских отрядах" на китайской службе и участие их, таким образом, в китайской гражданской войне; работа советских агентов по разложению белой эмиграции и соблазн русских беженцев к возвращению в СССР, чем истосковавшиеся по родине казаки могут соблазниться и из огня чужбины бросаться в пламя поработённой родины; общность характера, быта, службы и самоуправления всех казаков в своих войсках на родине

и их взаимное естественное, поэтому, содружество и доверие на чужбине, - всё это, при существовании уже казачьего объединения в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, в Харбине, в форме "Восточного Казачьего Союза", при изложенных выше условиях жизни казаков в Шанхае, с получением информации о Казачьем Союзе на Западе и призывом оттуда к объединению, явилось основанием к созданию Союза казаков, а Шанхае.

Идея создания Казачьего Союза в Восточных казачьих войсках не нова.

Объединялись они ещё в Омске, в форме съезда представителей казачьих войск, начиная с Уральского и кончая Уссурийским, включая и восстановленные в казачестве войска Енисейское и Иркутское. В обиходе съезд именовался казачьей конференцией. Составился он из выборных войсковыми кругами или уполномоченных войсковыми правительственными представителями. Этот съезд затем вошел, как совещательный орган при Главном Управлении по делам казачьих войск в правительстве Адмирала Колчака. "Конференция" эвакуировалась в Иркутск, и с этой эвакуацией кончилась ее большая работа - большая и в казачьем, и в обще-государственном смысле. В Иркутске она, как и всё правительстве Адмирала Колчака, дождалась последние дни.

В Чите, в правление Атамана Семёнова, казаки снова созвали съезд, но это было уже при конце власти Атамана Семёнова, в августе 1920 г. и съезд прекратил свою работу на ст. Маньчжурия в октябре того же года.

Собирались казаки и в Приморье - Гродеково и Владивостоке, но в условиях времени и месте, это объединение, как и сами приморские правительства, не могло иметь и не имело широкого значения.

С выходом из России казаки хотели создать своё обще-казачье объединение в Харбине, как экономический союз, который и создавался под именем Восточного Казачьего Союза. Работа этого Союза, при китайской власти и советском влиянии, протекала в Харбине весьма сдержанно, приходилось работать почти скрываясь, и поэтому Союз этот имеет чисто местное значение.

В Шанхайской жизни был создан "Совет Войсковых Атаманов", широко задуманный, но, начатый, если не по мысли, то при ближайшем участии генерала Анисимова, он носил в себе самое уже начало разложения, так как "атаман" Анисимов сначала провёл работу по разрыву совета войсковых атаманов с Восточным Казачьим Союзом, потом, отойдя от казаков, соблюдающих казачью дисциплину и исповедующих определённую противобольшевицкую идею, развалил совет и, наконец, открыто перешел к большевикам.

А пока так работали бывшие атаманы, казаки в Шанхае - в большинстве, оказались безработными и буквально на улице.

Первые шаги Союза. Информация с Запада полученная Полковником Сибирского казачьего войска Грызовым от председателя организационного бюро Н.М. Мельникова и Енисейского казачьего войска Войсковым Старшиной Бологовым от И.К. Окулича, в виде брошюр, программ Казачьего Союза на Западе и "информационного листка", и Семиреченским казаком, Присяжным Поверенным И.Н. Шендриковым письмом от И.К. Окулича с призывом к объединению.

Полковник Грызов состоит при Дальне-Восточной казачьей группе. Войсковой Старшина Бологов в это время готовился к выезду из Шанхая с формируемой им группой казаков-джигитов для артистического турне по Японии, Юго-Восточной Азии, Австралии и Америке. В городе постоянно проживал только И.Н. Шендриков. К нему, по обсуждению вопроса о Казачьем Союзе с Командующим группой генералом Глебовым и некоторыми другими казаками в Шанхае, и обратился за помощью для организации казаков Полковник Грызов. Установилось полное встречное единодушие по казачьим вопросам. Были приглашены и другие казаки, выявилось единство взглядов о необходимости создания казачьего объединения в Шанхае и тяготеющих к нему других городах и районах Китая и вхождения затем в Казачий Союз на Западе. Некоторые расхождения по пунктам программы Казачьего Союза не считались препятствием к объединению в Шанхае и вхождению в Западный Союз, т. к. главнейшее основание общности - Россия и казачество - было непреложно.

Практическая работа. И 18 марта 1925 г. состоялось первое организационное собрание по объединению казаков в Шанхае. Присутствовали: Семиреченского казачьего войска Присяжный Поверенный И.Н. Шендриков, Сибирский казак Полковник Грызов, Иркутский казак и Войсковой Атаман Генерал-Майор Оглоблин, Забайкальский казак Статский Советник Селиванов, Амурский казак Есаул Сараев, Оренбургский - Генерал-Майор Бородин и Донской - Генерал-Лейтенант Афанасьев. Собрание это носило характер не столько организационный, сколько ознакомительный, т.к. на нём некоторые члены его встречались впервые.

"Идея объединения всех казаков не только в Шанхае, но и на всём Востоке, в один казачий союз, была поддержана единодушно" и предложено И.Н. Шендрикову выработать устав, а вопросу о программе посвятить особое заседание, записано в протоколе № 1.

Следующее собрание было 26 марта в присутствии тех же лиц, кроме генерала Бородина, и новых членов: войска Донского Полковник Гушин, Енисейского - Войсковой Старшина Облогов, Уссурийского - Есаул Емельянов и Забайкальского - Генерал-Майор Власевский. Решено объединяться по войскам и та-

ким войсковым объединениям, группам, хуторам и станицам, через своих представителей создать Казачий Союз, членами коего явятся не отдельные казаки, а эти части и войсковые объединения, и выработать схему объединения казаков.

На третьем собрании, 5-го апреля, в составе Генерал-Лейтенанта Афанасьева, И.Н. Шендрикова, Генерал-Майора Оглоблина и Бородина, Полковников Грызова и Катанаева (Сибирский казак), Доктора С.Н. Шендрикова (Семиреченский казак), при прибывшем в это время в Шанхай Сибирского казачьего войска Полковнике Березовском, Председателе Совета Восточного казачьего Союза, заслушан доклад этого последнего о положении и работе Восточного Союза и принят устав Казачьего Союза в Шанхае, выработанный И.Н. Шендриковым и Полковником

Грызовым, и принят постатейно с некоторыми редакционными поправками и И.Н. Шендрикову поручено устав окончательно подготовить к следующему собранию для принятия в целом.

На четвёртом собрании 12 апреля, кроме постоянных его членов, присутствовали от группы Забайкальских казаков, бывших Монгугайцев, для ознакомления с Союзом, Хорунжие Топорков и Казанов.

Собрание установило список учредителей Союза, зачислив таковыми: Полковника Грызова, И.Н. Шендрикова, Генерал-Майора Оглоблина, Генерал-Лейтенанта Афанасьева, Генерал-Майора Бородина, Статского Советника Селиванова, Есаула Сараева, Войскового Старшину Бологова и Полковника Катанаева.

Принят окончательно устав Союза.

Зачислены в Союз: Амурская, графа Муравьева-Амурского, станица, со станичным атаманом Есаулом Сараевым и Корниловская станица Сибирского казачьего войска, со станичным атаманом Полковником Катанаевым.

Поступили заявления о предстоящей организации станиц и хуторов от представителей войск Оренбургского, Семиреченского, Иркутского, Енисейского, Уссурийского и вхождении их в Казачий Союз в Шанхае.

Избрано Правление Союза в составе: Председателя Правления И.Н. Шендрикова, секретаря - Полковника А.Г. Грызова и членов Правления генералов Оглоблина, Афанасьева, Бородина, Статского Советника Селиванова и Есаула Емельянова. 8-е место в Правлении постановлено предоставить председателю Забайкальской станицы, которая, по словам Хорунжих Казанова и Топоркова, организуется в значительном числе членов.

В виду предстоящей реорганизации образовавшегося в Шанхае, по закрытии здесь "Бюро по русским делам" и открытии совконсульства, - реорганизации "Комитета защиты прав и интересов русских в Шанхае", по существу, долженствующего выполнять функции прежнего русского консульства для русских, не признающих соввласти и не приемлющих совподданства, но фактически, в силу различных причин, в том числе и случайности своего состава, не достаточно выявившего свою деятельность, предложено Председателю Правления Союза И.Н. Шендрикову просить о предоставлении ему места в обнов-

Кафедральный собор "Пресвятой Богородицы-Споручницы грешных" в Шанхае начали строить в мае 1933 года.

ляемом Комитете защиты русских и вхождении в этот Комитет наравне с главами других русских организаций в Шанхае.

На пятом собрании, уже собрании Правления, кроме заслушания и решения текущих дел, принята в состав Союза Забайкальская станица.

Председатель Правления сообщил о реорганизации Комитета защиты русских в Шанхае на организационном собрании его с главами организаций. Обновленный Комитет составляется из глав организаций, существующих в Шанхае, а не из уполномоченных от этих организаций или не представляющих никаких организаций, а входящих персонально, при чём представительство от политических организаций ("монархических") исключено, чтобы не дать оснований и другим политическим группировкам добиваться вхождения в Комитет. Главнейшая из организаций, вошедшая в Комитет: Союз служивших в российской армии и флоте, благотворительное Общество, Православное Братство (старая и наиболее деятельная организация в Шанхае), Урало-Сибирское трудовое общество ("Устоь") - бывшая Урало-Егерская группа войск, генерала Лебедева, Дальне-Восточная казачья группа и Казачий союз в Шанхае.

Далее на заседании Правления Союза предложено к следующему собранию подготовить проект программы Союза и поручено Председателю и Секретарю Союза войти в сношения с Западом, послав туда необходимую информацию и начать изыскание средств для Союза путём сношения с местным скаковым обществом (Реисъ-Корсь), до сих пор обычно оказывавшим пособия русским беженцам.

Таким образом сформировался и начал работу Казачий Союз в Шанхае.

Устав Союза.

Устав Казачьего Союза в Шанхае взят почти целиком с устава Казачьего Союза на Западе, только сделаны некоторые дополнения или изменения согласно местных условий.

В основном, программном, первом параграфе устава введено - "установление прав и обязанностей" казачества, чтобы находящиеся в эмиграции казаки, зачастую только строевые, не жившие ещё в своих войсках войсковой общественной жизнью, точно установили и уяснили себе и свои права и свои обязанности, чтобы знать и уметь доказать и защитить: почему мы казаки, почему желаем остаться ими, и что казачество в таком виде не только никому не мешает, ни на чьи права не посягает, а представляется необходимым и России и всему русскому народу, как было необходимо во весь период создания, расширения и защиты государства Российского.

По отношению войсковых атаманов имелось в виду,

что Казачий Союз в Шанхае носит местный характер, а потому не может возлагать на войсковых атаманов обязательство быть ответственными за деятельность Союза или его Правления, так как предоставление им прав председателей правления Союза, как это установлено на Западе (§ 9) налагало бы на них и обязанности по Союзу. К тому же в организации Союза принимал участие только один войсковой атаман, другие же наличные на Дальнем Востоке атаманов, в местных условиях жизни казачества на чужбине, не проявляют своей работы в отношении казаков, оказавшихся в рассеянии, или проявляют её в очень малой степени. В некоторых же войсках совсем нет атаманов или претендующие на это звание являются спорными, как основывающие свои права на полномочиях, данных не от войсковых кругов, а по выходе с войсковых территорий или скомпрометированные (разительный пример - быв. Заместитель Войскового Атамана Оренбургского казачьего войска генерал Анисимов), а потом организаторы Казачьего Союза в Шанхае ограничились предоставлением войсковым атаманам, буде они пожелают присутствовать на общих собраниях Союза, права решающего голоса. Казачий Союз в Шанхае и его члены - станицы и хутора отдельных войск, - только местные войсковые организации, притом общественного характера; войсковые же атаманов - ответственные представители войсковой власти. Будущая работа Союза определить взаимоотношения его со своими войсковыми атаманов в зависимости и от их работы, в местном, так и обще-казачьем и государственном масштабе.

<...> чтобы не включить в него ни большевиков, ни большевизанствующих, и тем самым не допускать никаких уклонов к соглашательству с большевиками, преуказывая этим будущее содержание программы. Казаки в эмиграции не могут быть аполитичными.

В уставе Шанхайского Союза предоставлены учредителем его права, его членов и членов общих собраний, чтобы охранить целостность и преемственность идеи образования Союза, и введено учреждение суда для ограждения прав, интересов и достоинства членов Союза в нём самом.

Так сформировался и начал свою работу Казачий Союз в Шанхае.

Замечаясь медлительность в организации и работе объясняется разбросанностью и полной разобщённостью его отдельных членов и полным же отсутствием средств у организаторов Союза - будем думать, пока, да и у его членов.

Но работа всё же ведётся, и будущее Союза будет зависеть, конечно, от его самостоятельности.

(ГАРФ. ф. 5963, оп. 1, д. 15. л. 16-19, машинопись)

Оренбургский казак Иван Сапёров

В прошлом номере "Станица" напечала статью о голоде 1921-22 годов на территории Оренбургской области. Видимо, у редакции не хватало фотографий для иллюстрации материала, поэтому и было помещено фото с неверной подписью - "Оренбургский казак Сутунев - один из тех, кто погиб в те годы, сражаясь с красными грабителями". На самом деле, на снимке - Иван Сапёров, казак поселка Ос-

траленского Верхне-Уральского военного отдела (ныне был хорошо знаком с будущими вождями "красных казаков" - офицерами-верхнеуральцами братьями Каширинными. Наверное, это сказалось на том, что во время Гражданской войны Сапёров побывал и у красных, и у белых. Это, если можно так выразиться, действительно "мелеховский" тип казака, все время мучительно ищущий - "где правда?". Все же в итоге верх взяло родное - Иван воевал с большевиками до самого конца, до "Голодного похода" - отступления через горы в Китай. Там на его глазах в результате теракта был убит атаман Дутов.

Сам Иван Сапёров не погиб "в те годы" - даже вернулся в родные края. Учительствовал какое-то время в Башкирии, скрывая свою истинную биографию, потом преподавал в Челябинском институте (кажется, Горном). В Челябинске и умер...

Предлагаю еще несколько фотографий. На одной из них - Иван Сапёров с женой (снято, видимо, незадолго до начала Гражданской войны), на другой наш герой вместе со своими сослуживцами по полку.

С. Мальков
(Пенза)

траленского Верхне-Уральского военного отдела (ныне - г. Остроленск Челябинской области).

И. Сапёров служил в 1-м Оренбургском казачьем полку под командой будущего войскового атамана полковника А.И. Дутова. Полный бант Георгиевских крестов служил на фронтах 1-й мировой. Мне довелось знать его сына - Виталия Ивановича Сапёрова, он-то и рассказал о своем отце, о семье.

Жена Ивана Сапёрова доводилась какой-то родней Дутовым. Сам он

В прошлом году исполнилось 100 лет со дня рождения известного донского художника - Сергея Королькова. Если еще недавно даже на Дону мало кто слышал о нем и его творчестве, то сегодня, пожалуй, все знают его благодаря картине, посвященной выдаче казаков в Лиенце. Редакция "Станицы" не могла пройти мимо этой даты - тем более, что в свое время одной из первых напечатала эту знаменитую теперь картину. Рассказать о Сергее Ивановиче мы попросили московского скульптора Константина Чернявского (некогда учившегося у того же человека, что учил самого Королькова). Вторая статья - родственника художника, В. Быкадорова - очевидца его жизни в Америке.

Донской самородок

В 1972 году в Ростове на Дону я начал занятия по рисунку и скульптуре под руководством **Сергея Дмитриевича Михайлова**. В то время ему уже было за 90 лет, а начал он свою преподавательскую деятельность в Ростовском художественном училище (впоследствии имени М.Б. Грекова) с момента его возникновения.

Видя мой интерес к казачеству, он показал рисунок своего ученика, а затем друга **Сергея Григорьевича Королькова**. В них дышала такая мощная жизнь, пела казачья душа... Я расскажу лишь то, что рассказывал мне учитель.

* * *

Училище было создано для обучения художествам казачьих детей, и педагоги его ездили по станицам и хуторам Дона в поисках будущих продолжателей традиций донской художественной культуры, а заодно и на этюды. Уже после гражданской войны в одной из таких поездок, в которой участвовал и Сергей Дмитриевич, они встретили Сергея Королькова. То есть встретили сначала довольно грамотно вылепленные глиняные фигуры на берегу Дона у станицы Елизаветинской. На вопрос, кто их сделал, местные казаки указали на парня, рыбачившего неподалеку: "Да это наш Сергунька..."

Сергунька довольно прохладно отнёсся к художникам, с явной неохотой показав им свои рисунки. Те были поражены, увидев не только портреты, изображения лошадей, но и батальные композиции по истории казачества в Ростове, и пригласили его в Ростов.

В Ростов на учебу Корольков пришел уже с заморозками, пешком. Переходя Дон, провалился под лед, сам выбрался и, весь заледеневший, ввалился ночью в квартиру Сергея Дмитриевича. Попросил стакан водки, завернулся в тулуп - и на печь. А утром в полном здравии пошел в училище на специально для него устроенный экзамен.

"Что Вы хотите рисовать?" - "А вот этого мужика", - и ткнул пальцем в экорше Гудона (анатомическая фигура). "Ну, садитесь, смотрите на него хорошенько и рисуйте". - "А чего на него смотреть, я его всего уже осмотрел" - и ушел в другую комнату. Через некоторое время принес вполне точный рисунок.

Об этой его способности вообще ходили легенды. Например, приходит некий военачальник и просит как можно быстрее сделать его портрет. Сергей Григорьевич не соглашается, объясняет, что работа требуется длительная, а он занят, да и типаж сложный; наконец, после долгих уговоров приглашает прийти завтра на сеанс. Заказчик приезжает на утро и видит полностью законченный, с абсолютным сходством портрет. Благодаря этой уникальной способности все персонажи его работ - конкретные, где-то хоть раз, хоть мельком виденные им люди.

После училища Корольков поступил в Ленинградскую Академию художеств, на факультет скульптуры к М.Г.

Манизеру. Там он недолго проучился - Манизер через некоторое время честно признался: "Мне Вас нечему уже учить". Потом некоторое время он пробыл в Москве...

Вернувшись в Ростов, Корольков много работал, в основном над казачьей тематикой. Заказов на такую тему, естественно, быть не могло, поэтому делал небольшие скульптуры и рисунки. От созданного им тогда остались великолепные горельефы на фасаде театра им. Горького и (предположительно) рельеф на гостинице "Ростов".

Сергей Дмитриевич однажды рассказал, что у Королькова была работа, вырезанная из цельного куска самшита - донской рыбака, поймавший сома. И вот однажды наш класс с учительницей побывал в гостях у донского писателя В.А. Закруткина. В его кабинете на столе я вдруг увидел деревянную скульптуру размером около 80 см, по описанию точно соответствующую тому рыбаку.

"Неужели Корольков?" - невольно вырвалось у меня. "Да" - в полном изумлении ответил Закруткин, не понимая, как мог школьник знать тщательно замалчиваемую фамилию. Часто приходил Сергей Григорьевич к своему первому учителю, а теперь старшему собрату по искусству - Сергею Дмитриевичу. Приходил, сразу садился на диван с ногами по-татарски и, что-то рассказывая, шутя, смеясь, напевая или, наоборот, внимательно слушая, непрерывно рисовал. Это были и просто типажи, только что увиденные на ростовском базаре, и рисунки на исторические темы, и эпизоды Гражданской войны, пережитые им лично. Так, например, я держал в руках рисунки, изображающие отход отрядов батьки Махно...

* * *

Обычно Корольков рисовал на обратной стороне фотобумаги большого формата простым карандашом, вовсю пользуясь ластиком. Фигуры рисовал сначала обнаженными, со всеми подробностями, а уже потом "одевал".

Всё чаще в этих рисунках стали возникать сюжеты из "Тихого Дона", тогда только что напечатанного. Эти иллюстрации стали уникальным явлением. Редко можно встретить столь полное слияние текста и иллюстраций к нему, такую идентичность мировосприятия писателя и художника. И в то же время каждый из рисунков - самостоятельное произведение. Художник в чём-то порой спорит с писателем. Да и при их личной встрече Шолохов начал было поучать Королькова, на что тот довольно резко отрезал: "Михаил Александрович, я же не учу тебя писать, так не учи и ты меня рисовать" - и писатель извинился, дружески обняв художника.

В рисунках этих нет авангардистского манерничания тех времён. Любовь к родному люду сквозит в каждой фигуре, каждом штрихе. Смотришь - будто листаешь семейный альбом, хранящий память о сородичах. Недаром сам Шолохов признал рисунки Королькова лучшими иллюстрациями его романа. Каждый персонаж, раз появившись, уже был узнаваем на всех последующих рисунках. Графический образ Григория Мелехова, созданный Корольковым, на наших глазах претерпевает изменение от юноши до зрелого мужчины. Этот образ оказался настолько убедителен, что актёра Глебова гримировали по этим рисункам!

Чтобы понять самоотверженность художника в отстаивании реалистических традиций, вспомним, что за атмосфера царил в то время в искусстве. Прикрываясь "революцион-

уже был узнаваем на всех последующих рисунках. Графический образ Григория Мелехова, созданный Корольковым, на наших глазах претерпевает изменение от юноши до зрелого мужчины. Этот образ оказался настолько убедителен, что актёра Глебова гримировали по этим рисункам!

Чтобы понять самоотверженность художника в отстаивании реалистических традиций, вспомним, что за атмосфера царил в то время в искусстве. Прикрываясь "революцион-

ностью", "современностью", наверх лезла всякая бездарность, компенсирующая примитивность мысли, чувства и непрофессионализм наглостью и склонностью. Сергей Дмитриевич рассказывал, как из училища выбрасывали "антиков" (гипсовые копии античной скульптуры), уничтожали коллекции до-революционных произведений искусства, конфисковывали личные собрания книг (у него лично отбирали дважды), как преследовали тех художников, кто не желал штамповать портреты "вождей".

* * *

В жизни Сергей Григорьевич был такой же вольный казак, как и в творчестве - мог подраться с нарядом милиции, спеть "Боже, царя храни" в центре Ростова, быть преданным другом, имея нежное, любящее сердце.

Однажды, когда он заканчивал свой рельеф "Донская Вандея" для фасада драмтеатра в Ростове, московские власти прислали очередную комиссию для проверки работы своеобразного скульптора. Сергей Григорьевич, и так уже замученный этими проверками, узнав, что возглавляют комиссию известные своей некомпетентностью средних лет ярая феминистка и валяжный старик, бывший портной, решил устроить им особый приём. Наутро комиссия стала чинно обходить глиняные фигуры рельефа, и вдруг увидела у крайней фигуры (а все они были сделаны пока обнажёнными) огромный детородный орган. Феминистка от злости позеленела, а старик принялся свирепо колотить дорогой тростью по этой детали. Да не тут-то было! Внутри, как положено, был вставлен прочный каркас - и трость разлетелась вдребезги...

Этот горельеф требует отдельного рассмотрения, чтобы понять не только высочайшее мастерство скульптора, но и глубину осмысления им трагедии Дона и казачества вообще. Всё необычно в этой работе, начиная с архитектурной привязки.

Здание театра им. Горького (строившегося с 1930 по 35-й год) сделано из стекла и бетона в стиле конструктивизма, символизируя собой... трактор! Нужно было обладать непреклонной волей, чтобы поместить на фасад столь бесмысленного своим лобовым символизмом здания горельеф, не только выполненный в классическом стиле, но и посвящённый трагедии казачества. И это в то время, когда само слово "казак" было запрещено, а за лампасы, Георгиевские кресты и исполнение казачьих песен расстреливали!

Горельефы Королькова мастерством композиции, точностью и изысканностью рисунка, убедительностью и монументальностью лепки приближаются к лучшим образцам античности, а по трагизму, философскому осмыслению и сопереживанию даже превосходят их. Движение фигур идёт от краёв к центру, но центра как такового нет, потому что разрыв между рельефами образует пустоту, которая благодаря огромным стеклянным поверхностям символизирует собой и волны Чёрного моря Новороссийска и Крыма, и холод эмиграции, и вечный покой... Первое, что бросается в глаза и поражает - это ярость. Ярость во всём - от желваков на скулах людей до прожилок коней. В жуткой, непримиримой борьбе смешались и слились воедино и кони и люди, пронзительные крики и стоны живых, смертельно раненых, агония и окоченение трупов...

То, что все симпатии (от греч. "сострадание") автора на стороне гибнущих казаков, очевидно, стоит лишь повнимательнее взглянуть в фигуры и глаза персонажей. Несмотря на накал борьбы, при котором человек зачастую начинает терять человеческий образ, когда враги чуть ли не зубами рвут друг друга - всё-таки у казаков человечнее, осмыс-

ленное лица. Нет той звероподобности, беспощадности и холодного садизма, что у их противников - скорее, готовность погибнуть, чем покориться чуждой силе, и скорбь о судьбе Дона.

Хотя казаков почти в два раза меньше (двенадцать, что тоже символично!), они не бегут в панике, а полны решимости стоять до конца. В рядах их противников - пролетарии, будёновцы, матросы, а также китаец и еврейка (на заднем плане, за спинами атакующих). Китайские карательные отряды выжигали непокорные хутора и станицы, вырезая (зачастую с изощрёнными пытками) население от де-

тей до стариков. И здесь китаец завершает ряды атакующих, хладнокровно ступая по трупам своих и чужих; его лицо, в отличие от остальных участников битвы, ничего не выражает, ведь ему, что красные, что белые - всё едино. Матросы на рельефах, опоясанные пулеметными лентами, олицетворяют анархию и крикливую бесшабашность.

Говорят, "скульптура - молчаливая муза". Но здесь зритель почти слышит стоны, крики, ржанье, визг и топот коней, треск ломающихся пик, хруст выворачиваемых костей и пронзаемых штыками тел, звон скрепляющихся шашек, лязг гусениц танка, скрип оружейных колёс...

Всё в композиции рельефов имеет смысл. Даже почва под ногами каменная, исковерканная, бесплодная и наверняка ещё долго не даст ничего доброго. На одном горельефе она словно провалилась под ногами погибающих, то ли плавню переходя в изображение морских волн, то ли расступившись, чтобы принять, как Мать-сыра-земля, в себя своих сынов.

Невольно напрашивается сравнение с другим великим произведением - "Битвой при Ангиаре" Леонардо да Винчи (копии Рубенса). Сцепившиеся кони почти цитата оттуда. Но если там преобладает физиологический аспект схватки (искажённые гримасы лица, обезумевшие глаза, сведённые судорогой

мышцы), то здесь подчёркнут духовный смысл происходящего, пафос гибнущих, но не побеждённых.

И по сюжету эти произведения близки: при Ангиаре сражались между собой итальянцы - флорентийцы и миланцы. Но в той битве погиб один человек, флорентийцы и миланцы благополучно существуют до сих пор. Здесь же - миллионы жертв, попытка стереть не только с лица земли, но и из самой памяти целые сословия и народы. У Леонардо - гениальный памфлет на войну, осуждение "самого зверского сумасшествия", как он говорил, почти карикатура. Корольков же не судит, а призывает зрителя мужественно смотреть в глаза смерти, противостоять злу, призывает к состраданию.

При этом автор чудесным образом смог до поры скрыть своё понимание трагедии гражданской войны, иначе жесточайшая партийная цензура не позволила бы жить этому произведению!.. Тем более, что художник никогда не считал нужным скрывать свои чувства и взгляды.

* * *

Сергей Григорьевич происходил из зажиточной семьи

казаков-старообрядцев. Обычно он неохотно рассказывал о себе (время было такое...), но однажды проговорился, что его дядя - бывший владелец конного завода, всех своих коней передавший на нужды Белой армии. После победы красных род Корольковых был почти полностью уничтожен, самого же его в полной мере коснулись травля, замалчивание, наглый грабёж его неиссякаемых идей, реальные угрозы ему и его близким, допросы в донском ОГПУ. Лишь заступничество видных деятелей искусств, особенно Шолохова, спасало его порой от расправы.

С началом войны Корольков отказывается от эвакуации и остается в Ростове. В немецких войсках он, как и мно-

гие казаки, видит освободителей от большевиков, вместе с донским историком Краснянским участвует в работе созданного казаками Донского правительства.

Как рассказывал мой учитель, немцы будто бы уговаривали Королькова уехать при их отступлении с Дона, но он не соглашался. Конечно, ничего другого в то время говорить было просто нельзя. Сам же Сергей Григорьевич и очевидцы свидетельствовали, что он не мог не уехать - речь шла о спасении жизни. Да и жена его происходила из прибалтийских немцев. Для вывоза произведений Королькова был выделен грузовик.

В 1943 году в Германии Корольков создает по заказу властей бюст Гитлера - столь удачно, что изображение тиражируется на миллионах почтовых марок "Третьего рейха".

После войны Корольков, благодаря заступничеству родственника-эмигранта - члена Донского Казачьего круга в изгнании Н.Е. Королькова - избежал выдачи в СССР.

Сергей Григорьевич перебирается в США, работает на трикотажной фабрике. Одновременно он иллюстрирует разные издания, в первую очередь русские. Со временем становится одним из лучших мастеров американской ассоциации скульпторов. Известны его скульптурные фигуры президента Линкольна, Степана Разина, портрет Ермака, цикл иллюстраций к очеркам о сибирских лагерях НКВД...

Но самую большую известность ему принесло большое живописное полотно "Гибель казаков в Лиенце, в 1945 году", воспроизводящее избиение и выдачу казаков советским властям. Побывав на месте трагедии, я поразила точности, с которой Корольков изобразил это место. Величие и красота Альп на картине ещё более подчеркивают ужас происходящего у их подножия. Но контраст этот - не только художественный приём, но и историческая точность. В тот день действительно ярко светило солнце, сия-

ли снежные вершины, но на следующий день природа как будто дала волю своей печали по убиенным казакам - над землей нависали хмары, моросил дождь. И так повторяется с тех пор каждый год вот уже более 60 лет!..

По мере роста известности опального художника в Америке вспоминает о нем и со-

ветская власть. Чтобы заманить его на Родину, привлекают бывших соучеников и коллег - уговаривать вернуться, обещая "прощение". Говорят, сам Шолохов пытался встретиться со своим лучшим иллюстратором, но безуспешно.

Умер он в 1967 году. Несмотря на успех, люта тоска по Дону преждевременно свела его в могилу. Вскоре после этого старшую дочь Сергея Дмитриевича, за которой Корольков одно время ухаживал, даже собирался просить руки, вызвали в "органы". После наводящих вопросов и грозных недомолвок сообщили, что Королькова С.Г. не стало, даже дали прочитать из рук его последнее письмо к ней...

* * *

Когда самого С.Д. Михайлова не стало и он был похоронен на старом кладбище Нижне-Гниловской станицы в Ростове на Дону, его дочь пригласила меня в комнату, где мы когда-то занимались: "Папа давно собирался подарить тебе на память любую вещь или книгу, которую захочешь, поэтому выбирай". Я попросил фотографию Королькова. Вот и остались у меня сделанный Корольковым скульптурный стек, которым он пользовался в работе и ещё ранее переданный мне нашим общим учителем, да эта фотография с краткой надписью на обороте: "Старшему тёзке Сергею Дмитриевичу, Сергей Корольков. 29/III-37 г."

К. Чернявский

Иллюстрации - рисунки С. Королькова к "Тихому Дону" и фото рельефа "Донская Ванда" с фасада ростовского Драматического театра.

Художник Корольков

Сергей Григорьевич родился в 1905 году в Константиновской станице. Молодые впечатлительные дореволюционные годы он провел среди чарующих воображение степей Сальского округа, где отец его служил на зимовнике у своего родственника. По рассказам моей мамы - дочери старшего из братьев коннозаводчиков Ивана Яковлевича Королькова - на главном "Тудовском" зимовнике на Пасхальные и Рождественские празднования собирался многочисленный род казаков Корольковых. С ранних лет в них принимал участие и маленький Сережа. Чуть ли не с пятилетнего возраста он никогда не расставался с тетрадкой, на страницах которой с поразительным сходством зарисовывал лица присутствующей бородатой старообрядческой родни.

Мельком взглянув на объект зарисовки, отвернувшись, маленький Сережа безошибочно вырисовывал его. И однажды попавшийся на глаза сюжет не покидал его памяти до конца жизни. По словам близкого знакомого Королькова, Михаила Васильевича Миллера - однажды Корольков мгновенно, на клочке бумаги нарисовал портрет человека, виденного им мельком лишь раз, лет 20 до этого разговора.

Казачий, несравнимо привольный быт, беспредельные задонские степи, дружба с табунчиками-казаками, их рассказы по вечерам где-нибудь в степи при тлеющем костре навеки врезались в впечатлительную душу подростка-казака.

Из окружающего живописного мира более всего молодого казака притягивает красота, изящность и резвость донского красавца-коня. С малых лет, как и каждый подрастающий казачонок, он бесстрашно, задыхаясь от испытанного блаженства, скачет по степи. Врожденный художник внимательно изучает каждый мускул, каждую жилку, каждую привычку верхней своего друга-коня. Его восхищение и любовь к казачьему природному коню не допускала ни критики, ни сравнения.

Однажды, при разговоре с Сергеем Григорьевичем о достоинствах донской конской породы, я имел неосторожность упомянуть, что, благодаря ее скрещиванию с англосаксонской и арабской, моему деду удалось достигнуть значительного ее усовершенствования. С привычной резкостью и откровенностью, не считаясь ни с моим самолю-

бием, ни со всеобщим признанием знанием дедом коннозаводческого дела, он безапелляционно заявил: "Чепуха, вздор, посторонней смесью донского коня улучшить невозможно. Посторонней кровью донцака только можно испортить, так как он из себя представляет нечто законченное, на редкость красивое и совершенное!"

Спорить было безнадежно, не переубедить, но даже уговорить его выслушать иную точку зрения было невозможно. Бывали случаи, когда в гостях, за столом, если чей-нибудь рассказ или высказывание личного мнения Королькову были не по вкусу, он вставал и уходил в другую комнату.

Мне всегда приходила мысль, что той же принципиальной и непоколебимой стойкостью отличались родственные ему староверы никоновских времен, казаки - Некрасовцы и многие другие казаки, во имя своих непоколебимых убеждений стойко и добровольно принимавшие мучительную смерть или не менее мучительное изгнание...

Своих возлюбленных коней он изображал в напряженном, ничем не ограниченном движении, с раздувающейся на ветру гривой, с раздутыми дымящимися ноздрями и вздутыми до отказа мускулами лоснящегося от пота тела. От знатоков искусства, знакомых с трудами Королькова, нередко приходилось слышать, что в руках Сергея Королькова инертный кусок материи мгновенно, даже до окончания работы, превращается в одухотворенное, восхищающее зрителя и всегда в движении "живое" существо...

Гражданская война бесповоротно уничтожает беззаботную жизнь молодого казака. Все привычное и дорогое, к чему с младенческих лет привязан юноша, исчезает. Гибнет отец, умирает старший брат. На окончание среднего образования нет никакой надежды, и Корольков вместе с матерью перекочевывает в глушь устья Дона, на хутор Шмат. В тяжелые послереволюционные годы главная задача - самому как-нибудь выжить, а также и обеспечить стареющую мать. Благодаря крепкому телосложению пятнадцатилетнему Сергею удается устроиться в рыбацкую артель.

В свободное от работы время он зарисовывает отдельные эпизоды жизни рыбаков. Когда нет клочка бумаги, из глины вылепливает сюжеты из окружающей его природы...

Впервые его увидели в окрестностях станицы Елизаветинской в 1926 году выезжавшие в те места на этюды ростовские художники - внимание их привлекла стоящая на берегу Дона мастерски вылепленная из глины большого размера фигура рыбака.

Талантливую самоучку пригласили в Ростов в популярную в художественных кругах тех лет школу Андрея Семеновича Чиненова. Хорошо знавшие Королькова живописец П.С.Келлер и график А.Е.Глуховцев довольно колоритно описывали его внешность: в школу он пришел в огромном тулупе, в забродских сапогах, подпоясанный кушаком из куска сети. Физически сильный, характера резкого. Его отличала большая сила воли и огромная работоспособность.

Корольков мог рисовать целый день, не уставая, в кармане у него часто торчал кусок деревянной ножки от разломанного стола, из которой он вырезал какую-либо фигурку.

Когда Сергею исполнилось 22 года, в Ростове состоялась его первая выставка. В 30-х годах Корольков приступает к исполнению первого скульптурного заказа - горельефов на тему Гражданской войны на фасаде Ростовского театра.

При поступлении в Академию художеств природный талант Королькова был высоко оценен, но в приеме ему отказали. Проходить курс изучения, подражая существующим художественным школам и течениям, при наличии властного и непреклонного характера поступающего преподаватели нашли нецелесообразным. По словам супруги Королькова Елизаветы Ивановны, с которой он познакомился в Академии - при отказе было заявлено: - У вас, Сергей Григорьевич - свой сложившийся стиль. Учить вас нам нечему. Боюсь, что пребывание ваше в Академии принесет один вред. То, что вы желаете выразить, вам будет легче исполнить без изучения иных, часто противоречивых художественных течений.

Перед выпуском "Тихого Дона" Шолохов пожаловался М.Горькому, что не смог найти удовлетворительного иллюстратора к роману. Горький ответил, что всеобщие розыски безнадежны: тема тесно связана с редкостью колоритным казачьим бытом, могущим быть справедливо воспроизведенным лишь исключительно чутким и талантливым местным жителем - казаком, и посоветовал связаться с Корольковым.

Исполненные Корольковым рисунки полностью удовлетворили Шолохова.

Его поразило невероятное, исчерпывающее знание художником донского коня, казачьих ужимок и т.п.; но, считая себя непревзойденным знатоком казачьего быта, он не успокоился, пока после долгого изучения рисунков, не нашел маленькой неточности в сбруе коня.

Друзьями они не стали, уж слишком самоуверенны были их характеры, но уважение к творчеству Королькова Шолохов высказал. На экземпляре первого выпуска романа в ростовском Музее краеведения надписано: *"Тем охотнее растишусь на этой книге, т.к. она снабжена поистине уникальными в своей правдивости и знании донского быта иллюстрациями Королькова. М.Шолохов 12.1.1969 г."*

"Корифей всех наук", в том числе художественных, был иного мнения. Склад жизни казаков, уничтожение которых еще продолжалось, воспеванию не должен был подлежать, и иллюстрации Королькова при следующем издании книги исчезли, были заменены рисунками, имеющими мало общего с казачеством...

Для заработка на жизнь Королькову, не переносящему притворства и подхалимства, приходилось выполнять заказы выставочных скульптур, провозглашавших достижение социализма: стахановцев-шахтеров, доярок и рабочих. Когда же ему предлагалось лепить бюст Сталина, он упорно отказывался, оправдываясь тем, что до выполнения подобных "шедевров" еще "не дорос". Последовали допросы. Спасла Королькова найденная при обыске переписка с Шолоховым и другими неприкосновенными особами коммунистической иерархии в отрасли искусства. Королькова выпустили, но постоянная слежка беспрестанно напоминала, что его личность для властей, в лучшем случае, подозрительна.

Необыкновенную силу характера и убеждений Корольков проявил во время допросов. В архивах Ростовского УКГБ сохранился документ - собственноручно написанная им автобиография. В ней есть и характеристика влас-

ти, в руках которой находилась его судьба: *"Советскую власть я рассматриваю как неприемлемую для народа, и в первую очередь для себя. Особенно возмущает меня политика правительства по коллективизации. На мой взгляд, крестьянин должен иметь индивидуальное хозяйство, ибо по психологии своей всегда является собственником. Только совокупность подобных сельских индивидуальных хозяйств могла бы обеспечить благосостояние страны... мои политические симпатии были на стороне казачества"*

Корольков не считал себя гражданином СССР, от вступления в партию, в профсоюз и даже от голосования категорически отказывался...

В 1942 году при эвакуации Ростова уходящие на восток поезда заполнялись заслуженными слугами режима и их имуществом. Рядовому населению велели отступать, но многие эвакуироваться не смогли - в их числе и Корольковы.

После Сталинградской битвы, до вступления советской армии в Донскую область, десятки тысяч казачьих семей, избегая новых гонений, предпочли избрать терновый путь изгнания. Перед уходом Корольковых не повелавшая присоединиться к ним престарелая мать, поставив невестку перед образами на колени, велела ей поклясться, что та ни при каких условиях не покинет ее неприспособленного к житейским трудностям непрактичного сына. И лишь после этого благословила покидающих родину детей.

Продвижение на Запад, часто пешком, длилось несколько месяцев. Многие, особенно старики и дети, своими трупами усеяли путь изгнанников. На телегах, запряженных волами, конями, а иногда и верблюдами, покидали родной край

"Гибель казаков в Лиенце, в 1945 году"

обездоленные "враги народа". Городские жители, за неимением тягловой силы, тянули свои пожитки на своих спинах.

После войны в западных оккупационных зонах побежденной Германии и Австрии победителям были созданы репатриационные лагеря, где по национальному признаку собирались те несчастные, что во время войны были вывезены врагом на принудительные работы. В одном из лагерей, в городе Парш в Австрии, удалось приютиться Корольковым.

По лагерям бесконечно шныряли так называемые "репатриационные офицеры", стремящиеся выловить и отправить на родину несчастных, которые скрывались под подделанными документами белых эмигрантов. На Королькова советские "органы" вели особую охоту, но разразившаяся вскоре "холодная война" не дала советским властям возможности завершить ее.

Несмотря на опасность быть выданным, на трещку нервов очередными посещениями и допросами советских чиновников, жители лагерей в зонах оккупации западных "союзников" стремились создать подобие мирной, целеустремленной социальной жизни. Чуть ли не с первого дня в лагере закипала общественная деятельность. В первую очередь жители его организовывали церковь, а за ней - начальную школу, гимназию, детскую воспитательную организацию, театр, образовательные курсы... Нередко бывало, что в наскоро созданном среднем учебном заведении преподавали бывшие профессора российских университетов. Так в Германии и Австрии возникло множество микроскопических русских центров - маленьких "родин", где упорно воспитывалось будущее, не искалеченное марксистским "учением" поколение русских детей.

В лагере перемещенных лиц в городе Парш Сергеем Григорьевичем был основан кружок изучения живописи. В нем собралось около десятка молодых художников. Между ними выделялись художники Бобринский, Попов, Чер-

кашенинов. Много лет спустя, при посещении Корольковым Монреаля, я смог убедиться, с каким уважением и любовью относился к нему его бывший ученик Григорий Попов. С не меньшим почтением к Королькову относились и остальные представители русской лагерной интеллигенции. С одним из них, Михаилом Васильевичем Миллером, впоследствии в Калифорнии мне привелось сдружиться.

Миллер был литературоведом; его любовь к родному Дону была причиной многолетней дружбы с Корольковым. Както в лагере сунул Миллеру рукопись. Кратко, без ложной скромности, сказал: - *"Прочтите! Что написано хорошо - сам знаю, но хотелось бы, чтобы и вам это было известно"*.

Рассказ касался повседневной, казалось бы, ничем не привлекающей внимания тяжелой артельной жизни рыбаков в гирле Дона. Миллера поразила изумительная память Королькова, потрясающая привязанность ко всему родному, понимание психологии рыбака. Но больше всего произвел впечатление на него, родившегося вблизи описываемых мест, неподдельный, невыразимо образный рыбацкий язык казаков низовья Дона...

В конце 1948 года, благодаря заручительству Николая Евдокимовича Королькова, эмигрировавшего в 20-м году, Корольковы с родившимся в 1945 году сыном Александром переезжают в Нью-Йорк. Квартиру они снимают в северной части города - в том же доме, где этажом выше жил дирижер донского хора Сергей Жаров.

Устроиться по профессии, не зная языка, всегда трудно, а тем, кому не привелось приобрести ремесло - почти невозможно. Чета Корольковых поступает на фабрику, изготавливающую материю. Меняющаяся мода заставляет предприятие без конца менять узоры ткани. Этой униженной для художника работой Корольковым и пришлось зарабатывать на существование.

По словам Сергея Григорьевича, духовной отдушиной для него стали еженедельные встречи в его квартире с русскими знакомыми. На них часто присутствуют и представители американской интеллигенции. Благодаря новым знакомствам Королькову удается заручиться несколькими заказами.

В это время в еженедельном журнале "Life" появляется серия зарисовок рассказа о мифическом восстании Сибирских концлагерей. Подобно иллюстрациям "Тихого Дона", рисунки эти потрясают неподдельным реализмом. На изможденных лицах арестантов - все чувства, которыми руководится масса во время стихийного восстания. В противовес иллюстрациям "Тихого Дона", где почти исключительно воспроизведены типы донских казаков, на этот раз в цветных иллюстрациях представители всех народов страны.

При первой встрече с Сергеем Григорьевичем, восторгаясь увиденными зарисовками, я воскликнул, что теперь, в свободной стране, он сможет дать полный ход ничем не ограниченной фантазии и творчеству. Но он лишь печально покачал головой: *"Советская власть всеми мерами борется против проявления у своих граждан любого рода творческой инициативы. Для проведения в жизнь своих политических замыслов ей нужны покорные холопы, способные лишь на беспрекословное исполнение партийных заказов. В подобной атмосфере полностью атрофируется не только умение, но даже и желание проявлять личную творческую инициативу"*.

Однако он упорно боролся, стараясь усилием воли воссоздать творческое воображение. В квартире его на стене висели портреты Атамана Платова и Ермака. На полке камина - бюст Жарова. Вся гостиная была заставлена вылепленными из пластилина фигурами на тему американской ковбойской героики. Я не мог оторвать глаз от скачущего индейца, копьем стремящегося убить разъяренного бизона. Не менее потрясающее впечатление производил поединок

краснокожего с ковбоем. Поражала кропотливая деталь, но она ни в коем случае не отвлекала зрителя от главной задачи мастера - необъяснимого умения из инертного материала создать динамическое чувство действия и движения.

Но для выливания бронзовых статуй исключительных скульптур были нужны средства, которых ни у самого Королькова, ни у его знакомых не было. Из-за летней жары фигуры постепенно теряли свою форму...

После переезда моей семьи в Калифорнию летом 1960 года на каникулы к нам приезжают и Корольковы. В Лос-Анжелесе они встречают ряд своих друзей по Европе; мы посещаем студию преуспевающего знакомого художника, но, несмотря на финансовый успех последнего, на т.н. "современное творчество" Корольков смотрит отрицательно.

В послевоенные годы США охотно впускали к себе лишь молодых людей, обладающих ремеслом. Интеллигенты, старики и дети могли получить визу только при поручительстве проживавших в Америке родственников или знакомых, обязующихся, в случае надобности, содержать выписываемых ими. Несмотря на скромность личных средств, Корольковы всякими правдами и неправдами выписывают многочисленных соотечественников. Квартира их превращается в убежище, где не имеющие крова приезжие всегда могут найти крышу и пропитание. Нуждающимся было известно, что Корольковы поделятся последней копеечкой; о возвращении же долга упоминать не будут.

Несмотря на оторванность от Родины, многочисленные житейские трудности, работы Королькова последнего периода жизни, может быть, ярче всего подчеркивают его редкое дарование. В эти годы все сюжеты его творчества касаются любимого казачества. Будто художник желал в последний раз подчеркнуть свою ничем не ограниченную, безграничную любовь к народу, к которому принадлежал.

На громадном полотне он воспроизводит избиение и выдачу казаков в Лиенце в 1945 году, когда во время Пасхального Богослужения части английской пехоты, при помощи танков и ружейных прикладов, перед выдачей в руки советской власти избивают толпу казаков, казачек и детей...

Потрясает и памятник Ермаку. На скале, в царском панцире, опершись на саблю, сидит "объятый думой" покоритель Сибири. Складки накинутого на плечи плаща как будто колышутся в порыве северного ветра. Ермак и в бронзе жив, он вот-вот встанет и протянутой рукой укажет рати направление к новым схваткам, подвигам и славе...

Непримиримость Королькова к советской власти была безоговорочной. На вопрос, не желает ли он посетить привезенную в Нью-Йорк из СССР выставку, где экспонируется его же работа, он ответил, что с советской властью у него никакого сношения быть не может, и своим денежным взносом за входной билет субсидировать советы он не намерен.

В конце 1959 года в США приехал Хрущев. С собой он захватил и Шолохова, чтобы уговорить Королькова вернуться на Дон. От встречи этой Корольков отказался.

Еще в первые годы в США Сергей Григорьевич потерпел сердечный удар; по указанию врачей он бросил курить, даже на Пасху не дотрагивался к традиционной рюмке водки. Скончался он от разрыва сердца в 1967 году, в возрасте 62-х лет. Похоронен на казачьем участке Свято-Владимирского кладбища на ферме Рова в штате Нью-Джерси.

На похоронах многие соотечественники говорили не только о личной потере - редкого, верного друга, но и что мир покидает исключительно талантливый, человек, не преклонившийся перед ненавистной властью, невероятной воли казак, во имя своих убеждений принесший и высшую личную жертву - добровольное, мучительное изгнание...

В.И. Быкадоров (Калифорния)

"Расстрел учеников ремесленных училищ в Донбассе осенью 1941 года."

При эвакуации учащихся ремесленных школ, когда немцы отрезали путь отступления, мальчики были расстреляны сопровождавшими их охранниками - чтобы не попала в руки врага "квалифицированная рабочая сила". Среди расстрелянных был и брат казака Григория Зорина.

Красноармеец Зорин попал в плен тяжелораненым, отбивая в одиночку с пулеметом наступление врага. Вернувшись домой и узнав, как и кем был убит его брат, он вступил в казачьи части. После войны, избежав выдачи в СССР, он нашел убежище в беженском лагере Парш, где и познакомился с Корольковым. Став членом организации НТС, участвовал в закрытой работе. Потом уехал в США, был призван в армию и послан в Корею, произведен в сержанты. Г. Зорин героически погиб в Корее, и опять - с пулеметом в руках...

Кстати, известно, что преступление, аналогичное описанному выше, было совершено и при отступлении Красной Армии в 1941 году под Одессой. Совпадение? Вряд ли... На такое командиры могли решиться, лишь располагая вполне ясными инструкциями с самого верха!

Терский казак в Океании

памяти ветеранов Галлиполи (1920 - 1921 гг.)

“Белое движение и завершившее его галлиполийство есть удержание России на гиблом срыве, явление бессмертной души Ея, ценнейшего, чего отдавать нельзя: национальной чести, высоких целей, назначенных Ей в удел, избранности, быть может, национального сознания. За это, за невестественное, за душу бились Белые Воины...” Так оценивал “галлиполийское сидение” в 1927 году Иван Шмелев.

Что же было на турецком полуострове Галлиполи (европейская часть Турции), где оказались русские беженцы?

Родина потеряна, впереди полная неизвестность. Многих охватило уныние. Душевный упадок приводил к тому, что военные порой не отдавали честь старшим по званию. Жизнь проходила в холодных палатках, одолевали голод, болезни, а главное - беспросветность. Армия грозила превратиться в неуправляемую толпу морально сломленных людей.

К февралю 1921 года армия в Галлиполи насчитывала 48319 человек, половина из них - офицеры. П.Н. Врангель и его соратники, в первую очередь генералы А.П. Кутепов, П.А. Кусонский, П.Н. Шатилов, считали своим главным делом сохранить кадры будущей армии. Огромную роль отводили дисциплине.

Генерал Кутепов отдает приказ по 1-му Армейскому корпусу: *“Для поддержания на должной высоте доброго имени и славы русского офицера и солдата, что особенно необходимо на чужой земле, приказываю начальникам*

тщательно и точно следить за выполнением всех требований дисциплины. Предупреждаю, что я буду строго взыскивать за малейшее упущение по службе и беспощадно предавать суду всех нарушителей правил благочестивости и воинского приличия...”

Уже через три недели наступил перелом. Начались занятия в гимназии имени барона П.Н. Врангеля. В лагере перед каждой частью красовались эмблемы полков. Развевались русские флаги. Подтянутые юнкера несли караульную службу. Постепенно Армия создала вокруг себя атмосферу русской государственности.

Росло и уважение к русским местного населения. Французы, фактически бывшие здесь хозяевами, поблекли. Разрешать споры турки шли к “Кутеп-паше”.

Зарождалась Галлиполийская Академическая группа. Поэты, писатели, художники издавали рукописные журналы. Около развалин Акрополя возник корпусной театр. Все больше появлялось хоров. А хор Алексеевского полка под управлением регента и композитора поручика Сорокина в 1925 году на Всемирной выставке в Париже получил первый приз. Представительство Всероссийского Земского Союза помогало культурно-просветительской деятельности. Проснувшаяся творческая активность, вера в свои силы привели к тому, что люди стали объединяться в кружки по интересам. Фактически вся Россия отразилась в них: медики, агрономы и инженеры, шахматисты, любители древностей, музыканты, фотографы - все объединялись, творили. Тем спаслись, оставив нам, потомкам, порой пребывающим в унынии, высочайший пример человеческого духа и завет: *“Только смерть может избавить тебя от исполнения Долга!”* И на памятник погибшим галлиполийцам каждый принёс свой камень.

В 1920-22 гг. собранные воедино части 1-го Корпуса стали грозной силой, которая тогда очень напугала Европу. Когда стало ясно, что военные действия возобновить не удастся и армию невозможно сохранить в неизменном виде, П.Н. Врангель решил, что она будет существовать в “полускрытом виде”. Отправка

армии в Болгарию и Югославию началась 22 мая и закончилась к середине декабря 1921 г. За рубежом из Русской Армии был создан Русский Обще-Воинский Союз, который объединил кадры её воинских частей. В РОВС вошли почти все воинские организации, сохраняя свои названия и самостоятельность.

Все эти исторические события сплелись в жизни терского казака станицы Червленной Николая Ивановича Мишутушкина. В 1964 году он писал: *“В наших условиях жизни и стоящих перед нами задач совершенство общественной жизни заключается в справедливости, соединенной с дружбой. Как этого недостает нам, россиянам”*. Он всю жизнь хранил рисунки своего друга, сделанные в Галлиполи и Шумене (Болгария).

Архив отца сохранил для нас его сын, Николай Николаевич Мишутушкин, известный художник, собиратель и знаток искусства Океании. Офицер ордена искусства и литературы Франции, один из создателей герба и флага Республики Вануату, Мишутушкин-младший живет здесь уже более 40 лет. Знают его и в России: около 10 лет его коллекция путешествовала по городам СССР - Новосибирску, Москве, Санкт-Петербургу, Хабаровску, Тбилиси, Еревану, Фрунзе.

Архив отца сохранил для нас его сын, Николай Николаевич Мишутушкин, известный художник, собиратель и знаток искусства Океании.

Офицер ордена искусства и литературы Франции, один из создателей герба и флага Республики Вануату, Мишутушкин-младший живет здесь уже более 40 лет. Знают его и в России: около 10 лет его коллекция путешествовала по городам СССР - Новосибирску, Москве, Санкт-Петербургу, Хабаровску, Тбилиси, Еревану, Фрунзе.

Н.И. Мишутушкин с женой Анной Ивановной - сестрой милосердия, 1921 год.

Н. Мишутушкин, 1953 год

С женой и юнкерами. Снимок подписан: “Память о Галлиполи 8 сентября 1921 г. Глубокоуважаемому начальнику и другу поручику Мишутушкину от юнкеров старшего курса Желвзвода”.

Сценки из жизни на Галлиполи. (неизвестный художник). Архив Н.Н. Мишутушкина

Н. Мишутушкин мечтает создать в Москве музей Океании, подарив большую часть своей коллекции родине предков. Тем самым продолжилась бы историческая связь России и Океании, которую осуществляли русские ученые и путешественники (В.М. Головин, Н.Н. Миклухо-Маклай). Но мечта эта пока не осуществилась...

“Я родился от русских родителей, - пишет Николай Николаевич. - Они вкладывали все, старались мне передать уважение ко всему русскому”.

Думаю, эта история будет иметь продолжение. Возможно, мы узнаем имена художника и тех русских офицеров, которые его вдохновляли в беженских лагерях в Галлиполи и Болгарии. А однажды, как верит терский казак с острова Эфате, в Москве откроется музей Океании!..

Т. Таболина

Терский казак Николай Николаевич Мишутушкин - представитель МИД Республики Вануату по вопросам культуры, и вид на остров Эфате, где он живет.

“Кубанский, казачий...”

Можно уверенно сказать - сегодня русский народный дух в большей мере сохраняется именно в **казачьих песнях**, чем, собственно, в русских народных. Это доказывается невероятной популярностью казачьих песен, и не только в казачьей среде. И ясно, почему так сложилось.

В условиях, когда народная песня перестает бытовать в естественном, стихийном виде, единственным убежищем для нее, хранителем становится профессиональный песенный коллектив, сцена. Но они-то в “информационном” обществе и оказываются легко регулируемы. И не из цензурных соображений, а из мировоззренческих, идеологических.

При этом за *народное* очень легко выдать нечто *лубочное*, пряничное, чуждое народному духу. Что и происходит с русской песней. Глубины народного сознания, проявляемого в ней, в которые подчас и заглядывать страшно, востребованные в любые времена, при этом, по сути, отринуты.

Но, оказывается, и казачьей песне грозит та же опасность! Нет, о запретиительстве, как ранее, речь не идет. Наоборот, декларируется возврат к традиционным народным ценностям. По сути же, происходит их изымание из общественного сознания, но иными средствами - **искажением их духа и смысла**. В этом и состоит коварство и лукавство ситуации.

Что это действительно так, свидетельствуют изменения, происшедшие в репертуаре **Государственного академического Кубанского казачьего хора** (художественный руководитель - **Виктор Захарченко**). И не просто изменения, а **кардинальное изменение художественной направленности** прославленного народного коллектива. Из репертуара настойчиво и последовательно **вытесняется собственно казачья народная песня**, подменяясь современными песнями на стихи русских поэтов, как прошлого, так и нынешнего времени. Причем - на музыку самого художественного руководителя хора.

Уже два года Кубанский казачий хор приезжает в Москву, собственно, **без казачьей песни**, повергая в недоумение столичных зрителей. Ведь именно казачьей народной песни от казачьего хора здесь ждут, а не вариаций современных песен - они могут быть представлены другими коллективами. Вот и очередное выступление хора в рамках “Рождественской хоровой программы” 13 января, в зале церковных Соборов Храма Христа Спасителя, содержало только **три** народных песни! Кроме же фрагментов Рождественского обряда, программа состояла из песен Виктора Захарченко на стихи Ф.Тютчева, И.Бунина, Ю.Кузнецова, В.Кострова, Н.Рубцова, А.Заволокиной...

Оправдана ли такая подмена в репертуаре народного хора? Нет, абсолютно ничем не оправдана. В период брожения умов и нетвердости душ людей, да что там - коллективного умопомрачения, неизбежного в революционную эпоху, - именно через обращение к народным традициям люди возвращаются к самим себе, своей ментальности, устаив блуждать по бездорожью всевозможных мировоззренческих и идеологических заморочек.

Причина столь резкого изменения репертуарной направленности хора неубедительна. По логике художественного руководителя, время “варэнэчкив” прошло (это такое со-

бирательное обозначение всего народного - из песни “А мий мыйль варэнэчкив хоче”). Теперь, мол, требуется “другое”.

“Требуется” - это призыв, прямое обращение. О, как это памятно еще со времен В.Белинского с его “социальностью”! Правда, ни к какой мобилизации людей это не приводило, а оборачивалось в его последователях к откровенному вульгарному социологизму, к надрыву народной традиции. Из лучших, безусловно, побуждений...

Почему “требуется” именно это, кто определяет требование? “Рынок”, “спрос”? По аналогии - под прикрытием этих пресловутых “рынка” и “спроса” сегодня, по сути, изъята литература из общественного сознания. И кто убедит, что народ требует этого откровенного печатного бесстыдства?..

Ссылка на “спрос” более чем неубедительна. Очевидно, что критерием для **народного** хора должна быть не конъюнктура, не некая умозрительность, а сама народная песенная традиция!

На примере Кубанского хора мы видим, как народный коллектив становится просто авторским хором одного человека. Пусть талантливого - но мы-то говорим о народной песенной традиции, в конечном итоге - о духе народном...

Между тем в нынешней “Рождественской хоровой программе” первое отделение концерта составило выступление мужского хора Московского Сретенского монастыря (второе отделение - Кубанского). Удивительно, но именно хор Сретенского монастыря, призванный исполнять духовную музыку, обратился к казачьим песням! Во всяком случае, была исполнена старинная казачья песня “Ой, на гори, тай жэнди жнуть”, а также популярная воинская песня “Не для меня придет весна”.

Попутно замечу, что последняя есть и в репертуаре Кубанского казачьего хора. В программах песня настойчиво помечается как безымянная, хотя это романс на стихи поэта А.Молчанова, написанные им в 1838 году на борту флагманского корабля Черноморского флота “Силистрия”. Они изданы в полном виде в сборнике “Офицерский романс”. “Песни русского воинства” (“Граница”, 1999 г.), с указанием авторства и описанием биографии песни. Но это - к слову...

Удивительным было обнаружить, что церковный хор обращается к казачьим песням, свидетельствуя об их востребованности обществом, а казачий хор от казачьих народных песен, по сути, отказывается. Ситуация, что и говорить, довольно странная, не оправданная никакими апелляциями к “велениям времени”!..

П.Ткаченко (“Новая газета Кубани”)

PS: Как стало известно, мысли статьи П.Ткаченко о Кубанском казачьем хоре поддержали многие в крае. Зато руководителем хора В.Захарченко она была воспринята как личная обида. В редакцию “Новой газеты Кубани”, первой опубликовавшей статью, пришло официальное письмо, в котором руководство хора просит приостановить доставку газеты в свой офис (подписку эту в начале года оно по собственной инициативе оформило после мажорной публикации о хоре).

Байки деда Игната

Эти семейные предания - порой забавные, порой странные, но всегда очень правдивые (“*дед Игнат брехать не станет!*...”), в чем и есть их главные достоинства и ценность - являются, видимо, той нитью, что связывает воедино несколько поколений кубанского рода Радченко. Это такая красота, что мы не могли не поделиться ею с читателями. Обещаем в следующем номере продолжить печать баек - они того заслуживают. Вот она, настоящая народная культура - и не умершая, не оставшаяся где-то далеко позади сегодняшнего дня, а живая, развивающаяся!..

Рассказывал байки в 1930-х годах Дмитрий Игнатьевич Радченко (тот самый “*дед Игнат*” - так звали его в семье). Он родился в 1879 году в станице Старожижестеблиевской. Из казачьего рода, обосновавшегося на Кубани при Екатерине II. Служил в Собственном Конвое Его Императорского Величества Николая II. Умер в 1956 году. Записал же всё через много лет его внук - **Виталий Григорьевич Радченко**, приведя в письменную форму устные предания, слышанные в детстве. Это огромный труд: около 200 страниц, с сохранением стиля рассказчика и самого аромата прежней жизни на каждой!..

Отдельное спасибо праправнучке “деда Игната”, Софии Пономаревой - это благодаря ее стараниям байки были набраны и попали в нашу редакцию.

“Байки деда Игната, о том как жили когда-то” - запись преданий, передававшихся из уст в уста в нашем роду приблизительно со времен Екатерины II. Они рассказывают о жизни казаков до переселения на Кубань, как осваивали новые земли, о Кавказской войне и взаимоотношениях с горцами, жизни станиц в 19-м веке, службе, обычаях и бытовавших суевериях. Значительная часть баек - воспоминания казака, служившего в Конвое Государя Николая II примерно до 1904 года, и о том, что происходило на Кубани в Гражданскую.

У каждого деда был свой дед. Внуки нынешних дедов про это как-то не думают. Для них родословная вглубь времен далеко не уходит. А вот мы, внуки нашего деда, хорошо знали, что у него был дед, у которого в свою очередь, тоже был дед. А где-то там, в таинственной дымке прошедших веков, землю топтали какие-то наши пра-пра-пра... А знали потому, что наш дед любил рассказывать о своем деде, а мы, внуки нашего деда, любили слушать. В отличие от моих внуков, коих куда больше интересуют побасенки из телевизионного ящика. В нашем детстве его не было, и для нас дед Игнат заменял не только телевизор, но часто и кино, и радио...

Деды наши рассказывали-баяли, что знали, мы, внуки, им поддакивали, а что в тех байках правда сушая, а что брех несусветный, нам не дано знать. Когда, бывало, бабуля Лукьяновна уличала деда в том, что он, мол, про это совсем недавно говорил не так, дед не смущался, благодарил за подсказку: время, дескать, идет, что-то забывается, а что-то, глядишь, и вспомнится. Байка - не сказка, утверждал он, а сказкина тетка, и боль ей родная сестра...

- Ну, ты у нас молодец, - говаривала бабуля. - Выкрутился!
- Конечно, молодец, - соглашался дед. - Если я не молодец, то и свинья - не красавица! А байка, она и есть - байка. Что было, то было... Байка - трава, придумка - вода, а без водицы - и травка не родится...

И вот я, внук моего деда, решил на склоне лет своих байки те записать: вдруг внуки моих внуков захотят узнать, как жили их деды и прадеды. И так, слушайте, внуки моих внуков, байки деда моего деда. О том, как жил, что думал и делал дед вашего деда, да, часом, и сам дед...

В. Радченко

Виталий Григорьевич Радченко - родился в 1927 году в станице Старовеличковской. Полковник воздушно-десантных войск, член Союза журналистов, автор нескольких книг по истории Кубани.

Байка первая, но не самая главная, потому что байки все главные, но и среди главных бывают первые

Любимый рассказ нашего деда, с которого он обычно начинал свои беседы, - байка о том, как его дед, отслужив пятнадцать или двадцать годков, получил первый и, вероятно, единственный в его жизни отпуск. В то время шла Кавказская война, длилась она бесконечно долго, и в ней пришлось участвовать трем, если не четырем поколениям нашего рода. С горцами воевал не только прадед моего деда Игнат, но и его дед, которого звали Касьян. Так уж тогда велось, что в семье имена повторялись, чередуясь один за другим. Касьян следовал за Игнатом, или наоборот. Им предшествовал Григорий или Спиридон, Дмитрий, опять Касьян... Только в начале нашего века в этот порядок вклинились Кирилл и Виталий. По слухам, так звали станичных попа и дьякона, с которыми приятельствовал отец моего деда. Вот только, кто из них был попом, а кто - дьяконом, в этом месте скрижали семейных преданий поистерлись и, как говорится, дают осечку...

Отпуска дед Касьян удостоился за хорошую службу, за находчивость и ратную хитрость-смекалку, что в этом деле, скорее всего, было решающим. Их отряд, войдя по ошибке не в то ущелье, проник глубоко в горы - впереди и по сторонам громоздились непролазные скалы, а сзади ущелье замкнули немирные горцы. Пробриться сквозь них без большой потери было вряд ли возможно: в горах один абрек, засевший где-нибудь вверху, мог перестрелять сколько угодно людей, идущих понизу. И такое бывало... Командир части, собрав стариков и объяснив, что к чему, сказал, что выход один - положиться на волю божью и изготавиться к смертному бою. И тогда наш Касьян предложил во главе прорывающихся из западной поставить оркестр, и когда малость стемнеет, идти напролом под марш и барабанный бой.

Так и сделали. Горцы, до этого никогда не слышавшие громогласной музыки (а легко представить, как она громыхала в узком ущелье!), были ошарашены. И природное их любопытство оказалось сильнее враждебности - они с интересом взирали на происходящее внизу, в ущелье. А казаки тем временем прошли самый опасный участок.

Да, отпуск дед заслужил, и в этом у нас не должно быть никаких сомнений. Вот и отправился он в родную станицу. Первую и большую часть пути прошел с "оказией" - почтовым обозом, и, не дойдя до Катеринодара верст пятьдесят, двинул дальше в одиночку проселками. Кубанские степи тогда во многих местах были покрыты густыми "тернами" и диким бурьяном, а по балкам и буеракам - колючей лесной порослью. Зверья всякого, волков и медведей, не говоря уже о зайцах, лисах и прочей мелкой живности, - водилось у нас тьма-тьмушая. То и дело на дороге выскакивало что-нибудь живое - то заяц короткохвостый, то дрофа длинноногая. А зайцы в те времена, не забывал подчеркнуть рассказчик, на вольных кубанских харчах отъ-

едались необыкновенно, и были ростом с доброго кобеля модельянского, в общем - телки, а не зайцы, у иного-другого одни уши были, может, с аршин и более...

День шел к вечеру, а какой-либо хутор или кошара, где рассчитывал переночевать наш отпускник, все не попадались. Вот и солнце покатилося за окоем, - и тут только заметил казачина, что впереди, правда не так, чтобы близко, завиднелись скирды. "Вот это то, что мне надо", подумал он, и, как конь к яслям, заспешил к тем скирдам, где было можно, по его предположениям, неплохо переспать до утра...

Скирды свежей соломы стояли рядом с проселком. К одной из них была прислонена слега - длинное средней толщины бревно. С его помощью дед забрался наверх, огляделся. В наступающих сумерках несколько в стороне он увидел огоньки какого-то жилья, и в вечерней тишине услышал не то собачье, не то волчье тявканье. Эдакое с завывом. "Скорее всего, волки кого-то гонят..." - подумал дед. Достал из окулунка шмат сала, горбушку хлеба, луковичку, и, перекрестившись на луну, повечерял. Отодвинувшись от края скирды, разгреб ее вершину, соорудил себе подходящее гнездо, залез в него и прикрылся сверху немалой охапкой пахучей соломы.

О чем думал старый казак в эти сладкие минуты засыпания - нам неизвестно, но только через некоторое время сквозь дрему до слуха его донесся нарастающий волчий лай - серая свора явно приближалась. Дед хотел было вылезть и посмотреть, что делается в окрестностях его обиталища, но пока раздумывал - услышал, как кто-то карабкается по бревну. Не прошло и минуты, как на край скирды, совсем рядом, плюхнулось что-то тяжелое. "Никак, еще постоялец", подумал дед и, машинально пробрав в прикрывавшей его соломе небольшое отверстие, увидел медведя. Снизу же доносился нестройный, с подвыванием, волчий брех. Волки, видно, были раздосадованы тем, что косяластый так легко ускользнул от них...

Мишка оказался шутником, веселым и шубутным. Он стал дразнить своих супостатов, бросая им пучки соломы. А те там внизу с азартом шарпали его "подарки". Но кому шутки-хаханыки, а кому - слезки-страханыки: Топтыгин, клята его душа, с радостной злостью сбросил несколько охапок соломы с самого края скирды, стал сгребать ее вблизи дедовой головы. Еще два-три халка, сообразил казак, и медведь сбросит его волкам на растерзание. Убегать деду было некуда, и он, упершись ногами в под своего гнездовища, приспособился, и как только Мишка начал разворачиваться за очередным оберемком, изо всех сил ковырнул его со скирды. Тот, весь в соломе, свалился, как черт в курятник, в самую гущу волчьей стаи. С переполоху волки были разбежались, но потом, увидев совсем близко желанную добычу, ринулись к нему. Медведь, однако,

был уже на ногах. Рывкнув, он врезал одному-другому из самых настырных и дал деру, и волчья стая с лаем и гвалтом покатила по дороге...

Дед почесал затылок: медведь, он и есть медведь, зверюга с понятием, от дурных волков отобьется и вернется к скирде "побалакать" с обидчиком. А может, и не вернется: кто знает, какая у него думка... Да только береженого и Бог бережет, а дурня и в церкви бьют... Так что лучше тут не засиживаться. Дед пригляделся к замеченным ранее огонькам, и напрямик через поле, по жнивью, подался на них. Не прошло и часу, как он прибился к хутору. Загавкали собаки, а там и хозяин объявился, пустил служивого в хату. Вышла хозяйка - глечик с молоком и добрую краюху хлеба на стол положила. Дед поведал о своем приключении.

- Так то ж наши скирды, - всплеснул руками хозяин. - Завтра с утрам мы туда собирались, соломки надо привезти,

скотине на резку. Заодно и тебя подкинем к дороге...

На том и порешили. Кинули деду драный кужух на лавку, дали ряднину укрыться...

А утром чуть свет, позавтракав чем Бог послал, поехали к скирдам и уже на подъезде увидели, что одной скирды не хватает, той крайней, на которой наш дед вчера с вечера медведя обидел. Подъехали к току, и видят: та несчастная скирда разметана, перемята и утоптана, а то, что осталось, придавлено слегой.

- Ну вот, - сказал хозяин, - и резки не нужно: сколько полвы медведь натолок. Сейчас сметем, и бай дуже!

Вот такая история приключилась с дедом нашего деда в те стародавние времена, когда и вода была водянистей, и рыба - рыбастей, и люди - улыбастей. И про то про все будет своя байка, и может - не одна...

Байка другая, и тоже медвежья, ибо дед моего деда любил медведей, а медведи - его

Везло деду Касьяну на медведей. И сколько он с ними не встречался, всегда это кончалось с пользой для обоих. Вот, к примеру, еще одна байка, тоже любимая нами, внуками нашего деда. Он неоднократно и с большим удовольствием ее нам рассказывал, каждый раз подчеркивая, что на свете нет зверей-дураков, а среди людей нет-нет, да и объявятся. Но про них - другой сказ, в другой раз...

А случилась эта медвежья история, как и следующая (дойдет ряд когда-нибудь и до нее) под самый конец службы деда Касьяна. После ранения зачислили его в гарнизон небольшой крепостицы-кордона где-то в верховьях Кубани. Крепостица оказалась крохотной, всего при двух или трех пушках, но все в ней было обустроено чин по чину - и ров, и вал, и места для стрельбы, капоныры там и прочее. В общем, фортеция, что надо, только небольшая и заброшенная в полудикую глухомань - держать под своим неуспынным бережением шлях и брод через речку.

Жизнь в крепости в ту пору протекала спокойно. Казаченьки для пополнения казенного довольствия держали огороды, собирали в лесу всякую дикую ягоду, кисличку, лесные груши и орехи, а на зиму, - что тоже вменялось в обязательный порядок, заготавливали дрова, перебирались на другой берег Кубани - лес там стоял гуще. Брали в основном сушняк, живое дерево почем зря не рубили, разве что по надобности. Хотя лес по одному дереву и не плачет, но и гуще от его потери не становится...

И вот однажды ясным осенним утром свободные от службы казачки-мужички отправились на заготовку дров-жердей и того же хвороста. Спустились к берегу, где на приколе болтались лодки-каюки, и увидели, что прямо против них на тот берег карабкается медведь. Да только никак не может выбраться. Только зацепится за какую ни то прибрежную корягу, как тут же валится назад. И снова - только потянется на берег, как его какая-то неведомая сила уводит в воду. И тут же его сносит течением. Он опять к берегу, и снова назад...

- Братцы, поможем? - предложил кто-то. - А то згинет ни про што, ни за што!

Подплыли на лодке и видят: медведя за ногу сом ухватил. Такой здоровенный сомина, может, не в одну сажень длинной.

- В Кубани тогда и не такие водились, - говаривал дед Игнат. - Чудо, а не сомы. С добрую коняку, или, вернее, - с корову, потому как пузо у него было, как сорокаведерная бочка. Морда широкая, лопатой. И при усах. Не было такого, чтобы сом - и не при усах...

Видать, такой сомина и цапнул того медведя за лапу. Утянуть его в омут не может, а у зверя сил не хватает на берег его вытащить. Вот и перетягивают: кто - кого. Только сом-то у себя дома, в воде. А дома, как говорят, и стены помогают... Так что рано или поздно он-таки утопит медведя, хотя заглотить его, конечно же, не сможет. И если не сумеет выплюнуть засосанную им медвежью ногу, то сгинет и сам.

Помочь медведю оказалось делом не простым - руку ему не подашь, советов он тоже не слушает. Да и сом не уговорить отвязаться по-хорошему. Пробовали его жердью уразумить - куда там, не хочет со своей добычей расставаться, а, скорее всего - и не может: зажевал медвежью ногу глубоко и откашлять ее уже не в силах.

Подвели казаченьки под медведя бечевку и, мало-помалу, подняли бедолагу на берег. Сом и тут не отпускает

его. Лежит, гора-горой, только жабрами зевает.

- А глазки-оченята у него малюсенькие, бессмысленные, рыбки, ничего не показывают, - ухмылялся дед Игнат. - Хоть и сом, а одинаково рыба и на душе мало чего соображает.

Всунули ему служивые в рот две жерди, пасть разверзнула, и медведь, наконец, смог выпростать свою бедную ногу. А она у него почти до самого колена изжевана, белая вся. Сидит Топтыгин, зализывает порченную лапу. Казаки тоже сидят, покуривают.

- Шо будэмо делать? - пытаются своего урядника.

- А нычого, - отвечает тот. - Подождем, мождэ ведьмидь сам шо прыдумает.

А Мишка тем временем пошкандыбал к опушке рощи, нашел там корявую деревину, вернулся к сому и давай его нещадно колтузить, да так, что только брызги летят. Измочалив сома, что называется, до мокрого места, медведь придавил его сверху жердиной и пошел в лес. Через некоторое время принес еще две коряжины, навалил их поверх сома. Потом еще принес лесину, другую, бросил их на кучу. И так без устали работал почти до обеда, пока не завалил обидчика целой горой сушняка.

Обошел напоследок эту гору и, убедившись, что сому изпод нее не продрасться, помочился на угол, задрал ногу, совсем как гарнизонный кобель, рыкнул о чем-то на своем медвежем языке, и навсегда ушел в лес. Даже не оглянулся.

- Вот так медведь помог казачкам-мужичкам в заготовке дров. Умная зверюга, как ни крути. Недаром добрые люди кажут, - говорил дед Игнат, - что медведь та же людина, только озверела. Вроде б то в Палестине когда-то жил был такой шалопаи, что не верил в святость самого Иисуса Христа и вздумал его как-то напугать: в вывороченной кужушине притаился за хатой, а может, в будяках-колочках, и когда Христос проходит мимо, выскочил и прямисенько на него... Христос развел руками, дунул, плюнул, и шалопаи стал медведем. Сам перелякался и тиканул, куда глаза глядят. Так появились медведи, расплодились, как водится, и наши Мишки - их родичи-потомки. А то ж ты думаешь, отчего они такие умные?

Ну, а казаченьки вечером рассказали о своем приключении, и ихний командир, может хорунжий, а может сотник или сам есаул, а только пожурил он казачков, что не привели того медведя в крепость, пусть бы он на казенных харчах оклемался, а может, и прижился бы, гарнизону на радость, крепости на усиление.

Не прав был тот командир, хотя думка у него, может, случилась и добрая. Нельзя свободную животину на цепь сажать. А для того, чтобы иметь в хозяйстве своего медведя, надо брать маленького несмышленишка, который звериной жизнью не усладился, и приучить его к человечей. И такого медвежонка, и даже не одного, а сразу двух, наши казаки вскорости нашли, но то - другая байка, про то - *в другой раз*.

Семья Радченко

МЕНТАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ

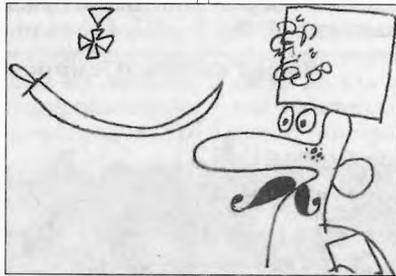
Ментальная терапия, или мистические превращения казачьих чинов

Под таким названием в прошлом году в Ростове на Дону вышла очередная книга одного из авторов "Станицы" Вячеслава Родионова. Состоит она из двух очень разных частей: "Души потемки" и "Души отдохновения. Очерки былой казачьей жизни".

Первая часть - это десять памфлетов о мистических превращениях казачьих чинов, талантливая и едкая сатира на сегодняшнюю жизнь казачества - в частности, на безмерное присвоение самим себе высоких казачьих чинов. То и печально, что сюжеты их не выдуманы, а взяты из самой жизни нынешних казачьих организаций, только фамилии "героев" изменены. Автор, впрочем, предлагает читателям в предисловии некую "свободу узнавания" - мол, если кто себя случайно узнает или знакомых, то он не виноват. И действительно - "героев", описываемых им, полно по всей стране.

Эпиграфом к первой части книги автор выбрал слова бессмертного Хлестакова: "Меня завтра же произведут сейчас в фельдмаршала..." (поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками).

Говоря о том, почему он взялся писать об этом, сам Вячеслав Григорьевич замечает: "Прошло 15 лет с начала возрождения российского казачества, и ситуация не только не изменилась, но стала еще более удручающей. Простые казаки в хуторах и станицах окончательно перестали понимать своих "вечных шефов" - несменяемых войсковых и окружных атаманов. Те же, в свою очередь, окончательно перестали нуждаться в простых казаках. Ведь, в самом деле, есть куда более важные дела. Писать никому не нужные приказы, собирать ничего не решающие правления и круги, плодить "настоящих" полковников и генералов, штамповать на-

грады и продавать их. И всё бесконечно обмывает и обмывает... Над трагедией народа нельзя смеяться, это аморально. Но над теми, кто этот народ доводит до края черты, нужно. Обязательно нужно! Чтобы увидели они себя со стороны, и может, наконец, задумались о своей неприглядной роли в переводе казачества из реальности бытия в мемориальную стадию, когда не только о возрождении, но даже о самом бытии разговоров уже не будет.

И как бы в подтверждение этого, по инициативе реестровых казачьих генералов, Государственная Дума Российской Федерации принимает Федеральный закон "о государственной службе казачества", подводящий фактическую черту под расказачиванием. Ни о казачестве закон, а об отдельных персонах. Предлагаются забвенню простые казаки, казачки и казачата. Им же не служить!

Но история тем и интересна, что решает все по-своему. Казаки никуда не исчезнут, и всегда будут хранить память о былой жизни. Именно поэтому во второй части сборника даны несколько очерков и сказок как напоминание не о ментальности (тьфу, это заморское словечко), а о казачьей душе".

Один из таких очерков мы здесь публикуем. Они в самом деле способствуют умиротворению души, расстроенной при чтении первой части книги. Можно лишь пожалеть о том, что такая литература редко у нас появляется. Как и о том, что вторая часть книги, увы, много меньше первой...

В.Родионов

Очерки былой казачьей жизни:

Крупный широкоплечий казак с вихрастым чубом, поглаживая усы, говорит многочисленной семье, собравшейся ранним утром снедать, что завтра на покос. Слово приносит аромат степного воздуха, освобождает всех от оков домашней жизни, влечет в знакомую, но каждый раз ощущениями новую, обстановку ночи у костра с вкусной снедью и бодрым пробуждением от короткого сна. Начинаются веселая суматоха сборов.

Казаки извлекают косы. Настоящие косари знают маленькие секреты. Чтобы косу легче отбить, её смачивали рассолом и на зиму втыкали в соломенную крышу. Коса там ржавела, а перед сенокосом ржавчину отскребали, отбивали и готовили косу к работе. На пойменную траву отбивали тоньше, лезвие должно было быть шире. Для степной - толще, потому что трава жестче. До Троицы нельзя было косить сено. Даже если весны были затяжные. После Троицы косили две-три недели. Признак спелости трав - это когда зацветет пырей. Вот тогда надо косить сено.

Казаки на базу осматривают и похлопывают волов по их могучим спинам, выводят затем на траву. Казачки насыпают крупы в мешочки, нарезают сало и складывают только что выпеченный душистый хлеб, наливают в большие жбаны молоко. Еды берут на три дня, чтоб хватило, пока не закончат косьбу. Приготавливают подстилки для сна. Свекровь дает указания остающейся в доме невестке: "Смотри же, обязательно утром и вечером поливай огород. Скотина чтоб сыта..." И без того известной невестке домашние истины.

Наконец, к вечеру выясняется, что все необходимое приготовлено, его начинают размещать на арбе. Сначала насыпают сено, потом уже на него кладут косы, грабли, вилы, продукты, необходимую посуду, подвывают к арбе цыбарки.

Сенокос

Готово. Хозяин осматривает арбу, все ли на месте, и, убедившись в этом, отправляется вслед за домашними спать.

Ночь проходит беспокойно. По несколько раз просыпаются казаки, выходят во двор, смотрят на усыпанное бирюзовыми звездочками небо, осматривают баз и арбу и снова отправляются спать. Старый дед тоже выходит, но в основном на баз к скотине, подкладывает в ясли сена. Тоже смотрит на небо, скоро рассвет. Ночи потеплели, молодежь забралась на сеновал. Ну и правильно! Зачем вместе со стариками в курене? На воле и любовь свободнее. Наговориться можно влесть.

Заалел восток, все больше и больше расплывается светлое пятно по небу. Меркнут звезды. Постепенно проявляются четкие очертания церковных куполов, хуторских куреней, из тьмы высвечивается ближний лес и покрытая ватой тумана река. В довершение окрест прорывается бойкий голос кречета, возвещающего начала нового дня. Как клич полководца, разносится он по хутору, и тут же к нему добавляются пронзительные и бойкие голоса других птиц. Кречета играют пробуждение, играют весело и радостно.

Появляется Солнце. Сначала это только небольшой, край красного диска, потом лучи заливают хутор, заглядывают на базы. Наступает настоящее утро.

На крыльце появляется в одном исподнем молодой казачок, потягивается и медленно идет в край база. Выходит дед, за ним взрослые казаки в белых чистых рубахах, в чириках и белых носках. Первый день покоса - праздник.

Запрягают двух упитанных волов. Двух взрослых жеребцов, кобылу и двух жеребят выводят за ворота и,

На покос, 1911 г.

стреножив, пускают на выпас, к колям привязывают четырех тучных коров и двух бычков. Наконец, казачки устраиваются на арбе, казаки остаются пешими.

- Митрофан, чертяка! Едем уже! - кричит хозяин. Тот легко спрыгивает с сеновала и бежит открывать ворота. Машет жене.

- Скучай! Скоро буду!

Казачья семья собралась и арба, тяжело переваливаясь на неровностях, медленно выезжает на хуторскую улицу и так же медленно начинает путь от база. Дорога недалняя, но сначала по песчаному проселку вверх до развилка, а потом по битой долгами веками сакме вдоль Донца к улеше на общинном лугу.

Тащится арба по степи. Из-под колес ее поднимается пыль. - Цоб! Цобе! - умело правит волами казачка, а Митрофан, растянувшись на сене, песню играет:

*А из-за леса блестят копия мечей,
Едет сотня казаков-усачей....*

Солнце уже поднялось достаточно, блики от него отражаются в металлических ободьях деревянных колес. Сверкают остро наточенные косы, словно сабли казацкие. А песня летит и летит уже несколькими мужскими и женскими голосами, перекликаясь с другими арбами, также везущими на покос казачьи семьи.

Вот и на месте. Трава стоит зеленая и сочная, ножа требует. Арба сворачивает с дороги, по траве подезжает к большому раскидистому тополю. Приехали. Теперь за работу, пока солнце не очень высоко и не жарко. Хозяин берет косу, примеряется. Потом дает указание казачкам сходить к реке нарезать камыша и устроить добротный букан, пока казаки уложат на землю первые валки скошенного сена.

- Да получше устройте, чтобы от солнца надежда была, - и затем уж к казакам: - С Богом, что ли? - С Богом! - откликаются те.

Все осеняют себя крестным знаменем и, положив косы на могучие плечи, идут к застоявшейся в ожидании траве.

Разошлись на длину взмаха косы, поплевали на руки и пошли в едином ритме взлетающих кос. Первым пошел дед, потом дедов сын, потом дедовы внуки. Так всегда приучались чтить старика и учились у него, сколько загребать, как зря силу не трагить. Если густая трава - значить коса меньше должна брать, если редкая - значить её угол меняется, захват должен быть шире, чтобы валок оказывался больше.

Упали первые стебельки. Взмах, и трава ложится ровными валками. Взмах, взмах, еще взмах... Косы взлетают одновременно. Справа налево, назад и снова справа налево. Работа спорится, казаки двигаются четко и молча. Взлетают косы - падает трава. Только на минуту остановятся, глотнуть немного воды, и вновь за косу.

А солнце все выше и выше, лучи его всё беспощаднее и беспощаднее. Посмотришь вверх; с голубого небесного простора без единого облачка ослепительный диск без усталости посылает на землю испепеляющие лучи. Жара становится нестерпимой.

- Батя, уже полдень.

- Трошки погодь.

Косьба (Семиречье)

Ещё некоторое время надуваются мускульными желваками широкие казачьи спины. Наконец казаки не выдерживают палящей жары, бросают косы и лезут на время в налаженный казачками букан, около которого вкусно пахнет приготовленным кулешом.

Постукивают деревянные ложки о край большой деревянной миски, казаки дуют на кулеш и отправляют его в рот, закусывая кусками сала и зеленым луком. Потом запивают все охлажденным в земляной ямке молоком.

С первым глотком по всему телу разбегаются маленькие иголочки, впинаятся в равномерное, разогретое тело. Но уже второй глоток убивает это необычное ощущение. Потом молоко перестает с легкостью проливаться в желудок, но с легкостью согревается в нем. Крышка пуста. Казаки вытирают губы, хозяин приглаживает пышные пшеничные усы и забегается подалее внутрь букана, выгибает ноги и испускает вздох натруженного работой и едой человека. Тоже проделывают и сыновья. Можно отдохнуть, пока не спадет жара.

- О, Господи, жарница-то, - вздыхают казачки, убирая остатки еды.

На воздухе ни ветерка. Скошенная трава под солнцем начинает жухнуть, это солнце делает нужную работу, пока казаки отдыхают. Остальная жизнь временно затихла, даже птицы попрятались.

Постепенно солнце начинает снижаться. Косые его лучи уже не так пекут. Пора продолжить. Все выбируются из букана, вытирают взможенные лица и как-то расслабленно нагибаются за косами. Но это только

так кажется. Подняв их, казаки мгновение смотрят на солнце, потом переводят взгляд на некошеную траву.

- Ну, казаки, за дело.

И начинают. Так до самой темноты. Казаки косят, казачки, взяв грабли, перебирают сено, чтобы равномерно подсыхало, и песню играют:

*Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевелят...*

Медленно, точно нехотя, уползает на запад солнце. Длиннее становятся тени. Когда солнце скрывается за горизонт, казаки прислоняют косы к арбе и рассаживаются возле костра. Через такой же трудный день уложат они душистое сено на арбу, заберутся на него, а волны потащат поклажу на родной баз. Зимний запас сена будет готов. Пока впереди ночь, прекрасная степная ночь с трелями сверчков, потрескиванием костра и рассказами деда об историях на войне и рассказами молодых об историях в лагерных военных сборах.

Перед самым сном сложит Митрофан руки рупором и - закричит на всю степь,

- Эге-ге-ге-гей! Любимая, я скоро приеду! Солнце нам светить будет!

И прозвучит это как гимн любви.

Ушел день из казачьей жизни, неповторимый и своеобразный, хотя в чем-то похожий на другие.

В. Родионов

Выезд косцов (Семиречье)

так кажется. Подняв их, казаки мгновение смотрят на солнце, потом переводят взгляд на некошеную траву.

- Ну, казаки, за дело.

И начинают. Так до самой темноты. Казаки косят, казачки, взяв грабли, перебирают сено, чтобы равномерно подсыхало, и песню играют:

*Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевелят...*

Медленно, точно нехотя, уползает на запад солнце. Длиннее становятся тени. Когда солнце скрывается за горизонт, казаки прислоняют косы к арбе и рассаживаются возле костра. Через такой же трудный день уложат они душистое сено на арбу, заберутся на него, а волны потащат поклажу на родной баз. Зимний запас сена будет готов. Пока впереди ночь, прекрасная степная ночь с трелями сверчков, потрескиванием костра и рассказами деда об историях на войне и рассказами молодых об историях в лагерных военных сборах.

Перед самым сном сложит Митрофан руки рупором и - закричит на всю степь,

- Эге-ге-ге-гей! Любимая, я скоро приеду! Солнце нам светить будет!

И прозвучит это как гимн любви.

Ушел день из казачьей жизни, неповторимый и своеобразный, хотя в чем-то похожий на другие.

В. Родионов

Развенчание мифов - 2

Роман П.Н. Краснова "От Двуглавого Орла к красному знамени" и "Тихий Дон" М.А. Шолохова

П.Н. Краснов напечатал свой роман в Берлине в 1921 году и затем в значительно доработанном виде - годом позже. По свидетельству штабс-капитана К.С. Попова, для эмиграции это была сенсация: "Люди вставали в очередь, чтобы заполучить книгу; собирались группами для чтения вслух. Один из прочитавших воскликнул: "Да ведь это, господа, новый Толстой!"

Г.П. Струве вспоминал: "Много томный роман "От Двуглавого Орла к красному знамени" был в течение многих лет самой ходкой книгой на зарубежном рынке и переведился на иностранные языки... Находились люди, которые сравнивали роман Краснова с "Войной и Миром" Толстого не только по заданию, но и по исполнению... Но свои читатели - и верные читатели - у Краснова были".

Чем же так привлекал роман? На этот вопрос ответил сам Петр Николаевич в предисловии ко 2-му изданию: "Я начал писать роман в обстановке исключительной, возможной только в то невероятное время, которое мы пере-

П.Н. КРАСНОВ
ОТ ДВУГЛАВОГО
ОрЛА
К КРАСНОМУ
ЗНАМЕНИ

живаем с 1917 года”.

..Прибыв в Новочеркасск на другой день после похорон Атамана Каледина, Краснов вскоре оказался в занятой красными станице Константиновской. *“Я скрывался в доме одной богатой казачки и здесь, безвыходно, в добровольном заключении, остался ожидать событий. События неслись грозные... Бежать было некуда. Каждую ночь мог быть обыск, визит красногвардейцев, опознание, арест и, вероятно, казнь. О будущем думать не приходилось. Невольно углублялся я в прошлое, ища в счастливом прошлом причин ужасного настоящего. Вся красота и мощь бывлой гвардейской службы, все величие Императорской России вставало в воспоминаниях, и мне хотелось оставить потомству описание этого прекрасного прошлого, не утаивая и недостатков его, чтобы будущие поколения знали, какова была Россия и ее армия до революции...*

Я писал не для печати. Я торопился, пока жив, пока не расстреляли меня, описать ту великую любовь, которую питали мы к Родине и Армии, ту красивую, полную символов жизнь, которую мы прожили до революции, ту доблесть Русского солдата и офицера, которую мне пришлось наблюдать на войне”.

В “добровольном заключении” написано около 200 страниц; но обстановка изменилась, и П.Н.Краснов начал борьбу с красными как Войсковой Атаман. В марте 1920 года уже в Германии он решил “восстановить в памяти все написанное и оставленное на Дону, и создать из него стройное целое - большой роман... Работал торопливо, лихорадочно... торопился записать все виденное и пережитое...

В той среде, которую я описывал... много читали книг о масонстве и искали причины Российского несчастья в работе “жидов” и масонов. Раздражала пятиконечная красная звезда, сменившая Романовскую кокарду, доводило до бешенства надругательство только над христианской религией, заставляли делать выводы, быть может, неправильные. Замалчивать это было нельзя. То, что было - было.

Мне указывали, что это отразится на критике и на сбыте романа. Это меня не трогало. Я был увлечен работой, торопился сказать правду. Всю правду, и горькую, и обидную для себя, и возвышающую ту, кому я служил, кого я обожал всю жизнь и кому никогда не изменил - Российскую Армию.

Думал - из горныла несчастий встанет она, чистая от грязной накипи, которая образовалась в ней, как результат крепостного права, помещичьего быта, как результат русской некультурности и... хамства.

Пусть грядущие офицеры и солдаты знают, что в керенинине и большевизме виноваты не одни Керенские и Ленины, но и наша доля вины - нас, офицеров и солдат...

Книга была принята критикой сурово, публикой благосжелательно... Романом заинтересовалась заграница. Быть может, из него там лучше узнают о жизни и гибели великого народа и его армии, нежели из газет и рассказов очевидцев. Может быть, прочтя его там, поймут, что такое была Российская Империя и что такое русский большевизм”.

Итак, П.Н.Краснов определил главную задачу - сказать всю правду, пусть даже горькую. И выполнил ее. Как и вторую - “описание прекрасного прошлого, не утаивая и недостатков его”: читающий этот роман в начале XXI века оказывается под сильнейшим впечатлением от ярких образов героев романа: Саблина, казаков отца и сына Карповых, Репнина, Гриценко, Маруси Любовиной... Кто-то из критиков сказал о Краснове: “певец старой России”. Могу добавить - замечательный певец, ибо оставил грандиозную панораму русской жизни на переломе веков и общественного устройства.

Главным героем романа, как и задумал автор, оказалась его великая любовь - Русская Армия. Прав К.С.Попов, написавший: “Центром тяжести романа “Война и мир” Толстого являются две семьи - Ростовых и Болконских. Краснов, чтобы заставить ожить и привести в движение свою сложную схему... взяв за основу романа громадную семью - всю Русскую Армию. И Краснов показал нам нашу армию действительно и в войне, и в мире”.

Наконец, и третью свою задачу - найти “в счастливом прошлом причин ужасного настоящего”, - он выполнил, несмотря на предостережения друзей. Хотя и они вряд ли предполагали, что в 20-30 годы критика романа будет столь враждебной.

Кроме того, П.Н.Краснов выразил надежды на грядущие времена, которые вернут Великую Россию к самой себе. Он надеялся, что “заграница нам поможет”, когда, прочтя роман, поймет “что такое русский большевизм”. Увы, заграница роман перевела на многие языки, прочла, но так и не захотела понять. Вернее сказать, все поняла, но лишь по-своему - спокойно сотрудничая с большевизмом: как по иному понять их позицию, когда король английский, двоюродный брат Николая II, и пальцем не шевельнул для спасения родственника и его семьи; или предательскую выдачу писателя Краснова и тысяч казаков в 1945 году в СССР?

Петр Николаевич завещал русским офицерам и солдатам правду об истинных разрушителях Великой России. Он так и писал: еще далеко было до Лениных и Троцких, но уже были Милюковы, Рузские, Керенские, великие князья и почти весь высший свет.

В 1934 году К.С.Попов писал: “Книга Краснова - роман злободневно-политический. “Россия Краснова” имеет массу врагов и до сего дня. Вот почему ненавистен и художник, эту картину оставивший потомству, ибо она вечный свидетель беспримерного преступления, виновники которого до сих пор не привлечены к ответственности... Тут становится понятным, почему пугают их (критиков и политиков - В.Ш.) красновские “ужасы”! Тут понятны становятся и гробовое молчание вокруг его творений и все попытки отвлечь от них внимание читателей приращением Краснова как писателя... Вот почему все критические стрелы с надписью “Краснову-писателю” летят в “Краснова-политика”.

Одним из первых критиков был А.Куприн, в 1921 году напечатавший рецензию на первый том “От двуглавого Орла к красному знамени” (“Общее дело”). Ее с большим основанием можно считать дружеской подсказкой опытного писателя:

“Мир” выходит пока у П.Н.Краснова слабее “войны”. Но в военных сценах он проявляет себя настоящим художником, находит подобающие краски, обнаруживая и правдивость, и силу, и выразительность языка... Очень ценно и редко то, что своего героя, Саблина, автор сумел... сделать живым лицом, с настоящей кровью и со своими недостатками... В мягких и правдивых тонах показывается в романе покойный император - добрый, слабозвоный, беспомощный и всегда жутко одинокий, знающий грустную цену придворных искательствам, видящий вокруг себя сети интриг, лжи, взаимного подсиживания и не умеющий от них освободиться...

Саблин пламенно любит родину и беззаветно предан Государю... Но от его незаурядного взора не укрываются трещины в громадном здании. Ходынка, несчастная японская война... халатность в управлении государством и армией, революция 1905 - все это в глазах Саблина расширяет устои великой страны.

Здесь П.Н.Краснов говорит много прямой и жесткой правды, за что, надо сказать, его роман уже успел вызвать негодование в некоторых сферах. Нельзя обличать даже и задним числом неприглядные язвы”.

Вот именно эти сферы и старались “принизить Краснова как писателя”.

Некий «Z» в газете “Дни” (1924 г., N 377) в рецензии на роман Краснова “Понять - простить” начинает так: “Новый роман П.Н.Краснова кое в чем отличается от его опис тагипи (иронич. - великое творение - В.Ш.) “От Двуглавого Орла к красному знамени”. В “Понять - простить” меньше грубых исторических ошибок, меньше безграмотных французских фраз... Тот же тон передовых статей “Русского знамени”, тот же небрежный слог, та же бессвязная конструкция”. Заметим: главный редактор газеты “Дни” - А.Ф. Керенский!

Некий «П» в газете “Звено” (1924 г., N 53): “Новейший, весьма обширный роман П.Н.Краснова отличается теми же особенностями, что и предыдущие его романы: размашистая манера при весьма слабой оригинальности... Пропаганда монархической идеи составляет, по-видимому, основную задачу автора; с ней соперничает лишь стремление объяснить всю революцию деятельностью “жидов”, даже русское искусство оказывается “изгаженным большевиками, жидами и футуристами”.

“Звено” (приложение к газете “Последние Новости”) редактировал П.Н.Милюков - лидер партии Народной Свободы. Его республиканско-демократическая группа определила свою политическую линию: анализ причин неудачи Белого движения; отказ от дальнейшей вооруженной

борьбы; объединение демократических элементов, отмежевание от реставраторских и монархических групп и тенденций. Поскольку Краснов прямо говорит о виновниках гибели России (Милоков и К^о), развивает монархическую идею, его романы замалчивали или резко критиковали.

Так, 24 августа 1933 года прозванный "златоустом эмиграции" Г.В.Адамович выступил со статьей "Шолохов", сдержанно хваля советского писателя: "От его книг *"нахнет Россией"*, самой подлинной и неизменной... У Шолохова *"все ладно шито"*, он знает о чем пишет. Фальши почти нет". Хотя в первой части романа Адамович увидел, что "Шолохов грубоват. Характерно, что ему лучше удаются образы зажиточных и крепких казаков. Чуть только надо изобразить *"сознательного работника"*, Шолохов слабоват, и это особенно в первой части..." Не правда ли, интересное наблюдение в связи проблемой авторства романа?.. "Третий том *"Тихого Дона"*, - пишет Адамович, - *сбивается на откровенную бестолочь: автор больше не знает что, куда, а в поисках спасения цепляется за "руководящую коммунистическую идею. Но мысли у Шолохова нет"*.

"Тихий Дон" не раз сравнивали с "Войной и миром" Толстого, но, по-Адамовичу - "у Шолохова только оболочка толстовского искусства". Поскольку же "златоуст" служит у Милокова, надо и Краснова, хотя бы и мимоходом, по пнуть: "Мне вспоминается не Толстой, а совсем другой писатель, которого, кстати, с Толстым у нас тоже сравнивали. Это - генерал Краснов. Читатель, пожалуй, заподозрит меня в склонности к парадоксам. Напрасно! На основательности сравнения я настаиваю... Краснов - дурной писатель, конечно (сразу в лоб! - В.Ш.). Он во всех отношениях Шолохову уступает. Но характер и дух его писаний - шолоховский (!? - В.Ш.). Притом таланта у него отрицать нельзя: первый том "Орла" написан с такой широтой и непринужденностью, какая не снилась нашим беллетристам. Дальше все портится. А когда дело доходит до философских размышлений или критики Блоковских "Двенадцати", хочется выбросить книгу в окно". Вот так, все дело в философии монархизма, которую либеральный "златоуст" не приемлет, и в правде о преступлениях Милокова и К^о.

Когда я написал в прошлом номере отзыв на книги С.Корягина, то в противовес антиказачьему роману Шолохова захотелось напечатать хорошую рецензию и на роман "От Двуглавого Орла к красному знамени". Подумалось, что найдется такая в русской зарубежной литературе. И нашел - Адамовича и всяких «Z» и «П».

А в отделе русского зарубежья РГБ мне предложили двухтомник Краснова 2000 года издания. Удивило содержание предисловия М.Д.Филина: треть текста посвящена... восхвалению Шолохова и Сталина!

Издатели осуществили "смелый проект" (руководители - В.Н.Кеменов и И.И.Изюмов) по приспособлению взглядов П.Н.Краснова к своей идеологии. В двухтомник подобрали из десятков его работ лишь три ("За чертополохом", "Понять - простить" и "Амазонка пустыни"), соответствующие, по их мнению, сталинской идеологии - или, как выражается по-ученому Филин, - "историософии". Именно в незримых глубинах "историософии" - пишет он, - проявляется единство духа монархиста Краснова и большевика Сталина.

Как это делается? Очень просто: сначала берется небольшой фрагмент рассуждений Димы Деканова, одного из героев романа "Понять - простить", где предлагается посадить за один стол Деникина с белыми соратниками и Буденного с красными поделниками для деловой работы по созданию новой России; затем из него конструируется якобы "историософия" Краснова, а уж к ней прицепляется "образчик материализации историософии", который дал "вдумчивым историкам" (т.е. Филину и К^о - В.Ш.) Сталин.

Итак, вот конструкция философии Краснова, которую, кроме Филина, "мало кто заметит" в работах генерала. Во-первых, приписывается Краснову "признание законности свершившегося, providенциальной сущности падения Исторической России". Во-вторых, якобы убеждение в том, что "наша история непрерывна, и пусть наступивший советский ее период есть период неслыханных мук и извращения, но это - ее, истории, несомненное продолжение, развитие, а далее - уже на новом уровне - возможно воссоздание исконной государственности". На этих началах якобы только и возможно преодоление Смуты и строительства новой России.

Эта конструкция так полюбилась Филину, что он щедро

отдает ее генералу-мыслителю в качестве "весомой заслуги". Реальный Краснов, политик и гражданин, замученный на сталинской Лубянке, услышав подобное, перевернулся бы в гробу, будь у него христианский гроб.

А вот что прикрепляется к Краснову из историософии "великого вождя". Дословный текст Филина очень выразителен: "Образчик такой *"материализации"* историософии дал, кстати говоря, вдумчивым историкам не кто иной, как тот же Иосиф Сталин.

Парадоксально, но, тем не менее, факт: вышеупомянутые мысли Краснова, непримиримого врага Советской власти (в том виде, как она воцарилась и окаменела) и лично Сталина, **явственно перекликаются** с государственными идеями, которые проводил в жизнь "вождь народов" в 1940-х и начале 1950-х годов. Здесь и так называемый "империализм", и подчеркнутое уважение к русскому народу, и признание вечных ценностей этого народа (восстановление патриаршества, реабилитация героев прошлого и т.д.), и привлечение эмигрантов-"возвращенцев" к обустройству Отчизны ("зеленое сукно"), и многое другое. На практике эти идеи воплотились противоречиво, с массой преступлений: например, многие из поверивших и вернувшихся на родину изгнанников очутились не за "зеленым сукном", а в Сибири; из этого, однако, не следует, что не было самой тенденции (ишь, как его занесло! - В.Ш.). А наличие такой тенденции сызнова утверждает мысль о непрерывности русской истории, в незримых глубинах преемственной, вынуждающей даже заклятых (внешне) врагов, исповедующих (вроде бы) полярные методологии, подчиняться духу этой истории и действовать в соответствии с этим духом, то есть схоже, в невольном (и не всегда осознаваемом) согласии.

Жизнь Петра Николаевича Краснова - отнюдь не житие. Отдельные его высказывания и поступки (в частности, сотрудничество с немцами в годы второй мировой войны) **нельзя не осудить** (а как же Мф., 6, 14-15 в эпитафии - "а если не будете прощать людям согрешения их, то Отец ваш не простит вам согрешений ваших"? - В.Ш.).

Ну, что тут скажешь? Оказывается, был Сталин белый и пушистый! "Уважение к русскому народу"? Да, как припекло в войне, так и вспомнил о русском народе, а чуть миновала угроза - забыли о нем, и он оказался самым беднейшим из народов СССР.

"Восстановление патриаршества"? А разве не известно, почему Сталину надо было срочно восстановить патриаршество? Рузвельт и Черчилль заявили дяде Джо: у нас все-таки демократия, электорат в основном верующий, и поскольку мы ведем переговоры со страной, в которой уничтожаются и храмы, и священники, и верующие миряне, избиратели могут нас прокатить на следующих выборах. Так что уймите своих воинствующих атеистов. Вождь согласился с их доводами и срочно вывез из Самары в Москву еще оставшихся трех митрополитов, предложив избрать Патриарха...

"Реабилитация героев прошлого"? Да все потому же: имена Суворова и Кутузова надо было поднять боевой дух русского народа. А что касается "привлечения эмигрантов-"возвращенцев" к обустройству Отчизны" - это уж просто бред!

Такую же позицию давно навязывают казакам "православные" коммунисты из "Союза казаков". Нескольким лет назад они выдали программу, где тоже утверждается: если бы в 1953 году не убили (именно так!) Сталина, то он построил бы исконную православную государственность.

Филин все же еще стесняется, уговаривая читателя: "частое упоминание имени Сталина не будет трактоваться как апология советского властителя", тут же добавляя: "В отдаленном будущем возможно появление иных взглядов - и возможны некие коррекции в осмыслении образа и дела этого человека". Теперь настало время назвать заголовки его предисловия: "П.Н.Краснов: sine ira et studio". Т.е. - без знева и пристрастия! Теперь мы видим, что все это написано и с пристрастием, и гневно!

Знаменательно, что злополучный фрагмент рассуждений Димы Деканова, в котором он усаживает за один стол Деникина и Каменева) гулял по рецензиям и в "Днях", и в "Звене", и в "Новом времени" (автор В.Гордовский). Но только последний обратил внимание на дальнейшие рассуждения героя: после этого фрагмента он доказывает матери, что, пока в России искать царя будут политические партии - толку не будет. "Вот когда царя вся Россия ста-

нет искать, - говорит он, - тогда конец будет разбойничьему управлению, грабежу России". Главная идея его - воссоздание единой Русской Армии на основе и Белой, и Красной (писалось в 1923 году - В.Ш.), а для этого "нужно не судить и не стараться понять друг друга, не ковыряться в душе, а стать просто на деловую работу.

- А если они не захотят? (спрашивает мать)

- Повесить в два счета.

- Кто же их повесит? Какая сила?

- Та же Красная армия. Она станет русской, как только почувствует приближение законного, надпартийного вождя. И она сокрушит всех тех, кто не покается и не омоет себя святой водой, кто не признает православия и России...

- Но если они захотят остаться слугами III Интернационала, слугами Сатаны?

- Тогда и их, как Ленина, Троцкого, Зиновьева и всю прочую продажную сволочь сметет русский народ при одном дуновении правды Божией. Наш лозунг "За Веру, Царя и Отечество".

Таким образом, если не вырывать отдельные, якобы одиозные, фрагменты и не делать из этого далеко идущие выводы, а внимательно читать роман, то нет никакого предательства Димы Деканова, участника Корниловского Ледяного похода. Лишь В.Гордовский понял Краснова, написав в 1924 году: "Может быть, и нет другого пути для прекращения в корне гражданской войны и воссоздания из Белой и Красной армий одной - Русской армии, без которой неммыслимо восстановление России".

Милюков руками «Z» и Керенский «П» в своих газетах в 1924 году только глумились над Красновым-писателем, зато в 2000 году Филин из маленького фрагмента построил якобы "историософию Краснова", соединив ее с политикой Сталина! Конечно - парадокс!

Предисловие его написано не только с большим пристрастием, но и с якобы теоретическим обоснованием: "Куда плодотворнее обратиться к иным материям, порассуждать о вроде бы необязательном для предисловия как жанра.

А начать предстоит... с Иосифа Сталина и "Тихого Дона". Как ни странно, но есть некоторые, пусть и зыбкие, основания предположить, что Краснов своим творчеством (да и самим фактом существования) опосредованно повлиял на судьбу гениального произведения Шолохова.

Наша "образованщина" уже давно не читает и не изучает этот эпос - только спорит об авторстве "Тихого Дона"... Нечасто задумываются и о том, почему в СССР при "тоталитаризме", в годы жесточайшего цензурного гнета вдруг увидело свет произведение и выдающееся, и одновременно чуждое идеологии режима. А коли и ставится напрашивающийся вопрос, то разрешается просто: мол, "Тихий Дон" был напечатан по указанию Сталина, самодура и тирана, а тиранам, вестимо, иногда свойственно блажить...

Sine ira et studio... По замыслу вождя, в воздвигаемой им державе непременно все должно быть наипервейшим в мире; при таком сверхзадании лучшей на свете обязана была стать и новейшая литература. Конечно, в столь грандиозных делах не обойтись без духоподъемных агиток для "народа", - и "пролетарской" пошлости давалась зеленая улица. Однако для представительства и в качестве подлинного духовного фундамента вновь создаваемого общества требовалась словесность высокая, настоящая. Такая, чтобы удивила Запад, чтобы затмила писания окопавшихся за границей "белогвардейцев", назойливо вещающих на каждом углу, что только они есть хранители и продолжатели славных русских традиций".

И далее: Сталин якобы знал, что "за пределами подвластной ему территории... трудится талантливый человек и враг (т.е. Краснов; каков стиль! - В.Ш.), который из года в год несет в мир свою литературную версию русской революции...

Такого проигрыша Сталин, разумеется, не мог допустить - и позволил обнародовать блистательное подозрительное сочинение Шолохова...

А появление этих шолоховских книг действительно потрясло всех, ошеломили и эмигрантов; те волей-неволей стали сравнивать сочинения с "Тихим Доном"...

Если Сталин и в самом деле рассматривал "Тихий Дон" в качестве разящего ответа на литературные опыты Краснова (и эмиграции в целом), то должно признать, что маневр властителя увенчался полным успехом".

В этой гипотезе главное - безудержное восхваление Шолохова. На самом деле роман Шолохова-Серафимовича -

это блистательное выполнение задания правящей партии по художественному описанию большевизмской версии переворота в России.

Но самая "гениальная" находка Филина: почему вдруг увидело свет "произведение выдающееся и одновременно чуждое идеологии режима"? Ссылка на тирана здесь просто лукавая: чуждый идеологии большевизма роман он никогда бы не позволил издать. Известно, что Шолохов, имея затруднения с изданием 3-го тома романа (главный сюжет - Вешенское восстание), обратился за помощью к Горькому. Тот устроил ему аудиенцию у Сталина, который заметил автору, что в этом томе все похоже на воспоминания белогвардейца. Шолохов с жаром ответил: "да ведь я в этом томе показал полный разгром белогвардейщины!" И в итоге получил разрешение на издание.

Наконец, роман этот джуже нравился властителю и его окружению тем, что казачество в нем представлено, мягко говоря, в неприглядном виде - это во-первых, а во-вторых тем, что роман в художественной форме обосновывает выполнение секретной директивы ЦК большевиков о поголовном истреблении казаков.

С.Корягин пишет в "Миражах "Тихого Дона": "Если в процессе описания 1-й Мировой войны и мирной жизни офицерство систематически наделяется рядом неприглядных, а подчас и отталкивающих черт, то в части, посвященной установлению советской власти на Дону, автор методично объясняет - почему этот слой общества необходимо уничтожить". Читатель "Тихого дон" имеет возможность с помощью С.Корягина выборочно убедиться в антиказачьей направленности 3-го тома романа: "блуд: половая распущенность Григория, похоть Листницкого, развратность Аксиньи, циничность Дуняши; офицерство: разлагающееся общество, "подонки офицерства - кокаинисты, насильники, грабители и прочие интеллигентные мерзавцы", сволочи, "карательный" отряд Романа Лазарева, оговор Красновым большевиков; исторические личности: "вислоусый, пропойского вида генерал Мамонтов"; исторические события: введение Красновым в качестве герба "золото казака на бочке" вместо двуглавого орла (на самом деле вместо "золото казака" был восстановлен "олень, пронзенный стрелой") и пр."

Некоторые любители Шолохова утверждают, что "в "Тихом Доне" почти нет политики". А как же Подтелков с его компанией? В романе сделана попытка "канонизировать" Подтелкова, Кривошлыкова и всех членов отряда. Дается исчерпывающий список с указанием места жительства (станции) каждого - это, надо понимать, и есть герои Дона. А вот и преступники: "Помимо "героев", - пишет С.Корягин, - в романе приведен столь же подробный список людей, судивших подтелковцев, кстати, "выборных от хуторов Каргинской, Боковской и Краснокутской станиц". Заметим, именно выборных! Нисколько не сомневаюсь, что не только все они были уничтожены, но и другие члены их семей были жестоко наказаны".

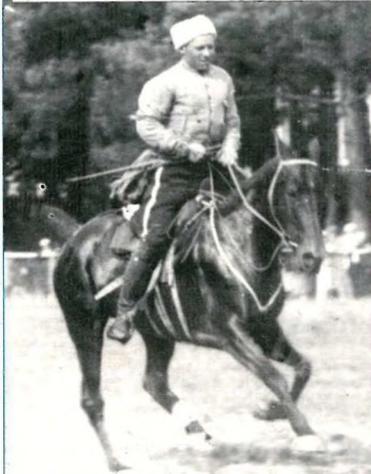
Обратим внимание: по Филину - если у Шолохова высокая словесность, то у Краснова лишь литературные опыты, хотя этими "опытами" еще до рождения Шолохова зачитывалась вся Россия. По Филину, "отдельные высказывания и поступки Краснова нельзя не осудить..., в его сочинениях немало спорного..., есть фразы, не продуманные до конца" и т.п. чушь. В этом шельмовании Краснова Филин оказывается в одной компании с милюковыми и керенскими.

Между тем, как отмечал и Г.Адамович, у Краснова были верные читатели. Один из них, К.С.Попов, в 1934 году в книге "Война и Мир" Л.Толстого и "От Двуглавого Орла к красному знамени" П.Краснова" писал: "Мы с изумлением наблюдали это явление 12 лет, но когда стало очевидно, что в атмосфере могильного молчания, которым окутано все, что касается нашего Русского национального писателя П.Н.Краснова, еще стремятся внести оттенок глумления... - пришлось сказать - ДОВОЛЬНО. Всему есть предел и нашему терпению - тоже. Вы рисуете нам Краснова таким, а вот посмотрите - каким он рисуется нам.

А нам, русским солдатам... Русской Армии не воздвиг ли Краснов нерукотворный памятник? Таково значение П.Н.Краснова для нас, и его не вытравить никому из наших сердец".

Книги П.Н.Краснова, хотя и медленно, но все же доходят до казачьих потомков - и они сами теперь могут по достоинству оценить творчество писателя, не обращая внимания на измышления милюковых и филиных.

Воспоминания Ф.И. Елисеева

В издательстве "Центрполиграф" вышли в свет последние две книги воспоминаний военного историка казачества полковника **Федора Ивановича Елисеева** - "Лабинцы. Побег из красной России" (543 с.) и "Джигитовка казаков по Белу Свету" (383 с.; сюда входят также мемуары кубанского казака **Г.А. Солодухина** и очерк о последнем Наказном Атамане ККВ генерале **М.П. Бабыче**). Как и предыдущие пять изданий, подготовлены они **Павлом Николаевичем Стреляновым** (Кулабуховым) и содержат около 150 редких фотографий и несколько сотен биографических справок офицеров и казаков, установленных составителем. Отрывки из книг представлены в этом номере газеты (стр. 15-18). Заказать книги можно в издательстве (111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15), в редакции "Станицы" или непосредственно у составителя.

"Часовые Отечества"

С декабря 2005 года и до конца мая в Санкт-Петербурге в залах Российского этнографического музея прошла выставка **"Часовые Отечества. Из истории российского казачества"**, организованная при участии Минкультуры, Федерального агентства по культуре и музейно-выставочного центра "РОСИЗО". Экспонаты, кроме главных музеев и архивов страны, представили около 30 российских музеев.

Экспозиция представляла разные этапы и стороны жизни казачества, его историю и самобытную культуру, а также попытки возрождения.

Главный зал выставки - "На службе Отечеству" - демонстрировал участие казаков в войнах XVII - начала XX веков, в том числе знамена, форма, оружие, различные документы и фотографии. Зал "Казаки у трона" представил своего рода парад Войск: вокруг трона Императора Николая II были выставлены мундиры казаков Конвоя и других гвардейских частей; здесь же демонстрировались казацкие регалии и награды.

Особый интерес вызвал зал, представлявший до сих пор сравнительно малоизвестную широкой публике сторону казачьей жизни - собственно гражданскую, его быт, традиции, элементы культуры и духовной жизни. Здесь, например, был воссоздан интерьер дома оренбургского казака.

А вот зал современного казачества был скучен. Парадные снимки нынешних "атаманов", пышные, но внеисторичные мундиры, "важные" бумаги... Интерес здесь могли вызвать лишь печальные свидетельства трагедии казачества советского периода, его разделения и истребления. Но и здесь - дань модной теме "примирения": соседствовали казаки и... сталинские "казаки" (с преобладанием последних).

К выставке вышел большой каталог **"Часовые Отечества"** - с описанием экспонатов, многочисленными цветны-

ми иллюстрациями, а также текстовыми разделами.

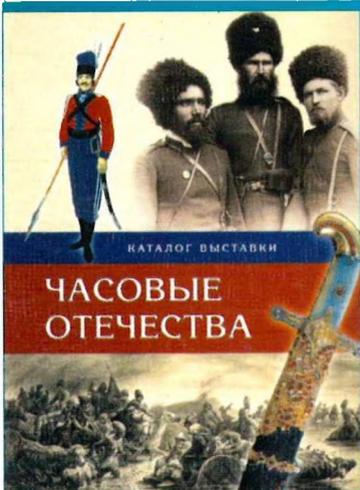
Жаль, но к подготовке текстов не привлекли квалифицированных исследователей, и по своему уровню они серьезно уступают иллюстративному материалу. Достаточно сказать, что главу "Казачьи Войска в России" написал О. Агафонов, чья книга на эту тему в свое время поразила специалистов невероятным количеством ошибок. А почему-то писавший о казачестве в XX веке директор музея "Царское Село" Г. Введенский вообще поразил. Вроде более-менее внятно рассказал о расказачивании, которое привело многих казаков в ряды германской армии - и тут же сбился на стандартный советский набор: "предатели", "звери-каратели", "грабители и насильники" (это о расстрелянных и выданных в Лиенце), с цитированием протоколов допросов на Лубянке. При том он не только традиционно игнорирует факты, но буквально брызжет слюной - такое и в самых красных газетках теперь редко встретишь. Ну и ученый!..

Раздел современный весь состоит из официальных документов и не явил даже малейшей попытки анализа сильных и слабых сторон казачьего движения, причин его неудач.

Тем не менее, каталог (альбомного формата, почти 300 страниц) стал вполне самостоятельным и значимым явлением. Старые снимки, картины, документы, отличные фото-экспонаты могут составить всем, кому повезло этим изданием разжиться, неплохую домашнюю экспозицию. А текст можно и не читать. Жаль только, что он много места занял - лучше бы отдать его еще под фотографии!..

Приходится, как обычно, пожалеть, что в подготовке такой выставки устроители обошлись без собственно казаков. Не хотелось делиться выделенными средствами?..

Остается добавить, что парой снимков из описываемого каталога выставки мы воспользовались при подготовке и этого номера "Станицы" (стр. 40).

Станица

газета зарегистрирована
в Министерстве печати РФ
регистрационный N 1527

учредитель - коллектив редакции

Адрес для писем: Москва, 115569,

Каширское ш., 86 - 3 - 586

тел.\факс (095) 390 4202.

E-mail: stanitsa@rambler.ru;

архив - www.stanitsa.nm.ru

Главный редактор -

- Валерий Шуков

Редактор -

- Георгий Кокунько

Редколлегия:

Александр Азаренков

Юрий Аверьянов

Игорь Борисов, Виктор Карпов

Олег Мраморнов, Андрей Серба

Павел Стрелянов (Кулабухов)

Юрий Сухарев

Мнение редакции
может не совпадать
с позицией авторов
публикаций

При перепечатке
материалов просьба
ссылаться на нашу
газету и её авторов

Компьютерная верстка -
Г. Кокунько